

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 29

2023

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский филиал РАНХиГС, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Адрес сайта журнала: <http://legallinguistics.ru/>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
Калмазова Н.А. ТЕКСТЫ ЦИФРОВОГО ПРАВОСУДИЯ: ФАКТОРЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ ТЕРМИНОВ И МОТИВИРОВАННОСТЬ	6
Юридическая герменевтика	
Головинов А.В., Головинова Ю.В. ДЕФИНИЦИЯ «ИСПРАВЛЕНИЕ ПРЕСТУПНИКА» В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ УЧЕНИИ Н.М. ЯДРИНЦЕВА	14
Сорокин В.В. ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОНЯТИЯ "ГЛОБАЛИЗМ" ПРИ ТОЛКОВАНИИ ПРАВОВЫХ АКТОВ	19
Рябова А.Ю. КОЛЛЕКТИВНЫЙ УЧАСТНИК В ЗАКУПКАХ: ДИЛЕММЫ СЕМАНТИКИ И ЕЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННАЯ СВЯЗЬ С НЕГАТИВНЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ ПО ЗАКУПКАМ	25
Юридическая техника	
Бегишева О.С. ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА РОЛЬ НАУКИ О ЯЗЫКЕ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СБОРНИКОВ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА»)	31
Волков Ю.В. ТЕРМИН «ИНФОРМАЦИЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ	37
Кирюшина И.Ю., Коваленко Е.Ю. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ОСНОВАХ ЕГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ И РОССИЙСКОМ ПРАВЕ	42
Тыдыкова Н.В. О ТЕРМИНАХ, ИСПОЛЗУЕМЫХ ПРИ КОНСТРУИРОВАНИИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 133 УК РФ	49
Федорченко Е.В. О ТЕРМИНЕ "РЕГУЛЯТОРНАЯ ГИЛЬОТИНА" В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	55
Правовая коммуникация	
Васильев А.А., Печатнова Ю.В. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ В СФЕРЕ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ	61
Речевые правонарушения	
Галяшина Е.И., Чернышев К.А. ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ	67
Лингвоэкспертология	
Новожилова Е.В. КЛАССИФИКАЦИЯ ТИПИЧНЫХ ЗАДАЧ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	73

История и состояние юрислингвистики в различных странах мира	
Осокина С.А., Афанасьева О.А. ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ И СТЕПЕНЬ СФОРМИРОВАННОСТИ КОНЦЕПЦИИ «ПРОСТОГО ЯЗЫКА» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЮРИСЛИНГВИСТИКЕ	78
Преподавание дисциплин юрислингвистического цикла	
Голев Н.Д., Лоншакова К.А. ЮРИСЛИНГВИСТИКА КАК ВУЗОВСКАЯ УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНИКОВ И МАГИСТЕРСКИХ ПРОГРАММ В ВУЗАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ): АСПЕКТУАЛИЗИРОВАННЫЙ ОБЗОР	86
Язык и право	
Дегтярева Е.А. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ США В РОМАНЕ ДЖ. ГРИШЭМА «ВНЕ ПРАВИЛ»	98

CONTENTS

Language of Law	
Kalmazova N.A. E-JUSTICE TEXTS: FACTORS OF BORROWING TERMS AND MOTIVATION	6
Legal hermeneutics	
Golovinov A.V., Golovinov Yu.V. THE DEFINITION OF "CORRECTIONAL REHABILITATION OF A CRIMINAL" IN THE POLITICAL AND LEGAL DOCTRINE OF N. M. YADRINTSEV	14
Sorokin V.V. ON THE USE OF THE CONCEPT OF "GLOBALISM" IN THE INTERPRETATION OF LEGAL ACTS	19
Riabova A.Yu. JOINT TENDERER IN PROCUREMENT: DILEMMAS OF SEMANTICS AND ITS CAUSAL RELATIONSHIP WITH NEGATIVE PROCUREMENT EFFECTS	25
Legal Techniques	
Begisheva O.S. EVOLUTION OF SCIENTIFIC VIEWS ON THE ROLE OF THE LANGUAGE SCIENCE IN LEGAL TECHNIQUE (CASE STUDY OF JOURNAL "LEGAL TECHNIQUE")	31
Volkov Y.V. THE TERM "INFORMATION" IN ENGLISH-LANGUAGE DICTIONARIES	37
Kiryushina I.V., Kovalenko E.Y. ON THE CONCEPT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE BASICS OF ITS REGULATION IN INTERNATIONAL AND RUSSIAN LAW	42
Tydykova N.V.	49

ON TERMS USED IN DEFINING THE CORPUS DELICTI UNDER ART. 133 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	
<i>Fedorchenko E.A.</i> THE TERM "REGULATORY GUILLOTINE" IN THE LEGAL DISCOURSE	55
Legal Communication	
<i>Vasilev A.A., Pechatnova Y.V.</i> POLITICAL AND LEGAL NATURE OF SANCTIONS RESTRICTIONS IN THE FIELD OF PUBLICATION ACTIVITY OF RUSSIAN SCIENTISTS	61
Speech Offenses	
<i>Galyashina E.I., Chernyshev K.A.</i> FUNDAMENTALS OF FORENSIC TACTICS IN THE COMMISSION OF EXPERTISE FOR EXTREMISM CASES IN PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES	67
Linguoexpertology	
<i>Novozhilova E.V.</i> CLASSIFICATION OF TYPICAL TASKS OF FORENSIC LINGUISTICS	73
History and current status of legal linguistics in different countries of the world	
<i>Osokina S.A., Afanaseva O.A.</i> HISTORY AND CURRENT STATE OF THE PLAIN ENGLISH CONCEPT IN LEGAL LINGUISTICS IN ENGLISH-SPEAKING COUNTRIES	78
Teaching law	
<i>Golev N.D., Lonshakova K.A.</i> LEGAL LINGUISTICS AS A UNIVERSITY ACADEMIC COURSE (CASE STUDY OF UNIVERSITY TEXTBOOKS AND MASTER'S PROGRAMS IN THE RUSSIAN FEDERATION): ASPECT APPROACH	86
Language and law	
<i>Degtyaryova E.A.</i> LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING EVALUATION IN J. GRISHAM'S NOVEL "ROGUE LAWYER"	98

Тексты цифрового правосудия: факторы заимствования терминов и мотивированность

Н. А. Калмазова

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва, Россия. E-mail: kalmazovana@gmail.com*

В исследовании на материале статей, обзоров и отчетов участников научного проекта «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов» были выделены и проанализированы новые заимствованные из английского языка в русский язык термины, функционирующие в текстах цифрового правосудия. Был проведен обзор мнений отечественных и зарубежных лингвистов на проблему признания необходимости заимствований, обоснованность которых сводится к целесообразности, разумности и соответствию литературной норме принимающего языка. Обобщены экстралингвистические и лингвистические факторы заимствований.

Установлено, что привлеченные термины цифрового правосудия заимствуются в готовом виде, являясь мотивированными лексемами в обоих языках. Включаясь в сложную иерархическую структуру микро- и макрополей, привлеченные термины становятся неотъемлемыми элементами терминосистемы, приобретая семантические свойства базовых системообразующих терминов. Их греко-латинские терминологические элементы поддерживают процесс интернационализации лексики и способов ее образования.

Частотными для цифровых текстов признаны некоторые немотивированные и частично мотивированные базовые термины компьютерной отрасли знания. Эти межотраслевые термины соответствуют требованиям краткости, однозначности и отсутствия синонимии, что свидетельствует об их идеальном соответствии терминологической номинации.

Ключевые слова: заимствованные термины, цифровое правосудие, информационные технологии, мотивированность, терминологический элемент.

E-Justice Texts: Factors of Borrowing Terms and Motivation

N. A. Kalmazova

*RUDN University
6 Miklukho-Maklaja str., 117198, Moscow, Russia. E-mail: kalmazovana@gmail.com*

The research is based on the articles, overviews and reports of the participants of the academic research "Transformation of Legal Regulation of Relations, Connected with Application of Digital Technologies in Legal System and within the System of Enforcement of Court Rulings" from which there have been extracted and analyzed terms, recently borrowed from English into Russian, which occur in the texts of e-justice. There has been done an overview of the opinions of Russian and foreign linguists connected with the issue of acceptance of borrowings, that resulted in such features as expedience, common sense, and correspondence to the target language standard. There have been generalized extralinguistic and linguistic factors of borrowings.

There have been stated that transmitted terms are borrowed in a ready-made form. They are motivated lexemes in both languages. Being included in the complex hierarchical structure of micro- and macro-fields, the transmitted terms become integral elements of the term system, acquiring the semantic properties of the basic system-forming terms. Their Greek and Latin term elements support the process of internationalization of vocabulary and the ways of its formation.

Some unmotivated and partially motivated basic terms of the computer branch of knowledge are frequency terms for digital texts. These interdisciplinary terms meet the requirements of brevity, unambiguity, and lack of synonymy, which indicates their ideal compliance with the terminological nomination.

Key words: borrowed terms, e-justice, digital technologies, motivation, term element.

Введение

Сегодня юридический язык активно развивается под влиянием социально-технологических процессов цифровизации, сопряженных с потребностями современного общества. Появляются новые способы и методы оказания юридических услуг гражданам, в частности, возрастает «число полномочий суда, связанных с эксплуатацией электронных систем» [Афанасьев 2021: 52], что приводит к заимствованию современных методик, разработанных в технологически более продвинутых странах.

Параллельно заимствуются базовые юридические и компьютерные понятия и термины, например цифрового правосудия и информационных технологий. Анализ целесообразности, причин и мотивированности заимствований терминов, функционирующих в текстах цифрового правосудия, из английского языка в русский язык составляет предмет данного исследования.

Материал и методы исследования

В исследовании анализируется материал статей, обзоров и отчетов участников научного проекта № 8-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов». На их основе был произведен отбор частотных заимствованных юридических терминов цифрового правосудия и терминов информационных технологий.

В настоящее время появляются «новые сферы правового регулирования и новые правовые институты, ...новые правовые отношения... появляются нормативные тексты, содержащие новую для права терминологию. В силу новизны регулируемых отношений и длительности законотворческой процедуры, законов, регламентирующих сферу цифровых технологий, принято пока мало» [Давыдова 2020: 53]. Следовательно, заимствованные термины, функционирующие в текстах цифрового правосудия, нуждаются в систематизации и в разработке «фундаментальной методической основы, прежде всего создании ... понятийного аппарата» [Поляков 2022: 22], что составляет цель данной статьи. Поставленная цель реализуется посредством применения метода контекстуального и сопоставительного анализа, а также анализа словарных дефиниций.

Результаты и обсуждение

Признание заимствования

Вопрос о целесообразности / законности / необходимости / предпочтении заимствованных единиц практически всегда рассматривается как отечественными, так и зарубежными лингвистами. Так, Л. П. Крысин считает, что процесс заимствования слов из других языков естественен и обычен для любого языка, независимо от его сложности, распространенности и количества носителей [Крысин 2008: 2]. С другой стороны, не всегда понятно, для чего необходимо брать что-то извне, поскольку во многих случаях необходимость заимствований сомнительна, так как языки обладают собственными средствами создания новых слов, что благоприятно сказывается на жизнеспособности (vitality) языка [Sabre 1999: 75]. Перенос внешних форм в другой язык обусловлен социальной ситуацией, характеризующейся толерантностью к иностранным влияниям, которые, в свою очередь, ограничены определенными временными рамками. Контакты с более развитыми языковыми коллективами зачастую влекут за собой заимствование, которое изначально бытует и закрепляется в образованном слое общества и впоследствии имеет вероятность распространения во все слои общества [Hoffer 2002: 3]. Возникают определенные благоприятные условия в экономической, политической и культурной жизни народа, которые способствуют процессам ассимиляции иноязычных форм в национальный язык и национальное самосознание [Крысин 2008: 5]. Однако каждое заимствование должно быть обосновано [Даниленко 1977: 168]. Исследователи предлагают давать оценку «целесообразности введения заимствования» с точки зрения точности содержания и удобства формы слова [Суперанская 1989: 213], и призывают к разумному использованию заимствований в плане их соответствия лексическим, грамматическим и стилистическим нормам русского языка [Слепович 2020: 99], что воплощено в законопроекте, внесенном фракцией ЛДПР на рассмотрение в Государственной думе РФ [Малярчук-Прошина и др. 2020: 45].

Таким образом, и отечественные и зарубежные авторы признают неизбежность и естественность процесса заимствования лексических единиц, в том числе и терминов, при условии его необходимости, целесообразности, соответствия норме литературного языка и обоснованности в данный конкретный отрезок времени по ряду причин, описанных далее.

Основные факторы заимствования терминов текстов цифрового правосудия и их мотивированность

Самой распространенной функцией заимствования слова является необходимость выразить новое понятие, связанное с объектом, с действием, с идеей, с процессом, когда собственные ресурсы принимающего языка не задействуются для передачи этого нового понятия. Слово должно оставаться в активном употреблении не менее двадцати лет, прежде чем оно станет «неотъемлемой частью системы и войдет в словари» [Hoffer 2002: 18]. Обращение к заимствованиям подчеркивает стремление к «интеграции с иностранным контентом» [Рубцова 2020: 71].

Традиционно причины заимствования разделяют на экстралингвистические и лингвистические [Дьякова 2020: 44]. С. В. Гринёв выделяет в первой группе такие причины, как культурное влияние языков, языковые контакты, «авторитетность языка-источника», интерес определенного социального слоя к иноязычной культуре в определенный исторический период, интерес конкретного социального слоя к языковому материалу иностранного языка. Ко второй группе он относит, во-первых, отсутствие исконного эквивалента, во-вторых, замену описательного оборота однословным эквивалентом, в-третьих, избавление от омонимии и полисемии, в-четвертых, специализацию

значения имеющегося эквивалента более широкой семантики, в-пятых, ограниченную деривацию исходных единиц [Гринёв 1993: 161].

Наряду с уже указанной причиной заимствования нового значения слова с более узкой семантикой, чем имеющееся исконное слово, выделяются такие основания, как семантическое и функциональное разграничение исходного и заимствованного слова с последующим укоренением иноязычного слова в принимающем языке и стремление языка к экономному использованию языковых средств [Крысин 2008: 6].

Анализируя заимствования, функционирующие в текстах цифрового правосудия последних лет, становится очевидно, что все приведенные у С. В. Гринёва экстралингвистические факторы их импорта из английского языка в русский язык (понимая под «социальным слоем» юристов, профессиональная деятельность которых неизбежно связана с процессами цифровизации правосудия) применимы в данном случае. Это множество терминологических сочетаний с компонентом «электронный», таких как «электронное правосудие», «электронный документ», «электронная подпись»; с компонентом «цифровой», как, например, «цифровая среда», «цифровые права»; универбы и поливербы, отражающие понятия информационных технологий, широко применяемые в цифровом правосудии – «блокчейн», «облачные технологии», «большие данные», «искусственный интеллект», «кодирование с предсказанием».

Основным лингвистическим фактором заимствования терминов, встречающихся в текстах цифрового правосудия, из английского языка в русский язык является заимствование нового понятия при отсутствии эквивалента в принимающем языке, например, в таких терминах, как «электронная подпись», «цифровые права», «блокчейн», «кодирование с предсказанием», «большие данные», «облачные технологии», «искусственный интеллект». Еще одним фактором заимствования данных терминов является сужение значения базового юридического термина посредством добавления к нему заимствованного терминологического элемента, входящего в семантическое поле базовых компьютерных терминов, образуя атрибутивные или предложные словосочетания, в которых частотным терминологическим элементом является «электронный», единично представлены такие терминологические элементы, как «компьютерный», «цифровой», «информационный». Несмотря на кажущееся формальное сходство, эти термины неоднородны. Они представляют две отрасли научного знания: юриспруденцию и информатику.

Термины цифрового правосудия (атрибутивные терминологические словосочетания): e-justice – «электронное правосудие», electronic signature / e-signature – «электронная подпись / простая электронная подпись», digital signature – «усиленная квалифицированная электронная подпись», digital signature – «усиленная неквалифицированная электронная подпись», electronic evidence – «электронное доказательство», e-discovery – «электронное предоставление и исследование доказательств», electronic case – «электронное дело», computer / cyber / digital forensics – «компьютерная криминалистика», digital rights – «цифровые права». Эти термины образованы в английском языке от родовых юридических базовых терминов, которые были выделены «... при зарождении данной терминологии из той терминологии или области лексики, которая лежала в ее основе, являясь базой для ее образования...» [Гринёв 1993: 63], – justice, signature, evidence, discovery, case, forensics, rights – и привлеченных терминов, используемых в разных, иногда неблизкородственных терминологических системах – electronic (e-), computer, digital. Они включаются в сложную иерархическую структуру микро- и макрополей, занимая в них свои определенные места и приобретая «семьи единицы, расположенной выше в иерархической структуре поля и являющейся основной системообразующей единицей формирования терминологической системы» [Хижняк 1997: 65]. В русский язык заимствование происходит посредством калькирования, при этом импортируются и понятийные признаки. Например, в дефинициях исходного термина computer forensics и заимствованного термина «компьютерная криминалистика» наблюдаются идентичные семы. «Computer forensics – a branch of forensic science which deals with the application of investigative analysis techniques on computers in order to retrieve and preserve evidence in a way that is legally admissible» [What is Computer Forensics? URL]. «Компьютерная криминалистика – прикладная наука о раскрытии преступлений, связанных с компьютерной информацией, об исследовании цифровых доказательств, методах поиска, получения и закрепления таких доказательств» [Safonov URL].

Среди заимствованных терминов текстов цифрового правосудия особое место занимают термины информационных технологий.

Термины информационных технологий (заимствованные атрибутивные терминологические словосочетания): electronic form – «электронная форма», electronic document – «электронный документ» / «электронный образ документа», electronic records – «электронный реестр», electronic filing system – «система электронного архивирования», electronic filing fee – «электронная оплата подачи документов» / «электронный регистрационный сбор», electronic payment order – «электронное платежное поручение», automated digital systems – «автоматизированные информационные системы».

Термины информационных технологий (заимствованные предложные терминологические словосочетания): electronic data – «данные в электронном виде», electronic submission – «подача документов в электронной форме».

Заимствованные термины информационных технологий также являются кальками, в состав которых входят базовые термины информационных технологий («архивирование», «информационные системы») или экономики («форма», «документ», «реестр», «регистрационный сбор», «платежное поручение», «данные», «подача документов») и межотраслевые приобретенные термины («электронный», «система», «автоматизированный»). Несмотря на вторичный характер их функционирования в текстах цифрового правосудия, они могут рассматриваться как периферийные единицы этой терминологической системы, поскольку понятия, репрезентированные данными терминами,

приобретают контекстуальные черты той научной отрасли, в которой они используются. Так, в терминопле «электронный регистрационный сбор» юристы вкладывают понятийные признаки, связанные с оплатой только тех документов, которые необходимы в рамках данного судебного процесса (административного, гражданского, уголовного), в ходе работы с конкретным делом, например ходатайством, исковым заявлением апелляцией и т. д.

Уникально, что сужение значения и образование нового видового термина происходит в языке-источнике за счет интернациональных терминоэлементов привлеченных терминов, и впоследствии заимствуется языком-реципиентом в готовом виде, представляя собой нетипичный для заимствований пример импорта термина, мотивированного в обоих языках (как правило, заимствования рассматриваются как немотивированные единицы). Под мотивированностью термина мы понимаем прямое отражение содержания термина в его форме. В соответствии с классификацией В. П. Даниленко [Даниленко 1977: 63] в терминах с терминоэлементами «электронный», «компьютерный», «цифровой», «информационный» проявляется мотивированность синтаксического типа. Именно этот тип мотивированности оказался наиболее продуктивным при образовании терминов цифрового правосудия и информационных технологий. Такое положение дел подтверждает мысль В. П. Даниленко о преобладании в русском языке мотивированного типа номинации, что подкрепляется представленными нами данными по заимствованным терминам. В рамках существующей тенденции к интернационализации лексических единиц увеличивается «приток мотивированных номинаций путем образования и признания целесообразности терминологии, созданной из греко-латинских морфем» [Даниленко 1977: 64], хотя в нашем исследовании представлены не терминоэлементы-морфемы, а терминоэлементы-лексемы: *electronic* «электронный» происходит от др.-греч. ἤλεκτρον «электр, блестящий металл; янтарь»; *computer* «компьютерный» – от лат. *computāre* – «вычислять». Таким образом, мы поддерживаем вывод Ж. Багана о том, что «... наблюдается не только явление интернационализации самих лексических единиц, но и способов образования слов. Заимствования иноязычной лексики и образование новых слов при помощи интернациональных морфем», в нашем примере – терминов, используемых в качестве продуктивных терминоэлементов, «ведет к увеличению интернационального лексического фонда» [Багана 2020: 55; Елисеева 2020: 114].

В научных текстах цифрового правосудия невозможно обойтись без базовых компьютерных терминов. В современных условиях всеобщей обязательной компьютеризации общественной и научной жизни их статус приобрел не только межотраслевой общенаучный, но и общеупотребительный характер. Среди таких терминов имеются мотивированные, немотивированные и частично мотивированные единицы.

Форма мотивированных терминов «пользователь» и «искусственный интеллект» прозрачна, то есть дает четкое представление о понятиях, закрепленных за ними, и вызывает прямые логико-ассоциативные связи с их денотатами и с их местом в конкретной терминологической системе, что свидетельствует о проявлении такого свойства термина, как системность, и называется «дефинитивностью термина» [Гринёв 1993: 175]. «Пользователь – я, м. (книжн.). Тот, кто пользуется чем-н. П. компьютером, программой» [Современный толковый словарь URL]. Очевидно прямое соответствие термина его дефиниции: пользователь – пользуется. «Искусственный интеллект – раздел информатики, включающий разработку методов моделирования и воспроизведения с помощью ЭВМ отдельных функций творческой деятельности человека, решение проблемы представления знаний в ЭВМ и построение баз знаний, создание экспертных систем, разработку т. н. интеллектуальных роботов» [Современный толковый словарь URL]. Терминоэлемент «искусственный» выражен в дефиниции через конкретизацию проведения данного искусственного процесса человеком «разработка методов моделирования и воспроизведения с помощью ЭВМ отдельных функций творческой деятельности человека, решение проблемы представления знаний в ЭВМ и построение баз знаний, создание экспертных систем, разработку...», а также посредством использования понятия, входящего в терминологическое поле «искусственный» – «робот». Терминоэлемент «интеллект» продублирован в дефиниции в форме «интеллектуальных».

К разряду мотивированных терминов следует отнести термин, образованный в английском языке посредством метафоры *cloud technologies*. «Семантические способы образования терминов путем метафоры или сужения значения слов позволяют получить термины, обладающие образной мотивированностью, то есть низшей степенью мотивированности» [Гринёв 1993: 180]. Обращение к семантическому способу номинации свидетельствует о том, что и сегодня он актуален и продуктивен. В русский язык термин заимствуется в полном объеме значений. *Cloud technologies / cloud computing is the delivery of different services through the Internet. These resources include tools and applications like data storage, servers, databases, networking, and software* [What is Cloud Computing? URL]. «Облачные технологии» / «облачные вычисления» – «технологии распределенной обработки цифровых данных, с помощью которых компьютерные ресурсы предоставляются интернет-пользователю как онлайн-сервис» [Executive.ru. URL]. Сегодня «облачные технологии» в работе судебной системы России автоматизируют сбор и обработку информации в контрольных и надзорных органах. «Автоматизация работы с информацией повысит эффективность контрольнонадзорных органов», говорится в распоряжении правительства [Информационные технологии в правосудии URL]. Очевидно, что периферийные семы термина «облачные технологии», реализующиеся в текстах цифрового правосудия, непосредственно связаны с макрополем «судебные системы России», что делает возможным его включение в одну из видовых подкатегорий иерархии данной системы.

Термины, материально заимствованные для выражения нового понятия, являются немотивированными, поскольку с синхронной точки зрения мотив их образования не очевиден. В нашем исследовании немотивированные термины либо образованы на основе английского терминоэлемента, который, в свою очередь, в исходном языке был терминологизирован посредством расширения значения общелитературного слова – «файл» от

file, «сайт» от site, либо посредством метонимического переноса – «интерфейс» от interface, либо посредством словосложения единиц общелитературного языка-источника – «блокчейн» от blockchain (block+chain). Несмотря на непрозрачность формы, немотивированные однозначные термины функционально предпочтительнее мотивированных многозначных терминов, так как их означаемому зачастую соответствует одно означаемое в принимающем языке, в отличие от исконного термина, у которого может быть несколько значений (и общелитературных, и терминологических). Например, слово file в английском языке имеет как минимум 12 значений, и только четвертое 4) N-COUNT In computing, a file is a set of related data that has its own name [Lingvo Live URL] связано с компьютерной терминологией.

В толковых словарях русского языка встречается лишь одно значение этого слова. «Файл» – «в ЭВМ: поименованная область данных» [Современный толковый словарь URL].

Функционирование термина «сайт» имеет аналогичную картину – одно значение из одиннадцати является компьютерным термином 4) N-COUNT A site is the same as a website [Современный толковый словарь URL].

В русском языке «сайт» – «совокупность тематических веб-страниц, расположенных в сети Интернет по определенному адресу и содержащих информацию о личности или организации, либо представляющих собой площадку для общения пользователей в виде форума или социальной сети» [Современный толковый словарь URL].

Термин interface образован в английском языке путем метонимического переноса по смежности обозначаемого им явления от слова общелитературного языка (в общелитературном английском языке interface – «поверхность контакта, средство осуществления взаимного воздействия, область взаимодействия, граница раздела (двух тел), поверхность раздела (напр., слоев жидкости), организация взаимодействия»; в компьютерной терминологии interface – «граница между двумя системами или приборами, устройство сопряжений, механизм, интерактивная связь, система интерактивной связи, система обмена данными») [Мультитран URL]. В русский язык термин «интерфейс» заимствован во всем многообразии значений.

Interface

1. *The interface between two subjects or systems is the area in which they affect each other or have links with each other.*
2. *If you refer to the user interface of a particular piece of computing software, you are talking about its presentation on screen and how easy it is to operate.*
3. *In computing and electronics, an interface is an electrical circuit which links one machine, especially a computer, with another. [TECHNICAL] [Lingvo Live URL].*

«Интерфейс – совокупность средств и методов взаимодействия между элементами системы. Этот термин используется практически во всех областях науки и техники. Его значение относится к любому сопряжению взаимодействующих сущностей. Под интерфейсом понимают не только устройства, но и правила (протокол) взаимодействия этих устройств. В контексте отдельного элемента интерфейс элемента противоположен реализации элемента (внутреннему устройству и функционированию). Пользователю элемента незачем знать, как реализован используемый элемент, чтобы управлять им, но используемый элемент должен предоставить интерфейс управления. Например, водителю вовсе не обязательно знать, как устроен двигатель, чтобы управлять автомобилем, достаточно пользоваться интерфейсом автомобиля (рулем и педалями)» [Академик URL].

Сегодня практически все суды Российской Федерации имеют электронные страницы с соответствующим интерфейсом. Межотраслевая востребованность данного термина имеет технологическую обусловленность и предопределяет полный перенос понятийных свойств исконного английского термина в заимствованный русский термин.

Термин blockchain, терминологизированный в английском языке путем сложения двух слов общелитературного языка block и chain, был заимствован в русский язык вместе с понятием, введенным американскими разработчиками соответствующей технологии.

Blockchain

1. банк. распределенная база данных, реализованная в криптовалюте биткойн (банковская технология для обращения криптовалюты биткойн; заключается в осуществлении платежа без посредников в силу необратимости финансовой операции СЮШ); распределенный реестр
2. инф. безоп. распределенное хранение достоверных записей; распределенный цифровой реестр (для проведения и проверки финансовых операций)

ИТ. распределенные реестры

3. комп. цепочка блоков баз данных, носители информации которых не связаны между собой при помощи одного общего сервера; распределенный цифровой реестр
4. комп., жарг. блокчейн
5. комп., сет. блочная цепь (общедоступный журнал финансовых операций, на котором основана сеть криптовалюты)
6. фин. цепочка блоков; технология распределенных реестров (напр., безналичные расчеты с использованием технологии распределенных реестров; платформа для создания новых криптоденег) [Мультитран URL].

Технологии «блокчейн» появились в России несколько лет назад, в результате чего этот термин не представлен в толковых словарях русского языка, так как он еще не завершил процесс ассимиляции. Термин однозначно закрепится в компьютерной терминологии, так как на данном этапе он активно используется в текстах разных отраслей научного знания (информатика, бизнес, юриспруденция, здравоохранение, политика) в связи с важностью, актуальностью и востребованностью технологического процесса, который он обозначает. В юриспруденции

технологии «блокчейн» применяются при консультировании и правовом сопровождении клиентов, в процессе разработки программного обеспечения для юридических компаний, а также при необходимости снижения правовых рисков финансовых операций, что делает возможным его включение в соответствующие отраслевые макро- и микрополя юридической терминосистемы.

Итак, немотивированные заимствованные термины «файл», «сайт», «интерфейс», «блокчейн» не имеют смысловых дублирующих компонентов в словарных дефинициях и являются немотивированными терминами в русском языке. Их межотраслевая распространенность в настоящее время предполагает четкое закрепление за ними дефинитивных понятийных свойств, что соответствует таким требованиям к содержанию терминов, как отсутствие противоречий в семантике, «полнозначность (отражение в значении термина минимального количества признаков, достаточных для идентификации обозначаемого им понятия)» [Гринёв 1993: 37], отсутствие синонимов. Формальная лаконичность этих терминов отвечает требованию краткости, возможность выполнения которого предоставляется далеко не всегда.

Такие термины, как predictive coding – «кодирование с предсказанием», Big Data – «большие данные», классифицируются как частично мотивированные, поскольку их дефинитивность не полностью вычленяется из смысловых компонентов, их означающих. «Кодирование с предсказанием» – «метод преобразования сигнала, который обычно включает его сжатие. Текущее значение сигнала предсказывается на основе его предыдущих значений, и в канале связи передается разностный сигнал, равный ошибке предсказания» [Невдяев 2002 URL]. В юриспруденции «кодирование с предсказанием» применяется при анализе судебной практики. Прецедентные дела просматриваются не вручную, как это было до недавнего времени, а обрабатываются с помощью специальной программы, что существенно ускоряет и удешевляет процедуру работы по делу. В результате выделяется небольшое количество максимально схожих по набору фактов дел и предсказывается вероятный исход данного дела. Так же обрабатываются и все остальные сопутствующие материалы и документы по делу [Право-300 URL]. Таким образом, второй компонент термина «кодирование с предсказанием» представлен в дефиниции и отражает результат применения данной технологии – «предсказать исход», но формально не закреплена связь такого исхода с семей «анализ по юридическим делам», что подтверждает мысль о частичной мотивировке данного термина. «Кодирование с предсказанием» использует массивы данных для автоматизации работы с целью поиска разного рода несоответствий или, наоборот, возможностей в законах через обращение к «большим данным» [Солдаткина 2019: 114]. Термин «большие данные» не закреплён в толковых словарях русского языка. В оксфордском онлайн-словаре Big Data определяется как «sets of information that are too large or too complex to handle, analyze or use with standard methods» (массив информации, слишком большой и сложный для управления, анализа или использования посредством традиционных методов) [Oxford learner's dictionaries URL]. Исходя из дефиниции, можно утверждать, что термин частично мотивирован через компонент «массив информации»; связь с понятийным компонентом «необходимость применения нетрадиционных методов» при обращении к «большим данным» не отражена в содержании означающего данного термина.

Имея четкую дефиницию в исходном языке, понятие, обозначаемое заимствованным термином «большие данные», занимает определенное место в макрополе юридической терминосистемы «подача документов в электронном виде», входя в состав микрополя «кодирование с предсказанием» при компьютерной обработке документов любого юридического дела. Он является неотъемлемой частью данных микро- и макрополей; без него их функционирование невозможно. Следовательно, входя в состав ядерных системообразующих единиц, термин «большие данные» является полноправным действующим элементом юридической терминологической системы русского языка, и процесс его включения в терминологические словари лишь вопрос времени.

Заключение

Динамичное развитие цифровых технологий сопряжено с проникновением в юридические тексты русского языка заимствованных терминов из английского языка по причине лидерства США в разработке методов данной сферы правового регулирования. Этот процесс признается неизбежным и естественным в определенной социальной ситуации в конкретный исторический период как зарубежными, так и отечественными лингвистами при соблюдении ряда условий, таких как целесообразность (в связи с точностью содержания и удобства формы), разумность, соответствие литературной норме языка-реципиента.

Основным экстралингвистическим фактором заимствования терминов цифрового правосудия и терминов информационных технологий, встречающихся в юридических текстах, является безотлагательная необходимость использования языкового материала российскими юристами при заимствовании нововведений в профессиональной деятельности.

Выявленные лингвистические факторы заимствования рассматриваемых терминов цифрового правосудия сводятся к отсутствию исконного эквивалента, специализации значения имеющегося эквивалента более широкой семантики и стремлению языка к экономичному использованию языковых средств.

Большинство заимствованных привлеченных терминов цифрового правосудия и информационных технологий являются мотивированными в обоих языках атрибутивными и предложными словосочетаниями с интернациональными терминологическими лексемами (а не морфемами, что традиционно отмечалось в исследованиях по терминологическим заимствованиям), такими как «электронный», «компьютерный», «цифровой», и пополняют интернациональный лексический фонд. При слиянии с базовыми родовыми юридическими терминами эти терминологические элементы активно участвуют в процессе терминологической номинации, дополняя терминополья

видовыми терминами и устанавливая межотраслевые и межтерминологические связи с другими отраслями научного знания.

Немотивированные и частично мотивированные термины информационных технологий являются межотраслевыми единицами, с ядерными полевыми признаками компьютерной терминологии. В юридической терминотехнике они выполняют прикладную функцию технологической основы современных методик правового регулирования и соответствуют таким требованиям, предъявляемым к идеальному термину, как краткость, прозрачность дефиниции и однозначность, отсутствие синонимии, что делает их применение удобным для специалистов в силу их прямой соотнесенности с понятийной сферой современных цифровых технологий юриспруденции.

Литература

Академик URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/941024>

Афанасьев С. Ф., Борисова В. Ф. Правовое регулирование процессуальных прав и обязанностей, осуществляемых в электронной форме участниками гражданского судопроизводства / Правовая культура. - 2021. - № 1(44). - С. 52-57.

Багана Ж. Английские заимствования в русском и немецком языках в условиях глобализации: монография. М., 2020.

Гринёв С. В. Введение в терминоведение. М., 1993.

Давыдова М. Л. Формирование и нормализация юридической терминологии в сфере цифровых технологий / Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. - 2020. - № 19. - С. 52-63.

Даниленко В. П. Русская терминология. М., 1977.

Дьяков А. И., Чирейкина О. Ю. Англицизмы в русских терминологических системах / Международный научно-исследовательский журнал. - 2020. - № 5. - С. 43-47.

Елисеева И. А., Николи Н. К. Причины заимствования англицизмов в современном русском языке / Наука и производство Урала. - 2020. - № 16. - С.114-116.

Информационные технологии в правосудии. URL: <https://ilr.hse.ru/data/2020/07/14/1597449494/Информационные%20технологии%20в%20правосудии.pdf>

Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М., 2008.

Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982.

Малярчук-Прошина У. О., Бурлаченко К. А. Иностранные заимствования в научно-технической литературе / Тенденции развития науки и образования. - 2020. - № 58-10. - С. 4-50.

Мультитран. URL: <https://www.multitrans.com/m.exe?l1=1&l2=2&s=interface>

Невдяев Л. М. Телекоммуникационные технологии. 2002 URL: https://www.studmed.ru/nevdyayev-lm-telekommunikacionnye-tehnologii_bf9b39d3ad7.html

Поляков В. В. К проблеме использования понятия «искусственный интеллект» в криминалистике / Юрислингвистика. - 2022. - № 25. - С. 21-28.

Право-300. URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/73753/>

Рубцова Е. В. Оценка причин заимствований иностранных слов в русскоязычной бизнес-сфере / Региональный вестник. - 2020. - № 5 (44). - С.71-72.

Слепович В. С. Английские заимствования в русском тексте / Вестник Белорусского государственного экономического университета. - 2020. - № 4 (141). - С. 97-103.

Современный толковый словарь URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-44746.htm>

Солдаткина О. Л. Цифровое право: особенности цифровой среды и субъекты / Государство и право. - 2019. - № 12. - С.113-123.

Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. М., 1989.

Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав Саратов. 1997.

Cabre, M. Teresa. Terminology. Theory, Methods and Applications. Amsterdam, 1999.

Executive.ru. URL: https://www.e-executive.ru/wiki/index.php/Облачные_технологии

Hoffer B. L. Language Borrowing and Language Diffusion: an Overview / Intercultural Communication Studies XI:4. 2002. URL: <http://web.uri.edu/iaics/files/01-Bates-L.-Hoffer.pdf>

Lingvo live URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/en-en/file>

Oxford learner's dictionaries URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/big-data?q=big+data>

Safonov L. Хабр. URL: <https://habr.com/ru/post/327740/>

What is cloud computing? URL: <https://www.investopedia.com/terms/c/cloud-computing.asp>

What is computer forensics? URL: <https://www.datarecovery.co.nz/forensic-investigation/what-is-computer-forensics/>

References

Academician. Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/941024>

Afanasyev, S. V., Borisova, V. F. (2021). Legal regulation of procedural rules and duties, executed in electronic form by the participants of civil litigation. Legal Culture, 1 (44), 52-57 (in Russian).

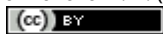
- Bagana Zh. (2020). English borrowings in Russian and German in globalization. Moscow (in Russian).
- Cabre, M. T. (1999). Terminology. Theory, methods and applications. Amsterdam (in English).
- Danilenko, V. P. (1977). Russian terminology. Moscow (in Russian).
- Davidova, M. L. (2020). Formation and normalization of legal terminology in the branch of digital technologies. Bulletin of Volgograd State University, 19, 4, 52-63 (in Russian).
- Djakova, A. I., Chireikina, O. J. (2020). Anglicisms in Russian terminological systems. International scientific research journal, 5, 43-47 (in Russian).
- Executive.ru. Available at: https://www.e-executive.ru/wiki/index.php/Облачные_технологии
- Explanatory dictionary of the Russian language. Available from: <https://www.vedu.ru/expdic/37181/>
- Grinov, S. V. (1993). Introduction into the terminological studies. Moscow (in Russian)
- Hoffer, B. L. (2002). Language Borrowing and language diffusion: an overview. Intercultural communication studies. Available from: <http://web.uri.edu/iaics/files/01-Bates-L.-Hoffer.pdf>
- Information technologies in justice. Available from: <https://ilr.hse.ru/data/2020/07/14/1597449494/Информационные%20технологии%20в%20правосудии.pdf>
- Jeliseeva, I. A., Nikoli, N. K. (2020). Reasons of anglicism borrowings in modern Russian. Science and Ural production, 16, 114-116 (in Russian).
- Khizhniak, S. P. (1997). Legal terminology: formation and structure. Saratov (in Russian).
- Krisin, L. P. (2008). Word in modern texts and dictionaries: articles about Russian vocabulary and lexicography. Moscow (in Russian).
- Law-300. Available from: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/73753/>
- Lingvo live. Available from: <https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/en-en/file>
- Lotte, D. S. (1982). Issues of borrowing of foreign terms and terminological elements. Moscow (In Russian).
- Maliarchuk-Proshina, U. O., Burlachenko, K. A. (2020). Foreign borrowings in scientific technical literature. Tendencies of development of science and education, 58-10, 4-50 (in Russian).
- Multitran. Available from: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=1&l2=2&s=interface>
- Nevdiajev, L. (2002). Telecommunication technologies. Available from: https://www.studmed.ru/nevdyayev-lm-telekommunikacionnye-tehnologii_bf9b39d3ad7.html
- Oxford learner's dictionaries. Available from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/big-data?q=big+data>
- Poliakov, V. V. (2022). Issues of using the notion "artificial intelligence" in forensics. Legal Linguistics, 25, 21-28 (in Russian).
- Rubtsova, E. V. (2020). Assessment of reasons of borrowings of foreign words in Russian business sphere. Regional bulletin, 5(44), 71-72 (in Russian).
- Safonov, L. Khabr. Available from: <https://habr.com/ru/post/327740/>
- Slepovich, V. S. (2020). English borrowings in Russian texts. Bulletin of Belorussian state economic university, 4-4 (141), 97-103 (in Russian).
- Soldatkina, O. L. (2019). Digital law: special features of digital media and subjects. State and law, 12 113-123 (in Russian).
- Superanskaja, A. V., Podolskajua, A. V., Vasilieva, N. V. (1989). General terminology: issues of theory. Moscow (in Russian).
- What is cloud computing? Available from: <https://www.investopedia.com/terms/c/cloud-computing.asp>
- What is computer forensics? Available from: <https://www.datarecovery.co.nz/forensic-investigation/what-is-computer-forensics/>.

Citation:

Калмазова Н. А. Тексты цифрового правосудия: факторы заимствования терминов и мотивированность // Юрислингвистика. – 2023. – 29. – С. 6-13.

Kalmazova N. A. (2023) E-Justice Texts: Factors of Borrowing Terms and Motivation. Legal Linguistics, 29, 6-13.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

Дефиниция «исправление преступника» в политико-правовом учении Н. М. Ядринцева

А. В. Головинов¹, Ю. В. Головинова²

¹*Алтайский государственный университет*

пр. Ленина 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

²*Алтайский государственный педагогический университет*

Молодежная, 55, 656035, Барнаул, Россия. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

---

Цель публикации – выявить и показать сущность и содержание категории «исправление преступника» в философско-правовых взглядах Н. М. Ядринцева. Руководствуясь герменевтической методологией и текстологическим анализом идейного политико-правового наследия сибирского интеллектуала, авторы делают акцент на том, что содержание дефиниции «исправление преступника» он связывал с нравственностью.

Показано, что в идеологии Н. М. Ядринцева обращение к духовному миру человека, к нравственным началам жизнедеятельности личности оказало серьезное влияние на терминологический аппарат, используемый просветителем.

Установлено, что с известной степенью условности лидера движения областников можно считать одним из основателей пенитенциарной социологии, возникшей на стыке социологической науки и уголовно-исполнительного права.

Авторы приходят к выводу о том, что дефиниция «исправление преступника» в лексико-терминологическом аппарате идеолога сибирского демократического регионализма Н. М. Ядринцева использовалась преимущественно в содержательном значении. Сибирского просветителя волновала прежде всего сущность данной категории. В целом под исправлением арестантов он понимал сложный многомерный процесс, который имеет имманентное и перманентное содержание.

Ключевые слова: исправление преступника, тюрьмоведение, пенитенциаристика, община, областничество, Н. М. Ядринцев.

The Definition of "Correctional Rehabilitation of a Criminal" in the Political and Legal Doctrine of N. M. Yadrintsev

A. V. Golovinov¹, Yu. V. Golovinova²

¹*Altai State University*

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

²*Altai State Pedagogical University*

55 Molodyozhnaya str., 656035, Barnaul, Russia. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

---

The purpose of the publication is to reveal and show the essence and content of the category "correctional rehabilitation of a criminal" in the philosophical and legal commitments of N. M. Yadrintsev. Guided by the hermeneutic methodology and textual analysis of the ideological political and legal heritage of the Siberian intellectual, we have emphasized that he associated the content of the definition of "correctional rehabilitation of a criminal" with moral.

It is shown that in N. M. Yadrintsev's ideology appeal to the spiritual world of the man, to the moral principles of the life of an individual had a serious impact on the terminological apparatus used by the educator.

It has been established that, supposedly, the leader of the regionalist movement can be considered one of the founders of penitentiary sociology, which arose at the overlap of sociological science and penitentiary law.

The authors come to the conclusion that the definition of "correctional rehabilitation of a criminal" in the lexical and terminological apparatus of N. M. Yadrintsev, an ideologist of Siberian democratic regionalism, was used mainly in its content sense. The Siberian educator was primarily concerned with the nature of this category. In general, he understood the correctional rehabilitation of prisoners as a complex diverse process that has an immanent and permanent content.

Key words: correctional rehabilitation of a criminal, prison science, penitentiary, community, regionalism, N. M. Yadrintsev.

Исправление осужденных (преступников) выступает одной из центральных категорий современного уголовно-исполнительного права. В частности, в Уголовно-процессуальном кодексе России содержание данной дефиниции раскрывается через понятие «исправить», под которым отечественный законодатель понимает устранение ошибок, недостатков, погрешностей, а также видит главную цель исправления как процесса – сделать кого-либо совершеннее, избавить от недостатков.

В целом данное понятие является многомерным и соответственно сложным для юридического оформления. Потому, как известно, об исправлении арестантов задумывались еще в незапамятные времена. Однако более основательно к искомому вопросу ученые и практики пришли только к XIX столетию. В этом смысле любопытным и актуальным видится обращение к правовой доктрине эпохи «великих реформ». В частности, малоизученной остается философско-правовое наследие основоположника сибирского демократического регионализма Н. М. Ядринцева. Будучи автором более десятка больших и малых научно-публицистических произведений в области тюрьмоведения, сибирский просветитель основательно рефлексировал о целях и средствах исправления преступников.

В современной научно-исследовательской литературе в том или ином контексте воззрения Николая Михайловича Ядринцева в сфере пенитенциаристики частично используются при исследовании проблем ссылки в имперской России, а также при рассмотрении истории пенитенциарных учреждений. Наиболее обстоятельными в этом отношении являются труды С. В. Кодана [Кодан 1982], И. В. Упорова [Упоров 2004], А. А. Иванова [Иванов 2009] и др. Общие положения политико-правовой идеологии сибирского областничества представлены в работах В. А. Должикова [Должиков 2018], М. В. Шиловского [Шиловский 2021], А. В. Малинова [Малинов 2012], Ю. Б. Костяковой [Костякова 2019], Р. Лопес [Lopez 2020], Э. Джонсона [Johnson 2016], А. Юргенсона [Jurgenson 2007] и др.

В числе прочего Н. М. Ядринцев был причастен к разработке проектов тюремных преобразований в конце XIX в. Он разрабатывал программу реформирования пенитенциариев для графа В. А. Соллогуба в 1870-е гг. Сибирский мыслитель тесно сотрудничал и состоял в переписке с профессором уголовного права И. Я. Фойницким [Отдел рукописей], на его работы ссылался А. П. Саломон [Саломон 1900].

Известно также, что основоположник идеологии областников принимал участие в Санкт-Петербургском тюремном конгрессе, проходившем в 1890 году. Здесь Н. М. Ядринцев красноречиво излагал просчеты имперской пенитенциарной политики, апеллируя к доводам о несостоятельности ссылки и пагубности долгосрочного и одиночного заключения.

Таким образом, имея определенное признание в науке тюрьмоведения и непосредственно взаимодействуя с авторитетами научного и чиновничьего мира в области пенитенциаристики, сибирский просветитель смело рефлексировал о сущности и содержании понятия и категории «исправление преступника».

Н. М. Ядринцев в своем первом крупном произведении «Русская община в тюрьме и ссылке», изданном в 1872 г., взял на себя смелость сформулировать главную задачу пенитенциарной политики – исправлении преступника. «Само исправление, – считал тогда он, – имеет своей конечной задачей свободное и разнообразное развитие всех нормальных человеческих способностей, всех сил человека; оно стремится поднять его нравственно, благоприятствуя возбуждению благородных мотивов человеческой природы, развитию нравственных начал, которые должны крепко срастись с человеческими убеждениями и поступками и добровольно управлять его действиями. Вот конечная цель исправления и тот идеал, к которому стремится пенитенциарная наука» [Ядринцев 1872: 695]. Цитируемый фрагмент философско-правового наследия сибирского интеллектуала свидетельствует о том, что содержание дефиниции «исправление преступника» он связывал с нравственностью. Как видим, в идеологии Н. М. Ядринцева обращение к духовному миру человека, к нравственным началам жизнедеятельности личности оказало серьезное влияние на терминологический аппарат, используемый просветителем.

Разумеется, лидер областнического движения был человеком своего времени. Соответственно, базовые юридические термины и их содержание в идейном наследии известного сибиряка были типичными для эпохи «эмансипации». К прочему, областник очень часто апеллировал к зарубежным правовым доктринам.

Так, размышляя о сущности и природе исправления преступников, он усердно изучал зарубежные и отечественные философско-правовые доктрины. Авторитетными в идейном смысле для сибирского интеллектуала становятся имена Ш. Л. Монтескье, Ч. Беккариа, И. Бентама, Г. Спенсера и многих французских просветителей и энциклопедистов. Именно отсылки к гуманистическим парадигмам, высказанным данными мыслителями, в огромном количестве можно обнаружить в книге «Русская община в тюрьме и ссылке», а также в объемной публикации «Условия прогресса в сфере наказаний».

Гуманизм и нравственность как базовые концепты в деле исправления преступников как раз и сформировались в мировоззрении сибирского областника под действием западной философии. Так, обличая противоестественный и патологический характер смертной казни, Н. М. Ядринцев полностью разделял гуманистическую философию права Ш. Л. Монтескье и Ч. Беккариа. «Монтескье, – замечал он, – в своем историческом исследовании первый высказывается против жестоких казней. В своем труде о духе законов он говорит, что опыт доказывает, что в государствах, где наказания кротки, дух народа столь же ими обуздывается, сколько в других местах наказаниями жестокими. <...> Другой замечательный ученый, – продолжал мыслитель-областник, – следовавший по пути, проложенному Монтескье, Беккариа издал книгу специально о преступлениях и наказаниях, которая в свое время составила эпоху. Он положительно отвергает смертную казнь, как ненужную жестокость» [Ядринцев 1871: 137].

Очевидно, под действием положений классической школы уголовного права и доктринальных основ идеологии французского просвещения в философии права Н. М. Ядринцева вызревает идея о том, что понятие «исправление преступника» тесно связано со смягчением и гуманизацией наказания. Отсюда и оформляется концепт нравственного отношения к личности правонарушителя. Без нравственного подхода исправление арестанта по учению сибирского публициста практически невозможно.

Согласно взглядам сибирского областника, либерализация мышления и распространение идеала свободной личности – вот чем должно наполняться истинное человеколюбие. В учении Н. М. Ядринцева вообще используется некая формула: ликвидация самых жестоких наказаний неизбежно смягчит нравы и гуманизирует общество. Причем реальное подтверждение подобных теоретических конструкций мыслитель-областник находил в европейской истории. «Под влиянием свободы, – обнаруживал он, – нравы народа в европейских странах смягчились, гуманизировались; и это смягчение нравов совершалось путем отмены жестоких наказаний, уничтожением всяких ненужных стеснений, улучшением материального положения низших классов» [Ядринцев 1871: 231].

Вообще Н. М. Ядринцев очень педантично относился к содержанию того или иного термина. Просветитель был убежден в том, что крайне важно использовать новые достижения науки права вкупе с практическим опытом и, главное, с национальной спецификой. Банальное заимствование зарубежных дефиниций он литературно называл «пережевыванием». Так, в 1871 г. Н. М. Ядринцев констатировал: «Юридическая наука в средние века имела бесплодное схоластическое направление и в своем развитии только пережевывала юридические термины и классификации римского права, и не шла далее теории устрашения и изобретения новых жестоких наказаний» [Ядринцев 1871: 130].

Разделяя базовые положения народнической философии права, Н. М. Ядринцев придавал особую роль общине в деле перевоспитания преступного элемента. Самоорганизация, имманентно присущая общинному укладу жизни, в общественно-политических взглядах сибирского интеллектуала всецело способствовала исправлению арестанта. «Община, – замечал просветитель, – когда с ней обращались гуманно, всегда умела гарантировать наибольшее спокойствие острога и сама самым тщательным образом следила за внутренним порядком в остроге» [Ядринцев 1872: 176].

Сибирский общественный деятель считал, что тюремной жизни общинные начала были свойственны и имели притом гуманистическое значение. Убежденно он заявлял: «Идея договора, взаимного доверия и ручательства так свойственна природе человека, что проникала даже и не в столь товарищески-организованные общества, как ссыльные артели; опыты договоров и доверия удавались и в арестантских ротах» [Ядринцев 1872: 180].

Н. М. Ядринцева волновало содержание понятия «исправление преступника» в фокусе исправительного воздействия наказания. «Очерки жизни в тюрьмах, в каторгах и в ссылке, – писал он, – чрезвычайно важны для опытного изучения наказания и определения его исправительного влияния. Такое изучение тем необходимее, что иначе самое наказание в юридической науке получит одно априорическое или гадательное назначение» [Ядринцев 1872 а: 188].

В этом отношении с известной степенью условности лидера движения областников можно считать одним из основателей пенитенциарной социологии, возникшей на стыке социологической науки и уголовно-исполнительного права. Конечно, данное научное направление было признано и полностью сформировано только в самом конце XX в. Однако, как видим, Н. М. Ядринцев один из первых в отечественной исследовательской литературе осуществил попытку анализа законов социальной жизни в местах лишения свободы, в том числе бытия тюремной субкультуры.

В социально-правовом контексте он обнаруживал принципы общинного самоуправления сообщества арестантов. По его мнению, такие начала самовоспитания хорошо могут содействовать процессу исправления преступного элемента. Потому он отводил коллективистскому настрою в среде заключенных важное значение, считая его значимым фактором, активно содействующим перевоспитанию, а значит, и исправлению преступников.

В своих философско-правовых воззрениях Н. М. Ядринцев придерживался постулата о том, что если каждый народ вносит свой исторический вклад, то опыты русской тюремной общины должны войти в общую сокровищницу мировой юридической науки со своим самобытным принципом и национальным значением.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дефиниция «исправление преступника» в лексико-терминологическом аппарате идеолога сибирского демократического регионализма Н. М. Ядринцева использовалась преимущественно в содержательном значении. Сибирского просветителя волновала прежде всего сущность данной категории. В целом под исправлением арестантов он понимал сложный многомерный процесс, который имеет имманентное и перманентное содержание. Нравственность и гуманизм выступают здесь как внутренние принципы перевоспитания преступников, а общинные и коллективистские начала, присущие местам лишения свободы, как внешние, также имеющие исправительное значение.

Литература

- Должиков В. А. Н. М. Ядринцев об этнокультурном взаимодействии крестьян-старообрядцев Русского Алтая с аборигенным населением / Народы и религии Евразии. – 2018. – №15(2). – С. 78-85
- Иванов А. А. Уголовная ссылка и освоение Сибири в трудах лидеров областнического движения второй половины XIX в / Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2009. – №1. – С. 166-165

- Кодан С. В. Реформа сибирской ссылки в первой половине XIX века / Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. М., 1982. – С. 110-118
- Костякова Ю. Б. Публикаторская деятельность Н. М. Ядринцева в ссылке: причины и результаты (по письмам к Г. Н. Потанину за 1872-1873 гг.) / Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 62. – С. 19-24
- Малинов А. В. Философия и идеология областничества. СПб., 2012.
- Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. Архив Н. М. Ядринцева. Фонд 3. Опись 1. Дело 186. Л.1
- Саломон А. П. Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения : для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб, 1900.
- Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв.: Историко-правовой анализ тенденций развития. – СПб., 2004.
- Шиловский М. В. Публицистическое осмысление Н. М. Ядринцевым перспектив развития Сибири в 1870-1880-е гг. / Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск. – 2021. – С. 22-26
- Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. Исследования и наблюдения за жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. Сравнение различных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основа новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опыту русской тюремной общины. СПб., 1872.
- Ядринцев Н. М. Условия прогресса в сфере наказаний / Дело. – 1871. – № 6. – отд. 1. – С. 137
- Ядринцев Н. М. Преступники по изображению романтической и натуральной школы / Дело. 1872. № 6. отд. 1 с. 188.
- Repenning Lopez Understanding Siberia as a Colony. Bureaucracy and Civil Society during the Era of the Great Reforms. Dissertation, University of Bristol. 2020.
- Johnson A. Envisioning Siberia: Siberian Regionalism through Evolution and Revolution. Georgia, Georgia State University, 2016.
- Jurgenson A. Siberlaste Identiteedi Kujunemine ja Selle uks poliitillisi Avaldumisvorme oblastnike Liikumine. In: Acta Historica Tallinnensia, 2007, No. 11, Pp. 30–47.

References

- Dolzhirov, V. A. (2018). N. M. Yadrinsev about the ethno-cultural interaction of the Old Believer peasants of the Russian Altai with the aboriginal population. Peoples and religions of Eurasia. No. 15(2) (in Russian).
- Ivanov, A. A. (2009). Criminal exile and the development of Siberia in the works of the leaders of the regional movement of the second half of the 19th century. Izvestia of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies. No. 1. 166-165 (in Russian).
- Kodan, S. V. (1982). Reform of the Siberian exile in the first half of the 19th century. Historical and legal research: problems and prospects. P. 110-118. Moscow (in Russian).
- Kostyakova, Yu. B. (2019). Publication activity of N. M. Yadrinseva in exile: causes and results (according to letters to G. N. Potanin for 1872-1873). Tomsk State University Bulletin. Story. No. 62. 19-24 (in Russian).
- Malinov, A. V. (2012). Philosophy and ideology of regionalism. St. Petersburg: Intersocis (in Russian).
- Department of Manuscripts and Book Monuments of the Scientific Library of Tomsk State University. Archive N. M. Yadrinsev. Fund 3. Inventory 1. File 186. L.1 (in Russian).
- Salomon, A. P. (1900). Link to Siberia: an outline of its history and current situation: for the Highly Established Commission on measures to abolish the link. St. Petersburg: Printing house St. Petersburg. prisons. (in Russian).
- Uporov, I. V. (2004). Russian Penitentiary Policy in the 18th-20th Centuries: Historical and Legal Analysis of Development Trends. St. Petersburg (in Russian).
- Shilovsky, M. V. (2021). Publicistic comprehension of N. M. Yadrinsev prospects for the development of Siberia in the 1870-1880s. Yadrinsev readings: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Omsk. Pp. 22-26 (in Russian).
- Yadrinsev, N. M. (1872). Russian community in prison and exile. Research and observation of the life of prison, exile and vagrant communities. Comparison of various punishment systems in our country and in Western Europe. The basis of a new rational system of correction according to the conclusions of penitentiary science and the experience of the Russian prison community. St. Petersburg (in Russian).
- Yadrinsev, N. M. (1871). Conditions for progress in the sphere of punishment. Delo. No. 6. dep. 1. p. 137
- Yadrinsev, N. M. (1872). Criminals in the image of the romantic and natural school. Delo. No. 6. dep. 1. 167-210 (in Russian).
- Repenning Lopez (2020). Understanding Siberia as a Colony. Bureaucracy and Civil Society during the Era of the Great Reforms. Dissertation, University of Bristol.
- Johnson, A. (2016) Envisioning Siberia: Siberian Regionalism through Evolution and Revolution. Georgia, Georgia State University.
- Jurgenson, A. (2007). Siberlaste Identiteedi Kujunemine ja Selle uks poliitillisi Avaldumisvorme oblastnike Liikumine. In: Acta Historica Tallinnensia, , no. 11, pp. 30–47.

Citation:

Головинов А. В., Головинова Ю. В. Дефиниция «исправление преступника» в политико-правовом учении Н. М. Ядринцева //

Юрислингвистика. – 2023. – 29. – С. 14-18.

Golovinov A. V., Golovinov Yu. V. (2023) The Definition of "Correctional Rehabilitation of a Criminal" in the Political and Legal Doctrine of N. M. Yadrintsev. Legal Linguistics, 29, 14-18.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

Об использовании понятия "глобализм" при толковании правовых актов

В. В. Сорокин

Алтайский государственный университет

пр. Ленина 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: sorokin.v@yandex.ru

---

В статье проводится анализ понятия "глобализм" с точки зрения перспектив его использования в правотворческой и правоприменительной деятельности. Большое внимание автор уделяет вопросу использования понятия "глобализм" при толковании правовых актов. Предлагается интерпретация и теоретическая характеристика глобализма как международного явления. При ориентации правовых систем на глобализм правоприменители сводят свою функцию к механическому соотношению реальной правовой ситуации со статьями нормативно-правовых актов. Предпочтение буквы закона предполагает, что правоприменитель не востребует принципы права и категории нравственности. Юрист должен в каждом случае толкования правовых актов рассуждать о границах правового регулирования, о верховенстве принципов права над нормами, об основаниях обязательной силы норм права.

Ключевые слова: глобализм, буква закона, глобализация мира, принципы права, толкование права.

On the Use of the Concept of "Globalism" in the Interpretation of Legal Acts

V. V. Sorokin

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: sorokin.v@yandex.ru

---

The article analyzes the concept of "globalism" from the perspective of its use in law-making and law enforcement activities. The author pays great attention to the use of the concept of "globalism" in the interpretation of legal acts. The interpretation and theoretical characteristics of globalism as an international phenomenon are proposed. When legal systems are oriented towards globalism, law enforcement officers reduce their function to a mechanical correlation of the real legal situation with the articles of normative legal acts. Preference for the letter of the law implies that the law enforcer does not claim the principles of law and categories of morality. A lawyer should, in each case of interpretation of legal acts, discuss the boundaries of legal regulation, the supremacy of the principles of law over the norms, the grounds for the binding force of the norms of law.

Key words: globalism, the letter of the law, globalization of the world, principles of law, interpretation of law.

Современные акты права принимаются в условиях глобализации мира и отражают в своем содержании новые термины, связанные с глобальными изменениями в мире. В научно-практическом плане важно обосновать место и пределы использования понятия «глобализм» при толковании нормативно-правовых актов.

Глобализация мира представляет собой процесс, а глобализм – программу этого процесса. Глобализм представляет собой не просто идеологию, обосновывающую унификацию мира. Под глобализмом принято понимать учение о том, что разделение человечества на народы и цивилизации – есть феномен, свойственный начальным, примитивным этапам общечеловеческой истории. Согласно глобализму, чем дальше человечество – и «передовая» его цивилизация – Запад – продвигается по пути истории, тем больше различия между нациями и цивилизациями стираются, становятся малосущественными, отходят в область прошлого. В конце концов, как верят глобалисты, все народы смешаются и сольются в едином образовании – планетарном, глобальном человечестве, заговорят на одном, общечеловеческом языке, станут субъектами одной, общечеловеческой культуры. Прообраз этой культуры глобалисты видят в культуре современного Запада, рассматривая ее не как одну из культур, выросших на своеобразных, психологических, ментальных, исторических основаниях, как культуры китайская, индийская,

арабская, русская, а некую универсальную культуру, которой все остальные народы должны уподобиться, если они не хотят «плестись в хвосте» мирового прогресса. Соответствующим мировому порядку автоматически считается то, что способствует конкурентоспособности США; всякая же конкуренция с ними воспринимается как посягательство на фундаментальные основы мирового порядка. Наблюдается подмена общечеловеческих идей узкокорыстной идеей американской гегемонии в мире. Глобализму присуще систематическое применение двойных стандартов.

Под словом «глобализм» понимают самые разные явления. Почти как всякое иностранное заимствование, слово «глобализм» требует пояснений и уточнений в русском языке. «Глобализм» – это стремление к всемирному могуществу, к мировому господству, модель приведения всех стран к усредненному стандарту, к «одному знаменателю». Последняя цель явно утопическая, так как предполагает не использование и развитие разнообразия окружающего нас мира, а принудительное огрубление в новом прокрустовом ложе. Первая же, главная цель, установление мирового господства – требует ясного определения. Господства какой страны /организации или группы стран /организаций и за чей именно счет?

Н.А. Косолапов пишет в этой связи, что «идеологически явление глобализации во многом воспринимается через призму глобализма – конгломерата воззрений, сводящегося в целом к подчеркиванию роли и значения глобальных начал в жизни современного человечества и видящего в этих началах исключительно или почти исключительно позитивное содержание» [Косолапов 2001: 43]. У. Бек предложил довольно узкую, внешнюю трактовку глобализма – «это целенаправленная и планомерная деятельность в сфере хозяйства, политики, культуры, которая связана со стремлением США к мировому господству» [Бек 2001: 39].

Научная актуализация понятия «глобализм» связана с тем витком глобализации мира, когда США и его союзники стали претендовать на безусловное доминирование в мировых делах, подтверждая это не только в экономической сфере, но и путем осуществления "гуманитарных операций", военно-полицейских акций и т.п. Стратегия "силового глобализма" в экономической, политической, информационной сферах дает основание для противопоставления терминов «глобализация» и «глобализм». Поэтому «глобализм» является более узким понятием, обозначающим ценностную парадигму глобализации.

По мнению Н.Г. Биндюкова, глобализация представляет собой интеграцию мирового сообщества в новую системную целостность в соответствии с объективными законами эволюции, а глобализм им определяется как угроза естественно-историческому ходу глобализации со стороны мирового синдиката спекулянтов [Биндюков 2004: 242]. По его мнению, «глобализация», по своей сути, – объективный процесс интенсивной интеграции в мире, «глобализм» же – это политика приспособления процесса глобализации под интересы золотого миллиарда, идейное обоснование нового мирового порядка [Биндюков 2004: 59].

По версии Р. Макуева, глобализация – это долговременный процесс изменения информационных, экономических и социально-политических отношений, людей и технологий, а глобализм – определенное качественное состояние, характеризующее целостность мира. Глобализацию он воспринимает как процесс формирования единой глобальной системы управления, а глобализм призван отражать состояние глобализации [Макуев 2006: 17].

А. Галкин предложил провести следующую разграничительную черту между понятиями глобализация и глобализм. Первое представляется ему как объективная тенденция общественного развития, а второе – как некая идеология (или «квазиидеология») и политика, осуществляемая в своих интересах странами «золотого миллиарда» и определенными транснациональными группами. Характеризуя глобализм, как квазиидеологию, А. Галкин отмечает, что эта квазиидеология понимает глобализацию «как процесс распространения установок и ценностей западной цивилизации на все остальные регионы земного шара». В то же время А. Галкин считает, что в кризисную фазу вступил сам процесс глобализации (и в немалой степени потому, что в управлении им доминирует квазиидеология глобализма): выигрывают (экономически) страны «золотого миллиарда» и проигрывают менее развитые страны, в которых проживает абсолютное большинство человечества [Сумерки глобализации 2004: 84].

В.В. Обрежа понимал под глобализацией объективный, естественно-исторический процесс, который затрагивает все страны и народы, а глобализм как «систему подрывных действий против конкретных государств и народов» [Обрежа 2006: 29].

По меткому замечанию А.С. Панарина, глобализм есть идеология компрадорских кругов, чувствующих свой отщепенский статус на родине и конвертирующих свои классовые страхи в идеологию расизма [Панарин 2004: 442].

Иеродиакон Авель и А. Дроздов в своей книге «Знамение пререкаемо» определяли глобализм как богоборческую антихристианскую идеологию создания единой планетарной унифицированной общности людей без деления на государства, национальности, вероисповедания с единым управляющим наднациональным центром – мировым правительством [Иеродиакон Авель 2003: 471].

М.Н. Марченко предложил понимать под глобализацией процесс формирования единой глобальной системы, а глобализм определил как отражение этого состояния [Марченко 2022: 188].

В данной дискуссии важно признание, что понятие «глобализм» в отличие от понятия «глобализация» не имеет политико-экономической нейтральности, а потому уже не допускает диаметрально противоположных трактовок. «Глобализм» – это негативный термин, которым можно выражать план и результат принудительной унификации мира. Глобализм предстает как концепция формирования нового мирового порядка и как состояние глобальной колонизации мира. Глобализм концептуально предполагает передел мира силовыми средствами. Глобализм вызывает не столько технико-производственные, экономические, юридические и технологические новшества, сколько разрушает основы духовности, миропонимание, мир подлинных ценностей. Глобализм – это идеология, система организаций и практика, направленная на установление единого в масштабе планеты Мирового

правительства, выражающего интересы самых влиятельных кланов мирового капитала, во имя дальнейшего паразитарного благоденствия «западной цивилизации» или, как они себя именуют, «золотого миллиарда».

Глобализация – процесс, направленный на распространение прежде всего своего духовно-культурного влияния со стороны какой-либо страны или нескольких стран на весь мир (планету). Глобализм – идеология мондиалистской глобализации, посредством которой дегенеративная часть человечества стремится выдать свои порочные интересы за всеобщие.

Глобализм – проект захвата власти во всем мире и навязывания либеральных, секулярно-гуманистических «ценностей» всему человечеству в качестве «универсальных» и «общепринятых». В центре этого проекта – силы, далекие от христианства, если не прямо антихристианские (и вообще антирелигиозные). До сих пор им удается наиболее эффективно и удачно использовать в своих целях все то, что обычно называют глобализацией: взаимопроникновение народов, ускоренное распространение поверх границ информации, товаров, денег, услуг, политических процессов и даже военных конфликтов.

При первом взгляде на глобализацию она предстает как простое усиление взаимосвязей между людьми разных стран, этносов и культур, ведущее к формированию из населения земного шара единого человечества. Но понятие глобализма служит выявлению подлинной сути глобализации. В этом инструментальная функция категории «глобализм». Если для производства, экономики, техники соединение разрозненных усилий дает эффект эмерджентности, способствует росту, то сферы жизни, где самоценны различия – деградируют. На начальном этапе усиление взаимодействия может происходить при сохранении качества составляющих систему частей. Это феномен комплексности, предполагающий функциональное единство компонентов при их субстратной гетерогенности. На содержательном языке об этом говорили как об интернационализации. В дальнейшем, при отсутствии противонаправленных усилий процессы обычно идут в сторону стирания различий между частями. Компоненты становятся одинаковыми и вся система – гомогенной. Именно такой характер приобретает сейчас взаимодействие людей на планете, заставляющее говорить о глобализме.

В глобальной системе этносы не обогащают друг друга, а взаимопоглощаются, культуры не получают импульс для самораскрытия, а нивелируются, страны не коэволюционируют, сотрудничая, а унифицируются. Везде то же самое надевают, едят, пьют, поют, везде Диснейленд и Макдональдс. Своеобразие народов уходит в прошлое, в традицию, в фольклор и существует как пережиток прошлого. Если бы в городах не было старых кварталов и музеев, то путешествовать было бы совершенно бессмысленно – человек неизбежно попадает в окружение изощренно одинаковых автомобилей, дизайн-зданий, его преследуют вездесущие рекламы транснациональных корпораций. Многообразное, до противоположности, пестрое, географически разбросанное и растянувшееся по историческим эпохам человечество стоит на пороге трансформации в раздираемое противоречиями, но структурно однородное пространственно-временное образование. Формирующийся одинаковый образ жизни – не равновесное смешение всех существующих форм. Это не сплав этносов, культур и правовых институтов с заимствованием в каждом лучшего и включением его в общую целостность. С точки зрения содержания в глобализме выражается победа западной, потребительской культуры над всеми остальными. Экономика, государственное устройство, наука, первоначально возникшие в Западной Европе, сейчас захватывают в свою орбиту другие народы. Так называемые общечеловеческие ценности фактически рождаются западной цивилизацией. "Новый мировой порядок" результат ее развития и несогласные с ним рассматриваются как консерваторы, стоящие на обочине цивилизационного процесса, его "изгой". Если бы существовала красная книга погибающих культур, она была бы очень толстой, а вскоре ее возможно придется сдать в архив, из-за того, что заносить туда больше нечего. На Земле остается одна, единственная – глобальная – современно-западная культура. От идеи о глобальной взаимозависимости идеологи глобализма переходят к обоснованию глобального сознания. Глобальный стиль жизни навязывается странам и народам распространением стандартных образов, эстетических и поведенческих образцов глобальными сетями СМИ (например, CNN) и ТНК (например, Coca-Cola).

Глобализм предполагает в качестве критерия прогрессивности общества наличие транснационального капитализма – рынка, образуемого ТНК и мультикультурными общностями потребителей, а также наличие транснациональной демократии – системы международных организаций, призванных отстаивать некие "общечеловеческие ценности". Глобализм – процесс отчуждения от людей как результата их труда, так и их способности влиять на собственную судьбу. Это не средство соединения человечества, а проект разъединяющий его.

Глобализм намеренно порождает ряд асоциальных, мутантных явлений (таких как международный терроризм, «глобальная организованная преступность», «асимметричные войны» и др.).

Глобализм представляет человечество в качестве атомов или пыли. Отброшены понятия народа как субъекта права и суверенитета народа над их территориями и ресурсами. Глобализм в этом смысле – это доведенный до крайности паразитизм мирового спекулятивного капитала, перед которым нет никаких препятствий.

Глобализм предполагает новую расовую сегрегацию, связанную с презумпцией неравенства человеческих типов.

Выражая интересы сильных мира сего, глобализм предусматривает в качестве нового мирового порядка установление тоталитарной диктатуры для гарантированного усмирения бедных.

Глобализм выражает ценности техногенной цивилизации. В логике глобализма всеобщее предстает как абстрактно-всеобщее, тем самым эта логика строится на принципе механицизма и возводит в ранг высших те ценности, которые имеют лишь количественную определенность. Глобализм предполагает, что техногенная цивилизация, рожденная на Западе, порождает тенденцию планетарного (глобального) развития, которая характеризуется унификацией, стандартизацией, нивелированием многообразия форм социальной, политической,

культурной, экономической, национальной и правовой жизни. Следствием этой логики являются такие характеристики глобализма, как монетаризм и мамонизм (от «мамона» – идол, символизирующий богатство, стяжательство).

Смысл глобализма как идеологического феномена заключается в том, что западные, частные, партикулярные ценности, выдаются за «естественные», «универсальные», «общечеловеческие». Основой глобализма выступает уверенность западного человека в расовом превосходстве, и вера в то, что магистральный путь исторического развития однозначно связан с переходом от традиционных обществ и национальных государств к глобальному социуму западного образца на основе унификации всех форм жизни.

Глобализм несет с собой двойные стандарты, рассчитанные на манипулирование обществом. Видимо не случайно в последнее время в английском языке появилось сленговое слово «globalony» в переносном смысле означает «двухная» проблема. Связывая на словах перспективы человечества с демократией и правами человека, глобализаторы насаждают мировое государство одной цивилизации, одной культуры, что лишает человеческий род одного из необходимейших условий демократического развития – элемента разнообразия.

Глобализм существенно опережает глобализацию. Наднациональные монополии, имея своим союзником самое мощное государство – США, уже диктуют миру свои условия, а большинство государственных, межгосударственных и международно-правовых институтов все еще никак не реагируют на изменившуюся ситуацию.

Если понятие «глобализации» отражает масштабы и формы процесса формирования Мирового правительства, то термин «глобализм» характеризует доктринальное содержание и радикализм этого процесса. Глобализм выражает интересы наднационального капитала, далее концентрирующегося, захватывающего экономически, политически, юридически все новые области. Глобализм выражает интересы маргиналов и космополитов всего мира, жаждущих унификации гедонистического образа жизни, дабы ничто не препятствовало удовлетворению их низменных инстинктов. Глобализм выражает интересы inferнальных (темных) сил зла, увлекающих вместе с собой падшую часть человечества в глубины ада.

Мысль А. Зиновьева состоит в том, что в настоящее время происходит перелом в самом типе эволюционного процесса. Суть его состоит в том, что определяющую роль начинают играть целенаправленные и планируемые процессы. Осуществляется реальная западнизация всей планеты, или, что то же самое, ее американизация: «социальная сущность глобализации состоит в том, что это – самая грандиозная спланированная и постоянно планируемая в деталях и управляемая в основных аспектах война западного мира не просто за мировое господство, а за овладение эволюционным процессом человечества и управления им в своих интересах» [Зиновьев 2006: 332-334].

Современный этап глобализации характеризуется стремлением к культурному (и юридическому – в частности) доминированию в мире со стороны Запада. Вот почему он может быть назван вестернизацией. Ее сердцевину составляет американизация, поскольку в настоящее время США играют ведущую роль в мире. Вот почему о современном этапе глобализации следует говорить в первую очередь как об американизации всей Земли. Самое важное состоит в том, что глобальная стратегия последних содержит в себе неожиданный потенциал модернизации, связанной со стремлением уничтожить самостоятельные ростки модерна и просвещения в странах, не принадлежащих к кругу избранных.

Современный глобализм особым образом программирует все сферы человеческой деятельности и жизни общества. Чем определяется столь масштабный характер природы глобализма? Последним реваншем мировых сил зла, в ходе которого зло проявит себя до конца. Глобализм означает захват власти на планете ограниченным кругом лиц с целью установления мирового господства и порабощения остального человечества. В конечном итоге можно говорить о создании всемирной тоталитарной диктатуры, имеющей богоборческую, антихристианскую сущность. Идеологическим основанием установления невиданной в истории человечества тирании и выступает глобализм. Это сатанинское лжеучение, утверждающее необходимость создания единообразного всемирного сообщества, «общечеловеков» без рода и племени или, как еще принято говорить, «серой расы». Национальные государства и религии рассматриваются глобализмом как пережиток прошлого. Так «обосновывается» управление населением Земли из единого наднационального центра – Мирового правительства – и создание единой религии на основе экуменизма и оккультного движения «Новый век» (New Age). Глобализм как идеология революционен по своей сути. Предтечи антихриста исподволь готовили новую революцию во всемирном масштабе.

Основное противоречие эпохи глобализма заключается не в противостоянии капитализма и социализма. Глобализм нельзя понять также из противоречия между невиданным ранее ростом потребления и катастрофическим состоянием экологической среды. Глобализм обнаружил себя как разновидность теорий наиболее агрессивных богоборческих кругов, добивающихся мирового господства. Глобализм ведет человечество к планетарной катастрофе именно вследствие своего богоборческого характера.

В лице современного глобализма мы имеем дело с новейшей формой нигилизма, ищущего себе алиби в так называемых объективных тенденциях. Скрытая сторона глобализма заключена в позиции последовательного отстранения от всех местных интересов, норм и традиций. Причем, если на заре модерна, в эпоху формирования великих европейских наций, феодальному местничеству противостояло единое суперэтническое пространство государства-нации, то теперь само это государство третируется как носитель местничества. Кем третируется? Современными элитами – экономической, политической, интеллектуальной, псевдо-религиозной. Сегодня быть элитой и реализовать себя как элита означает поставить себя в независимое положение от национальных интересов и национальных чаяний. В этот новый смысл понятия элита стоит вдуматься. Прежде народы возлагали на национальную элиту свои лучшие надежды. Элита была квинтэссенцией народного опыта, выразительницей воли нации и стремления к лучшему будущему. Все то, что обещали народам прогресс и просвещение, воплощалось в

деятельности национальных элит. Теперь, в эпоху глобализма, быть элитой означает, собственно, членство в некоем тайном интернационале, никак не связанном с местными национальными интересами.

Нынешние неоязычники говорят другим языком. Они впервые после фашистских переворотов в Европе демонстрируют презрение к низшей расе незадачливых и неприспособленных. Рыночной теории сегодня приданы черты расистского естественного отбора, безжалостного к неприспособленным – даже если окажется, что речь идет о большинстве человечества.

Глобализм можно рассматривать в нескольких взаимосвязанных аспектах, основными из которых являются:

1. Духовный аспект – это имеющий длительную историю проект, затрагивающий традиции, религию, культуру и идеологию. Глобализм предполагает унификацию культурных предпочтений человечества. Начиная с итальянского Ренессанса культурная глобализация прошла через "французское", "английское" и "американское" влияния с расширяющимся географическим ареалом.

2. Территориальный аспект – укрупнение государственных и надгосударственных образований.

3. Экономический аспект – глобализм представляет собой совокупность двух направлений – глобализации рынков (капитала, трудовых ресурсов, товаров и услуг) и глобализации экономических форм, под которой понимается укрупнение организационных структур экономики – вплоть до глобальных сверхкорпораций.

4. Информационно-коммуникационный аспект – предполагает развитие коммуникационных возможностей и использование космического пространства для передачи информации; рост глобальных информационных сетей; компьютеризацию многих процессов жизнедеятельности человечества.

5. Этнический аспект глобализма состоит из двух задач: противодействия росту общей численности населения планеты и сокращения численности населения.

6. Политический аспект выражается в переносе центра принятия важнейших решений от национальных государств к другим субъектам.

7. Организационный аспект – ключевым фактором, влияющим на современные глобализационные процессы, является деятельность Мирового правительства. Эта надгосударственная структура вполне эффективно исполняет роль штаба "Нового мирового порядка". В своей деятельности эта организация ориентируется на интересы малочисленной элиты, объединенной этническим родством и инициацией в ложах деструктивной направленности.

8. Юридический аспект глобализма заключается в экспансии юридического арсенала Запада на весь мир для обслуживания узкокорыстных интересов Мирового правительства.

Таким образом, понятие глобализм раскрывает смысл и духовное содержание процесса глобализации мира. Глобализм выражает собой идеологию глобализации и итоговое духовное состояние этого процесса. Глобализм носит эксплуататорский характер и направлен на ограбление большинства стран мира; разрушительный характер и демонтирует самобытность народов; антигуманный характер и ставит человечество на грань самоуничтожения; антисоциальный характер и углубляет раскол на богатых и бедных; паразитарный характер и пользуется чужим национальным достоянием; реакционный характер и служит обоснованием тоталитарной диктатуры.

Литература

Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.

Биндюков Н. Г. Глобализация и Россия. М., 2004.

Зиновьев А. А. Фактор понимания. М., 2006.

Иеродиакон Авель (Семенов), Дроздов А. Знамение пререкаемо: глобализм, цифровая кодификация личности и печать антихриста. М., 2003.

Косолапов Н. А. Глобализация: сущностные и международные политические аспекты //Мировая экономика и международные отношения. - 2001. - № 3.

Макуев Р. Современная глобализация: вызовы и трансформации. Орел, 2006.

Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2022.

Обрежа В. В. Применение Западом новейшего оружия массового уничтожения – причина гибели СССР и разрушения России. М., 2006.

Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2004.

Сорокин В. В. Критика юридического формализма при толковании правовых актов // Юрислингвистика. 2023. № 1.

Сумерки глобализации /Сост. А. Ашкерев. М., 2004.

References

Beck U. What is globalization? Moscow, 2001.

Bindyukov N.G. Globalization and Russia. M., 2004.

Zinoviev A. A. Factor of understanding. M., 2006.

Hierodeacon Abel (Semenov), Drozdov A. The Sign is Disputed: Globalism, digital Codification of personality and the Seal of the Antichrist. M., 2003.

Kosolapov N.A. Globalization: essential and international political aspects //World economy and international relations. - 2001.

- № 3.

Makuev R. Modern globalization: Challenges and Transformations. Eagle, 2006.

Marchenko M.N. State and Law in the context of globalization. Moscow, 2022.

Obrezha V.V. The use of the latest weapons of mass destruction by the West is the cause of the death of the USSR and the destruction of Russia. M., 2006.

Panarin A.S. Strategic instability in the XXI century. Moscow, 2004.

Sorokin V. V. Criticism of legal formalism in the interpretation of legal acts // Jurislinguistics. 2023. № 1.

Twilight of globalization /Comp. A. Ashkerov. M., 2004.

Citation:

Сорокин В. В. Об использовании понятия "глобализм" при толковании правовых актов // Юрислингвистика. – 2023. – 29. – С. 19-24.

Sorokin V. V. (2023) On the Use of the Concept of "Globalism" in the Interpretation of Legal Acts. Legal Linguistics, 29, 19-24.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

Коллективный участник в закупках: дилеммы семантики и ее причинно-следственная связь с негативными последствиями по закупкам

А. Ю. Рябова

АО «Почта России»

ул. 3-я Песчаная, 2А, 125252, Москва, Россия. E-mail: a.ria_1@mail.ru

---

В статье анализируется законодательное понятие «коллективный участник» по закупкам, которые проводятся отдельными видами юридических лиц. Показано, что при буквальном толковании таковым является одна из форм участия: юридическое лицо, несколько юридических лиц на стороне одного участника, физическое лицо (в т. ч. индивидуальный предприниматель), несколько физических лиц (в т. ч. индивидуальных предпринимателей) на стороне одного участника. Вопрос, который возникает в отношении содержательной стороны понятия, состоит в том, может ли в качестве коллективного участника признаваться объединение физических и юридических лиц на стороне одного участника закупки. На поднятую в статье проблему приводятся мнения, существующие в научной сфере, взгляды участников закупок и заказчиков, а также позиция государственных органов в их разветвленном виде: Минэкономразвития РФ, антимонопольные органы (территориальные органы антимонопольной службы и собственно мнение самого ФАС России), судебная практика (первая инстанция, обжалование решения суда в вышестоящих инстанциях, позиция Верховного Суда РФ). Показано, как использование законодателем одного только союза «либо» создало и продолжает создавать проблемы, имеющие практическое значение и влекущие за собой определенные негативные последствия для заказчика, потребителей покупаемых заказчиком товаров, работ, услуг, других лиц, при этом в анализируемую в работе норму закона неоднократно законодателем вносились изменения. Однако поднятая проблема, создающая неудобства, как минимум, для заказчика и участников закупок, оставляется законодателем без внимания. Сформулирован вывод, как можно решить проблему, показанную в данной статье.

Ключевые слова: коллективный участник, закупки, толкование закона.

Joint Tenderer in Procurement: Dilemmas of Semantics and Its Causal Relationship with Negative Procurement Effects

A. Yu. Riabova

JSC Russian Post

2A, 3rd Peschanaya St., 125252, Moscow, Russia. E-mail: a.ria_1@mail.ru

---

The article analyzes the legislative concept of "joint tenderer" for procurement, which is carried out by certain legal entities. The literal interpretation of the term means one of the following forms of participation: legal entity, several legal entities on the side of one participant, natural entity (including individual entrepreneur), and several natural entities (including individual entrepreneurs) on the side of side of one participant. The problem to consider is whether association of legal or natural entities on one side of procurement can be regarded as a joint tenderer. The problem is seen at different angles by the academic community, procurement participants and customers, and state bodies like Ministry of economic development and trade of the Russian Federation, competition authorities (Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation), judicial opinion. It is shown that the use of conjunction "or" by the legislator has created and continues to create some problems. These problems have adverse consequences for the customer; consumers of purchased goods, works, services, and others. At the same time the norm of the law analyzed in the work has been several times amended by legislator. However, the problem discussed remains unaddressed by the legislator, which creates inconvenience for customers and procurement participants. The article offers a solution to the problem.

Key words: joint tenderer, procurement, interpretation of the law.

Общеизвестно, что понятия, которыми оперирует законодатель, должны быть ясными, понятными и не допускать различных по содержанию интерпретаций.

Однако не всегда это получается соблюсти, ввиду чего незначительные на первый взгляд нюансы, допущенные законодателем, например, в использовании союза «либо» вместо «и (или)», могут стать огромной проблемой.

Согласно ч. 5 ст. 3 Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – ФЗ № 223-ФЗ) [Федеральный закон 2011] участником закупки является:

- любое юридическое лицо или несколько юридических лиц, выступающих на стороне одного участника закупки, независимо от организационно-правовой формы, формы собственности, места нахождения и места происхождения капитала, за исключением юридического лица, являющегося иностранным агентом в соответствии с Федеральным законом от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», либо

- любое физическое лицо или несколько физических лиц, выступающих на стороне одного участника закупки, в том числе индивидуальный предприниматель или несколько индивидуальных предпринимателей, выступающих на стороне одного участника закупки, за исключением физического лица, являющегося иностранным агентом в соответствии с Федеральным законом от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием».

Анализируя значение союза «либо» в отношении того, кто является участником закупки, можно сформулировать вывод, что таковым является: юридическое лицо, несколько юридических лиц на стороне одного участника, физическое лицо (далее по тексту работы под физическим лицом понимается также индивидуальный предприниматель), несколько физических лиц на стороне одного участника.

В отношении участника закупки, на стороне которого выступает несколько лиц (коллективная форма участия), необходимо сказать, что при буквальном толковании коллективная форма участия в закупке представляет собой объединение на стороне участника закупки или юридических лиц, или физических лиц. Одновременное объединение юридических и физических лиц на стороне одного участника не допускается.

Эта позиция согласуется с мнением в научной среде, что законом не предусмотрена возможность выступить на стороне одного участника закупки совместно юридическим и физическим лицам [Готовое решение: Какие особенности коллективного участия в закупке предусмотрены Законом № 223-ФЗ 2023; Пластинина, Абрамов 2018: 58; Евсташенков 2017: 6; Краев, Борисов 2015].

Некоторые участники закупок также буквально толкуют положения норм ФЗ № 223-ФЗ и обращаются в государственные органы, когда заказчики признают объединение юридического лица и физического лица на стороне одного участника закупки правомерным и соответствующим требованиям документации, для признания такого объединения незаконным.

В этой связи уместно обратиться к позиции, выработанной практикой государственных органов. Целесообразно имеющиеся позиции разделить на блоки в зависимости от субъекта, сформировавшего такую позицию.

1. Министерство экономического развития РФ (далее – Минэкономразвития РФ).

В письме Минэкономразвития РФ от 21.03.2017 № Д28и-1412 сформирована позиция, что на стороне одного участника принимать участие в закупке вправе любые физические и юридические лица, а также индивидуальные предприниматели вне зависимости от организационно-правовой формы и принадлежности к субъектам малого и среднего предпринимательства [Письмо Минэкономразвития РФ 2017].

Таким образом, позиция Минэкономразвития РФ противоположна буквальному толкованию норм ФЗ № 223-ФЗ и подходу, существующему в теории.

2. Антимонопольные органы.

Имеет смысл за основу взять закупку, в отношении которой рассмотрение жалобы началось в антимонопольном органе и закончилось вынесением определения Верховного Суда РФ, т. е. жалоба прошла все инстанции, имеющие место быть.

Объектом закупки № 32009002248 от 18.03.2020 является организация общественного питания для отдыхающих и обслуживающего персонала пансионата «Моряк» [Извещение по закупке 2020 URL].

Начальная (максимальная) цена договора составляет 26 769 000,00 руб.

Итоговый протокол размещен 25.04.2020.

Согласно ч. 15 ст. 3.2 ФЗ № 223-ФЗ договор по результатам конкурентной закупки заключается не ранее чем через десять дней и не позднее чем через двадцать дней с даты размещения в единой информационной системе итогового протокола.

Сроки оказания услуг по проекту договора с 25.05.2020 по 30.09.2020.

2.1. Рассмотрение жалобы территориальным органом.

30.04.2020 подается жалоба в антимонопольный орган России в отношении указанной закупки. Подача жалобы влечет приостановление заключения договора.

Содержание жалобы сводится к тому, что, по мнению заявителя, согласно итоговому протоколу заявка участника закупки, признанного победителем, подана коллективным участником, в состав которого входят как юридические лица – ООО «...», ООО «...», ООО ТК «...», так и индивидуальные предприниматели – ИП ..., ИП ..., что неправомерно, поскольку данные участники имеют разные организационно-правовые формы.

Решением Краснодарского УФАС России № 023/07/3-2101/2020 от 25.05.2020 по результатам рассмотрения жалобы на нарушение процедуры торгов и порядка заключения договоров жалоба заявителя признана необоснованной [Решение Краснодарского УФАС России 2020 URL].

29.05.2020 принимается итоговый протокол с сохранением содержания по редакции от 29.04.2020. По содержанию в связи с признанием жалобы необоснованной итоговый протокол не изменился, однако некоторые сроки сдвинулись.

Договор согласно Единой информационной системе заключен 01.06.2020. Дата начала исполнения договора 26.06.2020 [Информация о договоре 2020 URL]. При этом, как указывалось выше, по документации датой начала оказания услуг должно быть 25.05.2020.

Таким образом, неправильное толкование участником закупки норм законодательства и закупочной документации привело к смещению сроков. Необходимо учитывать объект закупки и понимание того, что услуги приобретаются для неопределенного круга лиц, которые будут пользоваться услугами пансионата. Возникает вопрос, как заказчику ликвидировать пробел в оказании услуг за тот период, когда должен был быть заключен договор, однако в связи с подачей жалобы сроки сместились.

Так, аналогичная позиция о том, что на стороне коллективного участника могут выступать юридические и физические лица, находит отражение и в более ранней практике антимонопольных органов. Например, Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Москве № 077/07/00-813/2019 от 20.05.2019 [Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Москве 2019 URL].

В последующие годы подход антимонопольных органов не изменился, в подтверждение чему уместно привести решения Комиссии Красноярского УФАС России от 20.02.2021 № 024/07/3-267/2021, № 024/07/3-269/2021. Суть жалоб сводилась к тому, что коллективный участник, признанный победителем, не отвечает требованиям ч. 5 ст. 3 ФЗ № 223-ФЗ, т. к. в его состав входят ООО «...», ООО «...», ООО «...», ИП ... Заявители полагают, что коллективный участник может состоять только из юридических лиц либо только из физических лиц (в том числе ИП). Антимонопольный орган признал жалобы необоснованными в данной части, указав, что ч. 5 ст. 3 ФЗ № 223-ФЗ не запрещает участвовать на стороне одного участника юридическим и физическим лицам [Решение Красноярского УФАС России № 024/07/3-267/2021 URL; Решение Красноярского УФАС России № 024/07/3-269/2021 URL].

Незначительный на первый взгляд нюанс по использованию союзов «и», «или» («либо») стал существенной проблемой, сопряженной с определенными рисками (смещение сроков исполнения договора, финансовые затраты заказчика и т. д.).

Существующее в теории мнение расходится с позицией, сформированной на практике, и заказчики в первую очередь будут руководствоваться в своей деятельности письмами Минэкономразвития РФ и решениями антимонопольных органов, а не теоретическими наработками.

При этом участники закупки за основу могут брать разные источники информации, существующие в интернете, в целях толкования закона. Более того, информация из данных источников может не соответствовать сформировавшейся практике.

2.2. Позиция ФАС России.

Согласно решению Арбитражного суда Краснодарского края от 19.01.2021 по делу № А32-36609/2020 решение Краснодарского УФАС России от 25.05.2020 № 023/07/3-2101/2020 было предметом рассмотрения в ФАС России ввиду подачи апелляционной жалобы заявителем. ФАС России письмом от 06.07.2020, рассмотрев жалобу, не нашла нарушений в решении УФАС по Краснодарскому краю. По мнению ФАС России, ФЗ № 223-ФЗ не установлены запреты на участие в закупках коллективных участников, состоящих из юридических и физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, в связи с чем заявка коллективного участника, на стороне которого выступают юридические и физические лица, не может быть признана несоответствующей требованиям документации [Решение Арбитражного суда Краснодарского края 2021].

Такой разброс мнений участников закупки, государственных органов, заказчиков в отношении допустимости или недопустимости коллективного участия юридических и физических лиц на стороне одного участника сопряжен с определенными рисками для заказчика.

Во-первых, смещение сроков заключения договора и начала исполнения договора.

Закупка проводится в целях удовлетворения потребностей заказчика в товарах, работах, услугах. Впрок заказчик закупать ничего не может. Заказчик, понимая, что срок действия заключенного договора, например на оказание услуг, скоро закончится, будет организовывать новую закупку, по итогам которой новый заключенный договор сменит действовавший договор. В случае подачи жалобы в антимонопольные органы закупка приостанавливается. Соответственно, в связи с приостановкой закупки установленные сроки по извещению и договору сдвинутся в сторону увеличения.

Приведенный случай из практики это подтверждает.

Во-вторых, финансовые риски, состоящие в том, что заказчик вынужден продлевать действующий договор, увеличивая его стоимость, либо заключать договоры у единственного поставщика на период до заключения нового договора.

ФЗ № 223-ФЗ призван урегулировать правоотношения в сфере закупок, которые осуществляются отдельными видами юридических лиц. В этом и есть предназначение права – упорядочивать те или иные общественные отношения. В данном случае в отношении содержания понятия коллективного участника имеет место противоположный эффект: правоотношения не упорядочились, но появился ряд проблем, несмотря на

выработанную и устоявшуюся антимонопольную практику.

3. Судебная практика.

3.1. Позиция первой инстанции.

Считая незаконным указанное выше решение Краснодарского УФАС России № 023/07/3-2101/2020 от 25.05.2020, заявитель жалобы обратился в Арбитражный суд Краснодарского края.

Решением Арбитражного суда Краснодарского края от 19.01.2021 по делу № А32-36609/2020 позиция антимонопольного органа о допустимости выступать на стороне коллективного участника юридических и физических лиц признана не противоречащей законодательству РФ [Решение Арбитражного суда Краснодарского края 2021].

И это не единственный пример судебной практики по анализируемой проблеме.

Арбитражный суд Тюменской области в решении от 09.06.2022 по делу № А70-3742/2022, рассматривая аналогичный спор, пришел к схожему выводу. Заявитель жалобы считал, что возможность участия в закупке на одной стороне в качестве коллективного участника нескольких перечисленных в законе лиц, а именно юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, отсутствует. Суд указал, что закон не содержит прямого ограничения на совместное участие в закупках юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на одной стороне. Толкование закона, приводящее к ограничению и ухудшению прав хозяйствующих субъектов, может быть основано лишь на положениях закона, прямо указывающих на невозможность такого участия [Решение Арбитражного суда Тюменской области 2022 URL].

3.2. Вышестоящие инстанции.

Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.04.2021 [Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда 2021] и постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.06.2021 [Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа 2021] оставили решение Арбитражного суда Краснодарского края от 19.01.2021 по делу № А32-36609/2020 без изменения.

Такая же позиция у вышестоящей инстанции в отношении указанного ранее решения Арбитражного суда Тюменской области от 09.06.2022 по делу № А70-3742/2022. Постановлением Восьмого арбитражного апелляционного суда от 31.08.2022 № 08АП-8896/2022 по делу № А70-3742/2022 решение суда первой инстанции оставлено в силе [Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда 2022].

Получается, по данному вопросу сформирована антимонопольная и судебная практика, при этом по неизвестным причинам не все участники закупок осведомлены о выработанной позиции.

3.3. Позиция Верховного Суда РФ.

Вопрос не будет всесторонне проанализирован без позиции Верховного Суда РФ.

Заявитель, продолжая настаивать на незаконном участии в качестве коллективного участника нескольких юридических и физических лиц, обратился в Верховный Суд РФ.

Определением Верховного Суда РФ от 23.09.2021 № 308-ЭС21-16894 по делу № А32-36609/2020 решения судов нижестоящих инстанций признаны соответствующими действующему законодательству, а в действиях заказчика не выявлено нарушений [Определение Верховного Суда РФ 2021].

Приведенные примеры из практики показывают, что случаи обжалования одним участником закупки решения заказчика о допустимости объединения юридических и физических лиц на стороне другого участника закупки не носят единичный характер.

Безусловно, сформированная единообразная антимонопольная практика и позиция судов разъясняют существующую проблему, однако не все участники закупок о них осведомлены.

Получается, действующая редакция нормы вводит в заблуждение стороны правоотношений, возникающих в сфере закупок товаров, работ, услуг, осуществляемых по нормам ФЗ № 223-ФЗ. Необходимо обратить внимание, что норма несколько раз была подвергнута изменениям, однако проблему, показанную в данной работе, законодатель обходил стороной. Такая незначительная на первый взгляд проблема по приведению в соответствие с русским языком нормы на практике ведет к определенным проблемам, следствием которых является сдвигание сроков начала исполнения договора, заказчик может некоторое время быть без товаров, работ, услуг, являющихся объектом закупки, и др.

Один из возможных вариантов решения проблемы – изменение содержания понятия «участник закупки» путем прямого указания в законе о дозволении объединяться физическим и/или юридическим лицам для участия в закупке. В связи с этим изменением, во-первых, участники закупок перестанут обжаловать действия заказчика по признанию коллективного участника закупки, состоящего из физических и юридических лиц, надлежащей стороной закупки. Во-вторых, упорядочится позиция по данному вопросу в теории и на практике, что будет способствовать развитию теоретических наработок, пригодных для практики.

Литература

Готовое решение: Какие особенности коллективного участия в закупке предусмотрены Законом № 223-ФЗ (2023) / СПС КонсультантПлюс.

Евсташенков А. Н. «Коллективный участник»: проблемы и пути их решения / Корпоративные закупки - 2017: Практика применения Федерального закона № 223-ФЗ. Сборник докладов V Всероссийской практической конференции-семинара. - М. - 2017. - С. 6.

Извещение по закупке № 32009002248 от 18.03.2020 на организацию общественного питания для отдыхающих и обслуживающего персонала пансионата «Моряк». URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/notice223/common-info.html?noticeInfold=11119809>.

Информация о договоре о закупке товаров, работ, услуг № 62315012204200000630000 от 03.06.2020. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/contractfz223/card/contract-subject.html?id=9188270>.

Краев Н. А., Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (постатейный). М., 2015.

Определение Верховного Суда РФ от 23.09.2021 № 308-ЭС21-16894 по делу № А32-36609/2020 / СПС КонсультантПлюс.

Письмо Минэкономразвития России от 21.03.2017 № Д28и-1412 «О закупках коллективным участником, в состав которого входят в том числе субъекты малого и среднего предпринимательства» / СПС КонсультантПлюс.

Пластинина Е. А., Абрамов В. Г. Один за всех, и все за одного: особенности статуса коллективного участника в корпоративных закупках / Прогноззаказ.рф. - 2018. - № 12. - С. 58.

Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.06.2021 № Ф08-5617/2021 по делу № А32-36609/2020 / СПС КонсультантПлюс.

Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 31.08.2022 № 08АП-8896/2022 по делу № А70-3742/2022 / СПС КонсультантПлюс.

Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.04.2021 № 15АП-3369/2021 по делу № А32-36609/2020 / СПС КонсультантПлюс.

Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 19.01.2021 по делу № А32-36609/2020 / СПС КонсультантПлюс.

Решение Арбитражного суда Тюменской области от 09.06.2022 по делу № А70-3742/2022. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/EnnABnN392lk/?arbitral-txt=%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_snippet_pos=4438#snippet.

Решение Краснодарского УФАС России от 25.05.2020 № 023/07/3-2101/2020. URL: <https://br.fas.gov.ru/to/krasnodarskoe-ufas-rossii/8908f3a5-951e-49c3-9e56-d3ec6c202f3d/>.

Решение Красноярского УФАС России от 20.02.2021 № 024/07/3-267/2021. URL: <https://br.fas.gov.ru/to/krasnoyarskoe-ufas-rossii/035e6dd9-6d87-48bb-a1c4-c08f4d46882c/>.

Решение Красноярского УФАС России от 20.02.2021 № 024/07/3-269/2021. URL: <https://br.fas.gov.ru/to/krasnoyarskoe-ufas-rossii/35780661-98d5-4b14-be80-4afca3fa0436/>.

Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Москве № 077/07/00-813/2019 от 20.05.2019. URL: <https://br.fas.gov.ru/to/moskovskoe-ufas-rossii/8f5f29d6-65b5-48a7-a59a-8ed4ef31cd43/>.

Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» / Российская газета. - № 159. - 22.07.2011

References

Decision of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory dated 19.01.2021 in case No. A32-36609/2020. ConsultantPlus (in Russian).

Decision of the Arbitration Court of the Tyumen Region dated 09.06.2022 in case No. A70-3742/2022. Available from: https://sudact.ru/arbitral/doc/EnnABnN392lk/?arbitral-txt=%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_snippet_pos=4438#snippet (in Russian).

Decision of the Krasnodar FAS Russia dated 25.05.2020 No. 023/07/3-2101/2020. Available from: <https://br.fas.gov.ru/to/krasnodarskoe-ufas-rossii/8908f3a5-951e-49c3-9e56-d3ec6c202f3d/> (in Russian).

Decision of the Krasnoyarsk FAS Russia dated 20.02.2021 No. 024/07/3-267/2021. Available from: <https://br.fas.gov.ru/to/krasnoyarskoe-ufas-rossii/035e6dd9-6d87-48bb-a1c4-c08f4d46882c/> (in Russian).

Decision of the Krasnoyarsk FAS Russia dated 20.02.2021 No. 024/07/3-269/2021. Available from: <https://br.fas.gov.ru/to/krasnoyarskoe-ufas-rossii/35780661-98d5-4b14-be80-4afca3fa0436/> (in Russian).

Decision of the Office of the Federal Antimonopoly Service in Moscow No. 077/07/00-813/2019 dated 20.05.2019. Available from: <https://br.fas.gov.ru/to/moskovskoe-ufas-rossii/8f5f29d6-65b5-48a7-a59a-8ed4ef31cd43/> (in Russian).

Evstashenkov, A. N. (2017). "Collective participant": problems and ways to solve them. Corporate purchases - 2017: The practice of applying Federal Law No. 223-FZ. Collection of reports of the V All-Russian practical conference-seminar, 6 (in Russian).

Federal Law of 18.07.2011 No. 223-FZ (2011). "On the Procurement of Goods, Works, Services by Certain Types of Legal Entities". Rossiyskaya Gazeta, 15 (in Russian).

Information on the contract for the purchase of goods, works and services No. 62315012204200000630000 dated 03.06.2020. Available from: <https://zakupki.gov.ru/epz/contractfz223/card/contract-subject.html?id=9188270> (in Russian). Kraev, N. A., Borisov, A. N. (2015). Commentary on the Federal Law "On the Procurement of Goods, Works, Services by Certain Types of Legal Entities" (item-by-article). Moscow (in Russian).

Plastinina, E. A., Abramov, V. G. (2018). One for all, and all for one: features of the status of a collective participant in corporate procurement. Progoszakaz.rf, 12, 58 (in Russian).

Purchase notice No. 32009002248 dated March 18.03.2020 for the organization of public catering for vacationers and service personnel of the Moryak boarding house. Available from: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/notice223/common-info.html?noticeInfold=11119809> (in Russian).

Ready-made solution: What features of collective participation in the procurement are provided by Law No. 223-FZ (2023). ConsultantPlus (in Russian).

Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 29.06.2021 No. F08-5617/2021 in case No. A32-36609/2020. ConsultantPlus (in Russian).

Resolution of the Eighth Arbitration Court of Appeal dated 31.08.2022 No. 08AP-8896/2022 in case No. A70-3742/2022. ConsultantPlus (in Russian).

Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal dated 13.04.2021 No. 15AP-3369/2021 in case No. A32-36609/2020. ConsultantPlus (in Russian).

The determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.09.2021 No. 308-ES21-16894 in case No. A32-36609/2020. ConsultantPlus (in Russian).

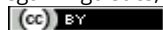
The letter of the Ministry of Economic Development of Russia dated 21.03.2017 No. D28i-1412 "On procurement by a collective participant, which includes, among other things, small and medium-sized businesses". ConsultantPlus (in Russian).

Citation:

Рябова А. Ю. Коллективный участник в закупках: дилеммы семантики и ее причинно-следственная связь с негативными последствиями по закупкам // Юрислингвистика. – 2023. – 29. – С. 25-30.

Riabova A. Yu. (2023) Joint Tenderer in Procurement: Dilemmas of Semantics and Its Causal Relationship with Negative Procurement Effects. Legal Linguistics, 29, 25-30.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Эволюция научных взглядов на роль науки о языке в юридической технике (по материалам сборников «Юридическая техника»)

О. С. Бегишева

Челябинский областной суд

ул. Труда, 34, 454006, Челябинск, Россия. E-mail: bos1995@yandex.ru

Статья посвящена изучению проблемы взаимодействия юриспруденции и лингвистики в рамках общей для этих наук области знания – юридической техники, принципы и приемы которой применяются законодательными и правоприменительными органами Российской Федерации в целях создания и разработки документов, обладающих юридической силой. Актуальность темы обусловлена необходимостью обратить внимание ученых и практикующих юристов на роль лингвистических знаний в процессе развития науки о праве и правоприменительной деятельности. Особую значимость данная тема приобретает в современных условиях, когда законодательная сфера вынуждена оперативно реагировать на изменения общественной и политической ситуации в стране и мире. Материалом исследования послужили работы ведущих ученых-правоведов и практикующих юристов, опубликованные в сборниках «Юридическая техника», издаваемых одноименным Нижегородским исследовательским научно-прикладным центром под эгидой Нижегородской академии МВД России. Проведенный анализ показал, что динамика взаимодействия языкознания и юридической техники свидетельствует о росте учета юристами достижений разных областей лингвистики: теории коммуникации, психолингвистики, текстологии, прикладной и математической лингвистики – и способствует усложнению их представлений о роли языка в своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: юридическая техника, лингвистика, юридический язык, «открытая текстура» права, принцип конкретизации, машиночитаемое право, текстоцентрический подход к закону, «живое» право.

Evolution of Scientific Views on the Role of the Language Science in Legal Technique (Case Study of Journal "Legal Technique")

O. S. Begisheva

Chelyabinsk Regional Court

34 Truda St., 454006, Chelyabinsk, Russia. E-mail: bos1995@yandex.ru

The article considers the problem of interaction between jurisprudence and linguistics within their common branch of knowledge – legal technique, the principles of which are used by the legislative and law enforcement authorities of the Russian Federation in order to create and develop legal documents. The relevance of the topic is due to the need to draw the attention of scientists and lawyers to the role of linguistic knowledge in the development of the science of law and law enforcement. This topic is of particular importance in modern conditions, when the legislative sphere is forced to respond quickly to changes in the social and political situation in the country and the world. The material of the study was obtained from the works of leading legal scholars and practicing lawyers published in the "Legal Technique" journal, which is issued by the Nizhny Novgorod Research Scientific Center under the auspices of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The analysis showed that the dynamics of the interaction of linguistics and legal technique indicates an increase in employment by lawyers of the achievements of different areas of linguistics: communication theory, psycholinguistics, textual criticism, applied and mathematical linguistics, which contributes to the development of their ideas about the role of language in their professional activities.

Key words: legal technique, linguistics, legal language, "open texture" of law, concretization principle, machine-readable law, text-centric approach to law, "living" law.

Филолог-эксперт, осуществляющий деятельность в законодательной и правоприменительной области, в обязательном порядке должен быть знаком с понятием и принципами юридической техники, обеспечивающей разработку содержания и структуры правовых актов, адекватных общественной, политической, экономической и культурной реальности. Во-первых, это позволяет лингвисту понять и уяснить особенности специфической – юридической – сферы функционирования языка и, во-вторых, организовать свою трудовую деятельность с учетом тех, зачастую негласных, правил и норм, которые влияют на процесс мыслительной деятельности профессионалов-юристов: судей, адвокатов, прокуроров, следователей и т. д. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение процессов становления и развития юридической техники как самостоятельной отрасли знания, находящейся на пересечении лингвистики и права.

Основы юридической техники как специфического социально-правового феномена были заложены одним из наиболее выдающихся юристов России всех времен – М. М. Сперанским (1772-1839). Будучи родоначальником систематизации российского законодательства, он разработал теоретические основы юридической техники, подробно рассмотренные доктором юридических наук, профессором УрГЮА С. В. Коданом в статье «М. М. Сперанский и формирование теоретических основ юридической техники систематизации законодательства в России (1820-1830-е гг.)». И хотя вопрос о значении науки о языке в юриспруденции М. М. Сперанский напрямую не исследовал, он рассматривал такие важные с точки зрения лингвистики вопросы, как выявление и фиксация документов, носящих признаки законодательных актов; проверка их подлинности; обеспечение получения обобщенной и сконцентрированной нормативно-правовой информации органами государственного управления и подданными; максимальное и адекватное воспроизведение нормативного содержания «узаконений» [Кодан 2012].

Юридическая техника как совокупность принципов и приемов разработки правовых актов во всеуслышание «заявила о себе» только в новейшее время, когда ученые-правоведы и практикующие юристы в рамках формирования и усовершенствования законодательной базы современного демократического государства обратились к проблеме «преобразования социально значимой информации в новый эффективно действующий правовой акт» [Маршакова 2007].

Пионером в этой области по праву считается Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника» под руководством доктора юридических наук, профессора В. М. Баранова. Каждый год на базе центра проходит Международный форум «Юртехника», по итогам которого издается сборник научных трудов. Ключевые публикации этого периодического издания в разные годы позволяют проследить динамику развития взглядов на проблему юридической техники.

Прежде всего в центр внимания издателя была поставлена необходимость обосновать юридическую технику как «сложное многоструктурное, многофункциональное, комплексное правовое явление» [Маршакова 2007], доказать ее значимость в науке о праве, определить круг целей и задач, методологическую базу. В этой связи публикации первых выпусков журнала «Юридическая техника» в основном были посвящены рассмотрению различных подходов к определению понятия «юридическая техника», предпосылкам ее появления и исторического развития, проблемам классификации, а также остроактуальным вопросам ее применения в правотворческой и правоприменительной сферах и взаимодействия с другими правовыми дисциплинами [Тарасов 2007; Соловьев 2008; Федулов 2008].

Знаменательно, что уже в первых выпусках журнала авторы подчеркивают связь юридической техники и лингвистики в целях удовлетворения растущей потребности государства в качественных правовых актах. Так, доктор юридических наук, профессор Ю. А. Тихомиров в своей работе «Юридическая техника – инструмент правотворчества и правоприменения» справедливо отмечает, что особая роль в деле составления документов принадлежит чистоте и грамотности речи: «Текст законопроекта должен излагаться общепринятым юридическим языком с использованием устоявшейся и унифицированной системы терминов... В процессе подготовки законопроектов необходимо использовать толковые словари русского литературного языка, терминологические словари действующего законодательства... В процессе подготовки законопроектов надо стремиться к простоте и доступности используемых в законе терминов, использовать общеизвестные сочетания, не нанося ущерба полноте и точности выражения смысла нормы права... Особое значение имеет формирование и использование специфического юридического языка – четкого, строгого и структурированного. Это облегчает единообразное “технологическое” построение текста правового акта и его понимание, и применение» [Тихомиров 2007].

Последующие выпуски журнала «Юридическая техника» были, в свою очередь, посвящены вопросам ее преподавания в средних и высших учебных заведениях, проблемам правовых презумпций, преемственности в праве, юридической аргументации, а также техники и демократизации правотворчества [Тарасов 2009; Сапун, Смирнова 2010; Давыдова 2011; Гревцов 2012; Баранов 2013; Баранов 2014]. Благодаря пристальному вниманию к данной теме произошло укрепление статуса юридической техники в рамках современной научной парадигмы.

В настоящее время, в условиях турбулентных социальных изменений, вызванных, во-первых, пандемией коронавируса и, во-вторых, обострением кризиса в международной политике, представляется необходимым провести более подробный анализ публикаций, в которых отражена актуальная информация о развитии существующих подходов к юридической технике. В центре внимания остается взаимосвязь юридической техники и лингвистики, что обуславливает использование метода систематической выборки с учетом смысловой близости материала к заявленной теме.

Один из выпусков, изданных за последние несколько лет, был посвящен системе принципов российского законодательства, технике их закрепления, интерпретации и реализации. Лингвистическая сторона вопроса в

данном случае не исчерпывается лишь проблемой поиска адекватного толкования юридических терминов (например, «принципы права», «презумпция», «язык права» и др.). В поле зрения современных ученых попадает и изменение границ определения понятий. В частности, профессор Е. Г. Зинков отмечает, что правовые термины способны видоизменяться во времени и пространстве: «в юриспруденции за правовыми действиями закрепился такой юридический термин, как “открытая текстура”. Данный термин отражает нестабильность значения правового термина... Соответственно <...> необходимо брать во внимание значение закрепившегося в Европейском Суде по правам человека термина “эволюционное толкование”». В качестве аргумента исследователь приводит высказывание немецкого филолога К. Эрлиха, который утверждал, что «в процессе коммуникаций существует целый ряд смысловых качеств правовых терминов... пространство времени речевого действия, внутри которого коммуниканты способны достигнуть определенности, используя собственные органы чувств; речевое пространство, когда внутри дискурса говорящий ... ссылается на что-либо, что уже было упомянуто ранее; текстовое пространство, где говорящий вычленяет речевые действия из речевой ситуации и облекает их в текстовую форму; пространство воображения, то есть говорящий набрасывает в процессе рассказа картинку, в рамках которой он осуществляет ... ориентацию внимания слушателя, а слушатель в своем воображении воссоздает воображаемое пространство говорящего, чтобы понять, что имеется в виду». Эти положения, восходящие в своей основе к современной теории коммуникации, позволяют Е. Г. Зинкову прийти к выводу о необходимости учитывать «территориальное, экстритерриториальное и экстратерриториальное действие языка при употреблении и применении его в нормативно правовых актах, постановлениях и законах» [Зинков 2020].

Большую роль в улучшении качества правовых актов играет и принцип конкретизации, подробно рассмотренный доктором юридических наук И. В. Колесник. Определяя правовую конкретизацию как «мыслительную деятельность, осуществляемую в процессе правотворчества, состоящую в “привязке” нормы права к конкретным условиям юридической регламентации», она указывает, что в подавляющем большинстве случаев юридические ошибки и иные недостатки «порождены глубочайшим невежеством... участников правоотношений в вопросах следования принципу конкретизации в российском законодательстве» [Колесник 2020]. Это происходит, в частности, из-за отсутствия определенных пределов и границ содержания юридических норм. Далее исследователь указывает, что «в связи с этим актуальной задачей всей юридической науки на современном этапе ее функционирования является разработка эффективных критериев, пределов и границ конкретизации» [Колесник 2020], которая невозможна в отсутствие достаточных языковых знаний.

Глубинную связь языка и права в своей работе «Проблемы юридического закрепления общих принципов права в отечественной правовой системе: теоретико-правовой аспект» раскрывает доктор юридических наук Г. М. Лановая, выделяя следующие технические проблемы: проблема выбора языкового способа закрепления (невозможность полного и адекватного «перевода» принципов права в законодательство), выбора средств и приемов формулирования каждого отдельно взятого общего принципа права, соблюдение законов логики и адекватное применение языковых средств при формулировании статей [Лановая 2020].

Приведенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что с течением времени взгляды на роль лингвистики в юридической технике эволюционировали от абстрактных требований излагать правовые акты общепринятым, простым и доступным, литературным языком до попытки рассмотреть документ в рамках теории коммуникации, реконструировать мыслительную деятельность в процессе правотворчества, предпринять конкретные действия с языковым материалом.

Современный этап развития науки о праве связан с постепенным внедрением разнообразных инноваций в законодательную и правоприменительную сферу. В первую очередь они затрагивают «человеческую» сторону правоприменения, автоматизируя те или иные процессы государственного регулирования. В связи с этим они становятся предметом рассмотрения не только юриспруденции, но юридической техники и лингвистики.

Одной из первых задач, поставленных перед учеными в этой области, является разработка концепта машиночитаемого права. Согласно определению доктора юридических наук, профессора И. В. Понкина, речь идет «о подходе к созданию и опубликованию законов, иных нормативных актов в машино-читаемом и человеко-читаемом виде» [Понкин 2021]. В настоящее время существует несколько примеров успешного внедрения подобного программного обеспечения в систему государственного регулирования. Так, автор упоминает французский инструмент OpenFisca и новозеландский LabPlus. Он отмечает, что «хотя и не все законы возможно переписать, чтобы сделать их машиночитаемыми и машиноисполняемыми, логические операторы... позволяющие создавать составные логические условия, достаточно релевантно накладываются на массивы правовых норм, например, в сфере социальных льгот, налогового права» [Понкин 2021]. Из этого следует, что «если мы разработаем версию наших законов для компьютеров, мы сможем создавать системы и службы, которые упростят их понимание и применение. Мы можем извлечь уроки из мира шифрования, где сообщество гарантирует, что новые алгоритмы тщательно проверяются, тестируются и обсуждаются» [Понкин 2021]. В качестве основы для создания подобных алгоритмов могут быть использованы достижения прикладной, компьютерной и математической лингвистики, благодаря которым успешно функционируют современные системы поиска информации, многочисленные онлайн-переводчики и языковые базы данных.

Другой значимой инновацией, затрагивающей лингвистическую сторону юридической техники, является разработка новых научных подходов к текстам законодательных актов. Так, Г. В. Назаренко и А. И. Ситникова в своей статье «Уголовно-правовая текстология» подчеркивают преимущества законодательно-текстологического подхода в его сравнении с языковым. В частности, они отмечают следующее: «В теории права в процессе ее развития

сформировался устойчивый лингвоцентрический подход к естественному языку как средству письменного закрепления права. Специалисты по уголовному праву безоговорочно поддерживают традиционный подход... Языковой подход к праву издавна имеет множество сторонников, но при этом он зачастую ограничивается вниманием к юридической терминологии... В современной юридической литературе делаются вполне обоснованные попытки переориентировать научные исследования с языка закона на законодательный текст... Законодательно-текстологический (не языковой) подход к уголовному законодательству... представляет собой инновационный проект, который держится на понимании того, что продуктом законотворчества является текст уголовного закона, а не язык закона и его лингвистические особенности» [Назаренко, Ситникова 2021].

В этой связи «текстоцентрический подход к уголовному закону дает возможность рассматривать Уголовный кодекс как текстуальный феномен, то есть как особым образом организованное целостное единство, обладающее признаками нормативного текста... Это означает, что уголовный закон в целом и его предписания в частности, не имеющие обязательных и четких текстуальных признаков, могут считаться некачественными и подлежащими законодательно-текстологической доработке» [Назаренко, Ситникова 2021]. Далее авторы подробно рассматривают те текстологические признаки, которые, на их взгляд, должны быть характерны для текстов законов и подзаконных актов: наличие информативных заголовков, закрепление предписаний в тексте соответствующих кодексов, текстуальная завершенность, целенаправленность, прагматическая установка.

Действительно, разрабатываемый Г. В. Назаренко и А. И. Ситниковой текстологический подход можно с уверенностью назвать инновационным, поскольку в трудах этих ученых происходит окончательное закрепление позиций лингвистики (юрислингвистики) в юридической технике. Отказавшись от высокомерного взгляда на речь как деятельность, «обслуживающую» право, исследователи пришли к пониманию того, что существование и применение закона во многом обусловлено свойствами самого текста. Следовательно, при создании любого документа и юридические, и лингвистические (текстологические) его характеристики подлежат обязательному учету.

Непосредственное практическое применение лингвистических законов в контексте принципов и приемов юридической техники связано, в том числе, с осмыслением процесса государственного развития. Р. А. Ромашов (доктор юридических наук, профессор СПбГУП) в работе «Юридическая техника изменения конституционного законодательства в системе “живого” права современной России», рассматривая особенности юридической техники с точки зрения влияния на нее так называемого «живого права» – права «социального», формирующегося на базе общественных отношений в противовес праву позитивному, «государственному», указывает следующие общие особенности отечественного правогенеза:

на всех его стадиях имели место случаи рецепции зарубежных (преимущественно западноевропейских) правовых конструкций, которые в ходе их внедрения в российскую политико-правовую реальность наполнялись национальным содержанием;

все реформы в Российском государстве неизменно осуществлялись по инициативе «сверху», при этом право на всех этапах отечественной истории рассматривалось преимущественно как «возведенная в закон воля государства» [Ромашов 2023].

Из этих положений следует, что Закон и Право в России (или, как указано в статье, Конституция Российской Федерации) имеют двойную «природу» – учредительную и этапную: так, изменения вносятся в аутентичные положения законодательных актов, меняя их структуру и содержание (внесение поправок в Конституцию в 2020 году). Таким образом, в рамках первоначальной конструкции в Конституции «новой» России были представлены две части: неизменная (базовые конституционные положения и ценности) и подверженная правотворческим преобразованиям («живая»).

Применительно к «живой Конституции» принцип недопустимости внесения поправок в главы, содержащие наиболее существенные ее положения, был «обойден» за счет применения следующих юридических техник:

изменение смысла положений глав за счет внесения текстуальных изменений в другие главы (упоминание о браке мужчины и женщины в главе, посвященной федеративному устройству);

изменение текстуальных положений Конституции путем их интерпретации Конституционным Судом РФ (фактическая отмена закрепленной в Конституции высшей меры наказания – смертной казни);

изменение смысла главы посредством использования эксклюзивных элементов правотворчества, предложенных Президентом РФ [Ромашов 2023].

Как следует из краткого комментария, юридическая техника внесения поправок в Конституцию, равно как и в другие законодательные акты, не обходится без привлечения лингвистических законов, обеспечивающих цельность и связность текста, согласованность отдельных его элементов.

Из анализа опубликованных за последние годы научных статей, посвященных юридической технике, следует, что фокус внимания ученых-правоведов неуклонно смещается от теории к конкретным вопросам практики, а значение лингвистических знаний в вопросах законодательной и правоприменительной практики стабильно возрастает. Убежденность исследователей в необходимости учитывать не только юридическую, но и речевую сторону оформления документов позволяет надеяться на возможность дальнейшей разработки данной проблемы в рамках науки о праве. Несмотря на значительный шаг в этой области, проблема взаимодействия юридической техники и лингвистики далеко не исчерпана. Ведь по-прежнему возникают споры, работают суды, ведутся гражданские и административные процессы, значит, вопросов у населения относительно толкования тех или иных законодательных норм не становится меньше. Поэтому так важно представителям любой ветви государственной власти при составлении официальных документов учитывать не только их юридическую целесообразность, но и доступность широким слоям населения. Надеемся, что в будущем эта тема неоднократно привлечет внимание не только юристов,

но и филологов, с тем чтобы наука о языке в рамках юридической техники оформилась в самостоятельную дисциплину и способствовала развитию правовой культуры граждан.

Литература

- Баранов В. М. Принцип демократизации современного российского правотворчества: сущность, ценность, технико-юридические проблемы реализации / Юридическая техника : «Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника». – 2014. – № 8. – С. 27-39.
- Баранов В. М. Специфика юридической аргументации в процессе критики законодательства / Юридическая техника : Третьи Бабаевские чтения : «Юридическая аргументация: теория, практика, техника». – 2013. – № 7 (1). – С. 23-27.
- Гревцов Ю. И. Формы правообразования и юридическая техника / Юридическая техника : «Техника современного правотворчества: состояние, проблемы, модернизация». – 2012. – № 6. – С. 22-27.
- Давыдова М. Л. Технико-юридический механизм обеспечения преемственности в праве / Юридическая техника : Вторые Бабаевские чтения : «Преемственность в праве: доктрина, российская и зарубежная практика, техника». – 2011. – № 5. – С. 43-49.
- Зинков Е. Г. Ubi Jus Incertum, Ibi Jus Nullum: Там, где не определено право, закон не существует – принцип права Древнего Рима и принцип точности языка российского законодательства в правовом пространстве / Юридическая техника : «Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации». – 2020. – № 14. – С. 146-148.
- Кодан С. В. М. М. Сперанский и формирование теоретических основ юридической техники систематизации законодательства в России / Юридическая техника : «Техника современного правотворчества: состояние, проблемы, модернизация». – 2012. – № 6. – С. 223-234.
- Колесник И. В. Принцип конкретизации в российском законодательстве: теоретико-методологический аспект проблемы / Юридическая техника : «Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации». – 2020. – № 14. – С. 173-176.
- Лановая Г. М. Проблемы юридического закрепления общих принципов права в отечественной правовой системе: теоретико-правовой аспект / Юридическая техника : «Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации». – 2020. – № 14. – С. 213-218.
- Маршакова Н. Н. Юридическая техника: понятие, виды, средства, основные функции и значение / Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 52-59.
- Назаренко Г. В., Ситникова А. И. Уголовно-правовая текстология как инновационный проект / Юридическая техника : «Юридические инновации». – 2021. – № 15. – С. 536-543.
- Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права / Юридическая техника : «Юридические инновации». – 2021. – № 15. – С. 231-236.
- Ромашов Р. А. Юридическая техника изменения конституционного законодательства в системе «живого» права современной России / Юридическая техника : «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)». – 2023. – № 17. – С. 22-27.
- Сапун В. А., Смирнова М. Г. Правовые презумпции как юридические средства закрепления социальных притязаний в праве / Юридическая техника : Первые Бабаевские чтения : «Правовые презумпции: теория, практика, техника». – 2010. – № 4. – С. 28-34.
- Соловьев О. Г. О видах юридической техники / Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 67-69.
- Тарасов Н. Н. О некоторых проблемах определения места юридической техники в структуре профессиональной подготовки юристов / Юридическая техника : «Юридическая техника в системе вузовской подготовки правоведов: научно-методическое обеспечение и дидактические пути его совершенствования». – 2009. – № 3. – С. 37-41.
- Тарасов Н. Н. Юридическая техника в структуре юриспруденции (методологические проблемы исследования) / Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 7-11.
- Тихомиров Ю. А. Юридическая техника – инструмент правотворчества и правоприменения / Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 12-16.
- Федулов А. В. Логика и юридическая техника законотворчества по внесению изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации / Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 128-131.

References

- Baranov, V. M. (2013). Specifics of legal argumentation in the process of legislation criticism. Legal technique: Third Babayev readings: "Legal argumentation: theory, practice, technique", 7 (1), 23-27 (in Russian).
- Baranov, V. M. (2014). The principle of modern Russian law-making democratization : essence, value, technical and legal problems of implementation. Legal technique : "Democratization of law-making: doctrine, practice, technique", 8, 27-39 (in Russian).
- Davydova M. L. (2011). Technical and legal mechanism of ensuring continuity in law. Legal technique : The second

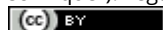
- Babayev readings: "Continuity in Law: doctrine, Russian and foreign practice, technology", 5, 43-49 (in Russian).
- Fedulov, A. V. (2008). Logic and legal technique of lawmaking on amendments and additions to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Legal technique*, 2, 128-131 (in Russian).
- Grevtsov, Y. I. (2012). Forms of law-making and legal technique. *Legal technique: "The technique of modern law-making: condition, problems, modernization"*, 6, 22-27 (in Russian).
- Kodan, S. V. (2012). M.M. Speransky and the development of the legal technique theoretical foundations of legislation systematization in Russia. *Legal technique: "The technique of modern law-making: condition, problems, modernization"*, 6, 223-234 (in Russian).
- Kolesnik, I. V. (2020). The principle of concretization in Russian legislation: theoretical and methodological aspect of the problem. *Legal technique: "The system of principles of Russian legislation: the technique of consolidation, interpretation, implementation"*, 14, 173-176 (in Russian).
- Lanovaya, G. M. (2020). Problems of law general principles legal consolidation in the domestic legal system: theoretical and legal aspects. *Legal technique: "System of principles of Russian legislation: technique of consolidation, interpretation, implementation"*, 14, 213-218 (in Russian).
- Marshakova, N. N. (2007). Legal technique: concept, types, means, main functions and meaning. *Legal technique*, 1, 52-59 (in Russian).
- Nazarenko, G. V., Sitnikova, A. I. (2021). Textology of criminal law as an innovative approach project. *Legal technique: "Legal innovations"*, 15, 536-543 (in Russian).
- Ponkin, I. V. (2021). The concept of machine-readable law. *Legal technique: "Legal innovations"*, 15, 231-236 (in Russian).
- Romashov, R. A. (2023). Legal technique of changing constitutional legislation in the system of "living" law of modern Russia. *Legal technique: "Changes in legislation (doctrine, practice, technique)"*, 17, 22-27 (in Russian).
- Sapun, V. A., Smirnova, M. G. (2010). Legal presumptions as legal means of securing social claims in law. *Legal technique: The First Babayev readings: "Legal presumptions: theory, practice, technique"*, 4, 28-34 (in Russian).
- Soloviev, O. G. (2008). On the types of legal technology. *Legal technique*, 2, 67-69 (in Russian).
- Tarasov, N. N. (2007). Legal technique in the structure of jurisprudence (methodological problems of research). *Legal technique*, 1, 7-11 (in Russian).
- Tarasov, N. N. (2009). On some problems of determining the place of legal technology in the structure of lawyers professional training. *Legal technique: "Legal technology in the system of university training of lawyers: scientific and methodological support and didactic ways of its improvement"*, 3, 37-41 (in Russian).
- Tikhomirov, Y. A. (2007). Legal technique – a tool for law-making and law enforcement. *Legal technique*, 1, 12-16 (in Russian).
- Zinkov, E. G. (2020). Ubi Jus Incertum, Ibi Jus Nullum: Where the law is not defined, the law does not exist – the principle of the law in Ancient Rome and the principle of Russian legislation language accuracy in the legal space. *Legal technique: "The system of principles of Russian legislation: the technique of consolidation, interpretation, implementation"*, 14, 146-148 (in Russian).

Citation:

Бегишева О. С. Эволюция научных взглядов на роль науки о языке в юридической технике (по материалам сборников «Юридическая техника») // Юрислингвистика. – 2023. – 29. – С. 31-36.

Begisheva O. S. (2023) Evolution of Scientific Views on the Role of the Language Science in Legal Technique (Case Study of Journal "Legal Technique"). *Legal Linguistics*, 29, 31-36.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Термин «информация» в англоязычных словарях

Ю. В. Волков

*Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева
ул. Комсомольская, 21, 620137, Екатеринбург, Россия. E-mail: yurii.volkov@usla.ru*

Статья посвящена исследованию вопроса о происхождении и толковании значений термина информация (information) на основе статей в англоязычных словарях. Преимущественное внимание уделено содержанию статей в юридических словарях и энциклопедиях англоговорящих стран. Вопрос является частью проблемы этимологии и семантики термина информация (information). В статье описана методика выборки источников для анализа, сравнительные характеристики источников. На основе представленных словарных и энциклопедических статей сделан вывод о характерном для английских юридических словарей толковании термина информация (information). Результаты исследования могут быть использованы в законодательной деятельности для уточнения значения отдельных дефиниций, в юридической практике для уточнения международных документов, в экспертной деятельности для толкования юридических текстов, а также в учебном процессе для подготовки филологов и юристов.

Ключевые слова: данные, информация, право, сведения, термин.

The Term "Information" in English-Language Dictionaries

Y. V. Volkov

*V. F. Yakovlev Ural State Law University
21 Komsomolskaya St., 620137, Yekaterinburg, Russia. E-mail: yurii.volkov@usla.ru*

The article covers the study of the issue of the origin and interpretation of the meanings of the term information based on entries in English-language dictionaries. Primary attention is paid to the content of entries in law dictionaries and encyclopedias of English-speaking countries. The issue is part of the problem of etymology and semantics of the term information. The article describes the methodology for selecting sources for analysis, comparative characteristics of sources. Based on the presented dictionary and encyclopedia entries, a conclusion is made about the interpretation of the term information that is typical for English law dictionaries. The results of the study can be used in legislation to clarify the meaning of individual definitions, in legal practice to clarify international documents, in expert activities for the interpretation of legal texts, as well as in the educational process for the training of philologists and lawyers.

Key words: data, content of message, information, law, term.

Введение. Вопрос о происхождении и значении термина «информация» в литературе обсуждается достаточно часто. Российская научная электронная библиотека позволяет проиндексировать более 16 тысяч статей, которые содержат названный термин. Вопросу происхождения термина посвящено значительно меньше работ, около 200. Большинство из них содержат ссылку на какой-либо словарь как источник толкования. Законодатель также дал определение этого термина. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 № 149-ФЗ содержит дефиницию: «информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления». Это в определенных рамках стабилизирует правоприменение, но не дает исчерпывающего ответа на все вопросы. Для научной полноты одного определения недостаточно. Систематизация толкований термина по словарям-источникам может дополнить и, отчасти, верифицировать понятие информации. Эта научная задача может быть разделена на этапы: англоязычные словари, русскоязычные словари и т. д. В 2022 году интерес к вопросу о происхождении термина «информация» (в оригинале: information) проявили британские законодатели, поручившие правовой комиссии провести цикл консультаций [Digital assets: Consultation paper No 256 2022]. В ходе открытых консультаций были поставлены вопросы о происхождении и понятии термина information. Они относятся к лингвистике и юриспруденции. Одна из базовых версий, сформулированная в ходе постановки вопросов, была связана с толкованием термина information в общедоступном сетевом Оксфордском английском

словаре. Значительно ранее, в первой половине XX века, версия о происхождении и понятии термина «информация» была представлена в советской юриспруденции. Исследование связано с именем Михаила Александровича Чельцова-Бебутова (1890-1973), профессора Всесоюзного юридического заочного института (ныне Московская государственная юридическая академия – Университет имени О. Е. Кутафина). М. А. Чельцов, описывая процессуальную практику в США, известную под именем «третьей степени» (Third Degree), приводит следующее определение информации: «Около половины штатов допускает предание суду даже по тяжким преступлениям в порядке так называемого «information»: обвинитель от имени штата возбуждает обвинение непосредственно перед судом, которому подсудно дело, не обращаясь предварительно к большому жюри. Акт «information» должен содержать те же данные, что и обвинительный акт» [Чельцов 1948: 115]. В контексте приведенного толкования позиции авторов, которые определяют информацию как термин и продукт кибернетики, нуждаются в тщательной верификации. Поскольку окончательного решения вопроса еще нет, предлагается рассмотреть варианты толкования термина «информация» в разных словарях, а в данной работе – в англоязычных словарях.

Источники и методика исследования. Выбраны три вида словарей: общей лексики; отраслевые; юридические. Основу способов исследования составили юридический (формально-догматический), сравнительный метод и метод структурной семантики (системы и морфемы) [Греймас 2004: 151]. Представлены в работе только те словари, которые отличаются принципиально, иллюстрируя типовое разнообразие. Более полное количество источников (только юридических более двух десятков) может быть рассмотрено в рамках монографического, либо диссертационного исследования.

Основная часть. Обращение к англоязычным источникам (словарям и энциклопедиям) обусловлено тем, что некоторые авторы, цитируя труды англоязычных исследователей, одновременно ссылаются на латинское происхождение термина «информация». В 2022 году правовая комиссия британского парламента в рамках открытых консультаций поставила несколько вопросов о понимании, толковании, применении термина «информация» в правовых актах. Было констатировано, что термин «информация», в отличие от термина «собственность», не имеет конкретного юридического определения [Digital assets: Consultation paper No 256 2022: 160]. Это отличает ситуацию в британском правоведении от российского, где такая дефиниция имеется. Одновременно были поставлены вопросы: как понимать материальный носитель информации (человек, мозг, лист бумаги, электронный накопитель или что-то еще) [Digital assets: Consultation paper No 256 2022: 163-164]. В другом блоке поставлены вопросы соотношения чистой информации и информации в электронной базе данных [Digital assets: Consultation paper No 256: 166]. Обращение к словарям и энциклопедиям позволяет внести некоторую ясность в понимание данного вопроса.

1. Одним из первых источников английских словарных статей, с которым, с высокой долей вероятности, знакомится исследователь еще в школьные годы, является Англо-русский словарь под редакцией О. С. Ахмановой, Е. А. М. Уилсон (школьный англо-русский словарь). Издание, кроме привычных толкований «сведение» и «сообщение», в статье об информации содержит специальное значение – «донос», а также специального субъекта – информанта [Англо-русский словарь 1974: 288].

Другой, доступный в информационных сетях словарь общей лексики – Оксфордский английский словарь [Oxford English Dictionary (OED)] – был процитирован в рамках открытой консультации британскими экспертами в части понимания и толкования термина «информация» для правотворчества и правоприменения. OED частично дает ответ на некоторые вопросы. В частности, написание термина информация (information). Начиная с 1500 года в пределах Британских островов зафиксировано около 30 способов написания слова (некоторые словоформы: infformacion, infformasyoun, informasyoun, informatioun, jnformacion, informacioun, informasyon, informacion, information, infformation, informacion, informacioun, enfarmacion, enformacione и т. д.) [Oxford English Dictionary]. В вопросе написания термина информация (information) для российской действительности более близким является современный английский вариант, нежели иные варианты на основе латыни и старого французского языка. Вопрос о происхождении термина информация (information) в OED решается на основе двух основных версий. Первая – англо-нормандское (enformacioun, enformation, informacioun, informacione), среднефранцузское (enformacion, informacion, information) – эти варианты означают расследование уголовного дела (1274), информацию о начале судебного расследования (1323), внесудебное расследование (1334), данные, знание, информацию, которую получают о ком-то (1360), действие по приданию формы (1377). Вторая версия – происхождение термина от латыни классической и постклассической (informātiō-, informātiō), в значении формирование, зачатие, обучение, наставление (V век), формирование, создание, расположение (с XII века в британских источниках), слияние с формой (с XIII века в британских источниках). В каждом языке слово может частично образовываться непосредственно от глагола [Oxford English Dictionary]. Частотное использование термина информация (information) в период всплеска популярности кибернетики (60-70 гг. XX века) также нашло отражение в словаре. Но оно, очевидно, не может быть принято как первое и основное. Тем не менее, вопрос о современном нормативном написании термина «информация» можно считать решенным – информация (для английского языка – information). Подтверждением версии, представленной в OED, можно считать исследование автора из Пекинского государственного университета Ян Хуе-Хана (Yan Xue-Shan). Он со ссылкой на источники XII века утверждает, что «слово информация было введено в английский язык из старого французского, его раннее написание имело, по крайней мере, шесть написаний: informatioun, informacioun, informatioun, Informacion, informasyon и informatiod» [Xue-Shan 2011: 510-527].

Из словарей общеупотребимой лексики кроме OED словаря рассмотрена Британская Энциклопедия 1910 года выпуска («Энциклопедия Британника: Словарь искусств, наук, литературы и общей информации»). Необходимо отметить, что в более ранних изданиях Британской Энциклопедии статьи с термином «информация» не обнаружено. 14-й том Британской Энциклопедии содержит указание на то, что термин information происходит от латинского

существительного *informare*, которое, в свою очередь, происходит от латинского глагола *in formare*. С XIV века в английском процессе по отдельным делам (*qui tam suits*) информер (*informer*) подавал информацию (*information*) – иск в личных интересах и в интересах Короны [Encyclopedia Britannica 1910: 556]. Общая информация, которая в настоящее время воспринимается нами как основной термин, обозначалась в начале XX века как *general information*. В этой связи можно утверждать, что широко распространенное значение термина информация (*information*) в смысле сведения, сообщения о чем-либо появилось в результате упрощения (редукции) термина «общая информация» (*general information*).

Словарь Лонгмана, который позиционируется как весьма авторитетный, общеобразовательный, предлагает традиционное определение информации как сообщения о чем-либо, о ситуации [Longman 2009: 529]. Литература для детей может быть рассмотрена как научно-популярное издание, которое позволяет сравнить разные подходы к толкованию терминов для британских взрослых и детей. В словаре Чамберса, который наряду с изданиями Лонгмана является ведущим энциклопедическим источником знаний для британских детей, содержится следующее определение: «информация – знания, новости; <...> информер – некто кто дает информацию (полиции, властям)» [Chambers Children`s Colour Dictionary 1989: 191]. Сочетание «информации для полиции» и информации в качестве «знаний, новостей» в одном источнике, в детском словаре, позволяет зафиксировать точку редукции общей информации (*general information*) до просто информации (*information*).

В целом словари общей лексики определяют значение слова «информация» как сведения, сообщения, знания. Вероятно, этим и объясняется проведение открытых консультаций британскими законодателями, поставившими цель принять сложившееся в обществе представление о термине и закрепить его (сформировать норму-дефиницию) в законе, либо найти иное, более точное значение термина «информация».

2. Технический словарь предлагает следующие толкования: «информация – существительное (а) знание, представленное человеку в форме, которая может быть понята, (б) данные, которые были обработаны или организованы для предоставления фактов, которые имеют значение; канал носителя информации канал связи, способный управлять данными и передавать их, обычно с более высокой скоростью, чем канал только для данных» [Collin 2002: 279]. Другой технический источник, который можно рассматривать и как двуязычный (оригинальные английские термины предлагаются с толкованием на русском языке), – Терминологический толковый словарь фирмы IBM. Он содержит значение термина «информация», весьма близкое к общим бытовым толкованиям: «информация – значение, вкладываемое человеком в данные на основании известных соглашений» [Тер-Микаэлян 1978: 97]. Технические словари содержат толкование термина «информация» через синонимический ряд «данные, сигналы, сообщения, значения».

3. Вопрос об использовании специализированных юридических словарей нуждается в отдельном комментарии. Первый момент, который необходимо учитывать, это то, что юридические словари английского языка существуют даже дольше, чем общие английские словари. Первый словарь английского права *Expositiones Terminorum Legum Anglorum* Джона Растелла был опубликован в 1527 году [Yates 2011: 176]. Другой момент связан с особенностями написания и шрифтами (лексикография). Современная, более привычная графическая структура английского текста закрепилась во второй половине XIX века. Соответственно, более ранние издания возможно использовать весьма ограниченно. Это относится к двухтомному словарю Джилла Якоба 1809 года, в котором старый английский (готический) шрифт еще не полностью заменен на современный. По той же причине в качестве основного словарного источника американской юридической терминологии выбран не «Юридический словарь» Джона Бувье (*John Bouvier, Law Dictionary (Philadelphia, T. & J.W. Johnson 1839)*), а словарь Генри Кэмпбелла Блэка «Юридический словарь Блэка» (1891), который «к середине 1990-х годов был главным словарем среди американских юристов» [Yates 2011: 175].

Специализированный американский юридический словарь (*Black`s Law Dictionary*) фактически заменил юридический словарь Джона Бувье. Он является весьма популярным у американских юристов, выпускается с 1891 года в виде многотомного (в 10-ти томах) или однотомного издания. Собранные в нем сведения датируются начиная с XIV столетия. «Информация» в нем определяется двояко: как результат деятельности информера (*informer*, XIV век – частный гражданин, сообщивший о преступлении [Black`s Law Dictionary 2009: 850]); как судебная процедура (*information*, XV век – уголовная процедура без участия большого жюри (присяжных заседателей) [Black`s Law Dictionary 2009: 877]).

Другой американский юридический словарь (*Rutgers University*) содержит следующее толкование информации: «письменный обвинительный акт, подписанный прокурором, обвиняющий лицо в совершении преступления; альтернатива обвинительному акту как способу возбуждения уголовного дела». Цель передачи информации состоит в том, чтобы сообщить подсудимому о предъявленных ему обвинениях и суду о фактической основе обвинений [Gifis 1998: 236].

Аналогичное толкование содержится в американском современном юридическом словаре (*Oxford University*). [Garner 1996: 439]. Современная энциклопедия американского права толкует информацию как: формальное обвинение в совершении уголовного преступления государственным должностным лицом; письменное или под присягой, обвинение в совершении преступления; обвинительный акт, письменное заявление под присягой, в котором обвиняется конкретное лицо в совершении какого-либо преступного деяния [West`s encyclopedia of American law 2005: 396]. Австралийский юридический словарь содержит следующую статью: «информация в английском уголовном процессе, заявление, информирующее магистрата о правонарушении, в отношении которого

испрашивается ордер или повестка» [Stewart 2002: 206]. Старейшим из исследованных является словарь, составителем которого был Джил Якоб (Giles Jacob). Словарь содержит определение информации для Короля: «это обвинение или жалоба, выдвинутая против лица за какое-либо уголовное преступление, либо непосредственно против короля, либо против частного лица, которое из-за его масштабности или опасной склонности заслуживает наказания. Информация отличается от обвинительного акта главным образом тем, что обвинительный акт выдается под присягой двенадцати человек, тогда как информация – это только утверждение офицера, который предьявляет его» [Giles Jacob 1809: 49-53].

Юридических словарей и энциклопедий на английском языке значительно больше двух десятков. В задачу исследования входило показать разнообразие толкований. Вероятно, на определенном этапе будут исследованы и иные источники, что обогатит научное знание. На текущем этапе можно констатировать, что практически все изученные юридические словари и энциклопедии дают толкование термину «информация» как судебному процессу либо иску (обвинению). Их анализ дает понимание причин проведения открытых консультаций британскими парламентскими экспертами. Обозначилась дилемма: принять и закрепить в законе традиционное юридическое понятие термина информация (information) как элемента судебного процесса или общее сложившееся позднее понятие и толкование информации как сведений. Вероятно, бесспорным является только графическое обозначение современного термина. Различные его начертания в более ранние периоды могут быть предметом дальнейшего исследования специалистов по лексикографии. В данной статье не рассматривается чисто правовая проблематика, обусловленная дальнейшими правовыми действиями с использованием термина, например: соотношение информации и электронной информации в базе данных [Digital assets: Consultation paper No 256: 166]. Дело в том, что закрепление одного толкования в определенной сфере (правовой или бытовой) порождает необходимость выработки собственного толкования (или отдельного термина) для другой сферы. Несмотря на то, что в российском праве исследуемый термин конкретно определен, результаты решения британских законодателей будут иметь значение, как минимум, для переводчиков, а в более широком контексте – для международной юридической практики.

Выводы. Наличие лексикографического и семантического блока, а также высокая хронологическая плотность использования термина позволяют утверждать, что этимология термина «информация» в большей степени связана с процедурой формализации, уточнения и формирования иска или обвинения, которое предьявляется информером. Позднее значение дополнено семантическим компонентом «иск, донос». Множество вариантов написания термина в средние века позволяет предположить широту его применения. Традиция, зародившаяся в английском судебном процессе в XIII веке, сохраняется, как следует из словарных статей, в американской судебной системе. Общепринятое значение термина «информация» (сведения, сообщения о чем-либо) появилось в результате упрощения (редукции, замены) термина «общая информация». Представленные выводы отражают первый (английский) этап исследований значения термина «информация» в различных словарях и могут быть предметом дискуссии.

Литература

- Англо-русский словарь 20 000 слов. Под ред. О. С. Ахмановой, Е. А. М. Уилсон. Изд. перераб. и дополн. – М., 1974.
- Вычислительная техника и обработка данных: терминологический толковый словарь фирмы IBM (Data processing glossary C20-1699 August, 1971) / Перевод с англ. Т.Тер-Микаэлян. – М., 1978.
- Греймас А. Ж. Структурная семантика: поиск метода. – М., 2004.
- Чельцов М. А. Уголовный процесс. – М., 1948с.
- A dictionary of modern legal usage / Second edition Bryan A. Garner. – New York, 1996.
- Black's Law Dictionary (1891) / Editor Bryan A. Garner. 9-th ed. – New York, 2009.
- Chambers Children`s Colour Dictionary. – London, 1989.
- Dictionary of Information Technology, Third Edition / S.M.H Collin. – London, 2002.
- Dictionary of Law: Second Edition / W. J. Stewart. – Harper Collins Publishers (Australia) Pty. Ltd.
- Dictionary of Legal Terms. A Simplified Guide to the Language of Law / Third Edition by Steven H. Gifis Former Associate Professor of Law Rutgers University School of Law. – Newark, 1998. [XII].
- Digital assets: Consultation paper No 256. 28 July 2022 / Commercial and Common Law Team, Law Commission. – London, 2022. – [XVII].
- Encyclopedia Britannica a dictionary of arts, sciences, literature and general information. 11 ed., Vol. XIV: – New York, 1910. [V].
- Longman Dictionary of American English. – Essex (England), 2009.
- Oxford English Dictionary. <https://www.oed.com/viewdictionaryentry/Entry/95568>
- The law dictionary: explaining the rise, progress, and present state, of the english law; defining and interpreting the terms or words of art; and comprising copious information on the subjects of law, trade, and government originally compiled by Giles Jacob: corrected and greatly enlarged, by T. E. Tomlins, of the inner temple, barrister at law. The second edition. In two volumes. Vol. II. London, 1809.
- West's encyclopedia of American law / Jeffrey Lehman, editor, Shirelle Phelps, editor. – 2nd ed. Volume 5 Fri to Jam. – Detroit-Munich, 2005.
- Xue-Shan, Y. Information Science: Its Past, Present and Future / Information 2011, 2, 510-527.
- Yates S. Black's Law Dictionary: The Making of an American Standard / Law Library Journal – 2011. – Т. 103. – Pp. 175-198.

References

- English-Russian dictionary 20,000 words. Ed. O. S. Ahmanovoj, E. A. M. Uilson. Ed. reworked and supplemented. – Moscow, 1974 (in Russian).
- Computer technology and data processing: IBM terminological explanatory dictionary (Data processing glossary C20-1699 August, 1971) / Translation from English T. Ter-Mikaelyan. – Moscow, 1978. (in Russian).
- Grejmas A. Zh. Structural semantics: searching for a method. – Moscow, 2004. (in Russian).
- Cheľ'cov M. A. Criminal process. – Moscow, 1948. (in Russian).
- A dictionary of modern legal usage / Second edition Bryan A. Garner. – New York, 1996.
- Black's Law Dictionary (1891) / Editor Bryan A. Garner. 9-th ed. – New York, 2009.
- Chambers Children`s Colour Dictionary. – London, – 1989.
- Dictionary of Information Technology, Third Edition / S.M.H Collin. – London, 2002.
- Dictionary of Law: Second Edition / W. J. Stewart. – Harper Collins Publishers (Australia) Pty. Ltd.
- Dictionary of Legal Terms. A Simplified Guide to the Language of Law / Third Edition by Steven H. Gifis Former Associate Professor of Law Rutgers University School of Law. – Newark, 1998. – [XII].
- Digital assets: Consultation paper No 256. 28 July 2022 / Commercial and Common Law Team, Law Commission. – London, 2022. – [XVII].
- Encyclopedia Britannica a dictionary of arts, sciences, literature and general information. 11 ed., Vol. XIV: – New York, 1910. – [V].
- Longman Dictionary of American English. – Essex (England), 2009.
- Oxford English Dictionary. <https://www.oed.com/viewdictionaryentry/Entry/95568>
- West's encyclopedia of American law / Jeffrey Lehman, editor, Shirelle Phelps, editor.— 2nd ed. Volume 5 Fri to Jam.- Detroit – Munich, 2005.
- The law dictionary: explaining the rise, progress, and present state, of the english law; defining and interpreting the terms or words of art; and comprising copious information on the subjects of law, trade, and government originally compiled by Giles Jacob: corrected and greatly enlarged, by T. E. Tomlins, of the inner temple, barrister at law. The second edition. In two volumes. Vol. II. London, 1809.
- Xue-Shan Yan, Information Science: Its Past, Present and Future. Information 2011, 2, 510-527.
- Yates S. Black's Law Dictionary: The Making of an American Standard. Law Library Journal – 2011. – T. 103. – C. 175-198.
-

Citation:

Волков Ю. В. Термин «информация» в англоязычных словарях // Юрислингвистика. – 2023. – 29. – С. 37-41.

Volkov Y. V. (2023) The Term "Information" in English-Language Dictionaries. Legal Linguistics, 29, 37-41.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

К вопросу о понятии искусственного интеллекта и основах его регулирования в международном и российском праве

И. В. Кирюшина¹, Е. Ю. Коваленко²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹kirushina_ira@mail.ru, ²ekov_@mail.ru

Статья посвящена исследованию вопросов понятия искусственного интеллекта и отдельных проблемных аспектов правового регулирования его использования. Авторами анализируется понятие искусственного интеллекта в отечественном и зарубежном законодательстве, зарубежной и национальной доктрине. Отсутствие на современном этапе единого понятия искусственного интеллекта обусловлено как начальным этапом развития правового регулирования исследуемого феномена, так и отсутствием его единого понимания в научной среде. Выработка единой дефиниции исследуемого понятия возможна по мере накопления опыта и нормативной базы в данной сфере. Учитывая наличие и перспективы создания различных видов интеллектуальных систем, авторы предлагают дифференцированно подходить к их правовой регламентации, устанавливая соответствующие правовые режимы. Анализируется отечественное и зарубежное законодательство, регулирующее вопросы правовой регламентации искусственного интеллекта и принципов его использования. К числу проблемных аспектов отнесены вопросы определения правосубъектности искусственного интеллекта, особенностей ответственности при нарушении прав участников гражданского оборота деятельностью, связанной с использованием технологий искусственного интеллекта. Вопрос о наличии правосубъектности у искусственного интеллекта представляется дискуссионным. В настоящее время в большинстве правовых систем искусственного интеллекта не признаются обладающими сознанием (способными на создание и воспроизведение субъективных решений). Однако практика применения норм интеллектуального права привела к признанию в отдельных юрисдикциях авторства за системой искусственного интеллекта. Авторами делается вывод о необходимости использования при определении пределов ответственности в отношениях, связанных с использованием систем искусственного интеллекта, как уже существующих юридических конструкций, таких как смешанная ответственность при совместном причинении вреда; ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих; ответственность производителя за качество товара (услуги) перед потребителем, так и прямого закрепления в действующем гражданском законодательстве специальных норм, определяющих особенности ответственности при использовании искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологии искусственного интеллекта, интеллектуальная собственность, правосубъектность искусственного интеллекта.

On the Concept of Artificial Intelligence and the Basics of its Regulation in International and Russian Law

I. V. Kiryushina¹, E. Y. Kovalenko²

Altai State University

61 Lenin Str., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹kirushina_ira@mail.ru, ²ekov_@mail.ru

The article covers the study of the issues of the concept of artificial intelligence and certain problematic aspects of the legal regulation of its use. The authors analyze the concept of artificial intelligence in domestic and foreign legislation, foreign and national doctrine. Currently the absence of a single concept of artificial intelligence is caused by both the initial stage of development of the legal regulation of the phenomenon under study, and the lack of its uniform understanding in academic community. The development of a single definition of the concept under study is possible with gaining experience and the regulatory framework in this area. Taking into account the availability and prospects for the creation of various types of intelligent systems, it is proposed to take a differentiated approach to their legal regulation, establishing the appropriate legal

regimes. The authors analyze domestic and foreign legislation governing the legal regulation of artificial intelligence and the principles of its use. Among the problematic aspects are the issues of determining artificial intelligence as a legal subject, the peculiarities of liability in case of violation of the rights of parties to civil transactions by activities related to the use of artificial intelligence technologies. The question of whether artificial intelligence is a legal subject is debatable. Currently, in most legal orders, artificial intelligence systems are not recognized as having consciousness (capable of creating and reproducing subjective decisions). However, the practice of applying the norms of intellectual law has led to the recognition in certain jurisdictions of authorship of the artificial intelligence system. The authors conclude that, when determining the limitations of liability in relations linked to the use of artificial intelligence systems, it is necessary to use both existing legal structures, such as mixed liability in case of joint infliction of harm; liability for harm caused by activities that create an increased danger to others; the responsibility of the manufacturer for the quality of goods (services) to the consumer, and the direct fixing in the current civil legislation of special rules that determine the specifics of liability when using artificial intelligence.

Key words: artificial intelligence, artificial intelligence technologies, intellectual property, artificial intelligence as a legal subject.

При всей распространенности и привычности употребления терминов «искусственный интеллект», «искусственная нейронная сеть» сегодня в российском и международном праве не имеется общепринятого понятия искусственного интеллекта, в том числе и потому, что правовое регулирование данного феномена находится в начальной стадии.

Вместе с тем неизбежные процессы развития цифровой экономики настоятельно требуют формирования понятийного аппарата в данной сфере, без определения которого невозможно решение таких проблемных аспектов, как определение правосубъектности искусственного интеллекта, закрепление правовых режимов для различных видов искусственного интеллекта, определение особенностей ответственности при нарушении прав участников гражданского оборота деятельностью, связанной с использованием технологий искусственного интеллекта, и ряда других. «Качественное» правовое регулирование невозможно без точных дефиниций.

Принято считать, что термин «искусственный интеллект» впервые сформулировал американский ученый в области информатики Джон Маккарти в 50-х годах прошлого века. Маккарти определял искусственный интеллект как свойство роботов, компьютерных программ и систем решать задачи, формулировать выводы, принимать решения, выполняя творческие и интеллектуальные функции человека [Нагородская 2019: 99].

В отечественной и зарубежной доктрине предприняты попытки выработки понятия искусственного интеллекта применительно к сфере правоведения. Так, под искусственным интеллектом предложено понимать имитацию естественного интеллекта, выполняемую с помощью алгоритмов, машин и компьютерных систем, которая, в конечном счете, стремится к оптимальному выполнению определенных действий [Чеховская 2021: 24-35], или определять искусственный интеллект как способность интеллектуальных систем выполнять творческие функции, обычно присущие человеку [Филипова 2020: 5].

Более развернутое определение предложено П. М. Морхатом. Искусственный интеллект раскрывается как полностью или частично автономная самоорганизующая (самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе биокибернетическая, система, наделенная/обладающая способностями и возможностями мыслить, самоорганизовываться, обучаться, самостоятельно принимать решения и т. д. [Морхат 2017: 69].

Как видим, искусственный интеллект, очевидно, противопоставляется естественному интеллекту, прежде всего интеллекту человека. Но не у каждого робота есть искусственный интеллект, позволяющий ему рассуждать, обучаться и принимать самостоятельные решения.

Проблему выработки универсальной дефиниции понятия «искусственный интеллект» связывают с различными причинами, в том числе с отсутствием единого подхода к установлению его сущностных характеристик, и, как следствие, единства в его понимании. Одни авторы определяют понятие искусственного интеллекта через понятие вычислительных машин, выполняющих функции, требующие интеллектуальных способностей при их реализации человеком [Эндрю 1985: 17], другие – через понятие интеллектуальных компьютерных программ [Болотова 2012: 31], третьи – через понятия полностью или частично автономной самоорганизующейся кибернетической компьютерно-программно-аппаратной системы или киберфизической системы [Понкин, Редькина 2018: 94; Кутейников, Ижаев, Зенин, Лебедев 2019: 75].

Исследователи сходятся во мнении, что отсутствие четкой юридической дефиниции данного понятия признается сдерживающим фактором решения иных юридических вопросов.

Вместе с тем высказано мнение, что на современном этапе развития технологий нельзя дать точную дефиницию искусственного интеллекта, что связано с наличием различных видов роботов. В этой связи, по мнению исследователей, к изучению последних нужно подходить казуистично, рассматривая каждую роботизированную систему в отдельности [Шестак, Волеводз 2019: 199]. Попытки же сформировать некий общий шаблон – «это путь в никуда», который может привести к уничтожению индустрии вместо того, чтобы сформировать некие правила игры».

Следует выделять различные виды искусственного интеллекта. С точки зрения стадий развития выделяют узкий (слабый) искусственный интеллект, общий (сильный) искусственный интеллект и искусственный суперинтеллект [Залоило 2021: 9]. Предполагается, что сильный искусственный интеллект способен мыслить и осознавать себя, а слабый искусственный интеллект к такому не способен – он действует по заданным алгоритмам (пусть и очень сложным и вариативным). Современный уровень научно-технического прогресса ставит задачу регулирования

разработки и использования юнитов слабого искусственного интеллекта, причем с учетом ранжирования их функциональности и интеллектуальных возможностей.

В законодательстве также предпринимаются попытки дать определение понятию «искусственный интеллект». В статье 1.1 проекта Регламента Европейского Парламента и Совета «Принятие согласованных Правил об искусственном интеллекте и внесение поправок в некоторые законодательные акты союза» дается следующее определение: «искусственный интеллект — это быстро развивающееся семейство технологий, которые могут принести широкий спектр экономических и социальных преимуществ во всем спектре отраслей и социальной деятельности» [Регламент Европейского Парламента и Совета 2021].

В отечественном законодательстве определение искусственного интеллекта дано в Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [Указ Президента РФ 2019].

Позднее оно воспроизведено в Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"». Там же указано, что комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [Федеральный закон 2020].

Указанное выше определение искусственного интеллекта вызвало неоднозначную реакцию российских юристов-практиков. По мнению некоторых, оно слишком широкое. Оно «смоделировано так, чтобы охватить максимально большой круг деятельности для будущего развития искусственного интеллекта, а не дать четкое и лаконичное объяснение основным понятиям с технической точки зрения» [Незнамов 2019: 82-88].

В целом регламентация искусственного интеллекта в Российской Федерации в настоящее время осуществляется главным образом документами рекомендательного характера (декларациями, хартиями и т. п.), например, как в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Указ Президента РФ 2018]. В такой ситуации отсутствие норм непосредственного действия порождает регулятивный вакуум и стимулирует использование иных регуляторов. Особое значение в этих условиях приобретает саморегулирование, осуществляемое участниками отношений по разработке, внедрению и использованию робототехники и искусственного интеллекта. Широко используемой формой саморегулирования стали деонтологические кодексы, которые содержат не только этические стандарты использования технологий искусственного интеллекта или нормы профессиональной этики разработчиков искусственного интеллекта, но и иные нормы (например, корпоративные нормы, технические нормы, обычаи делового оборота, а также принципы и правила, которые в строгом смысле должны устанавливаться посредством издания правовых норм) [Гайворонская 2021: 26-30].

Лишь с утверждением Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года правовое регулирование данной сферы было сдвинуто с мертвой точки [Распоряжение Правительства РФ 2020]. В документе указывается на необходимость поэтапного законодательного вмешательства в сферу технологии искусственного интеллекта, с опорой на научные работы, технические регламенты и мировые стандарты.

В настоящее время среди актов, посвященных регулированию отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта, в Российской Федерации можно выделить:

- указ Президента РФ от 01.12.2016 N 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»;
- указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»;
- распоряжение Правительства РФ от 23.03.2018 N 482-р «Об утверждении плана мероприятий ("дорожной карты") по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению "Технет" (передовые производственные технологии)»;
- федеральный закон от 24.04.2020 N 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"»;
- распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 N 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года».

В Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года были сформулированы основные принципы регулирования отношений с использованием искусственного интеллекта. Они звучат следующим образом: стимулирование развития технологий искусственного интеллекта и робототехники регуляторными средствами как основной вектор развития регулирования в

обозначенный временной период; регуляторное воздействие, основанное на риск-ориентированном, междисциплинарном подходе и предусматривающее принятие ограничительных норм в случае, если применение технологий искусственного интеллекта и робототехники несет объективно высокий риск причинения вреда участникам общественных отношений, правам человека и интересам общества и государства; человеко-ориентированный подход, запрет на причинение вреда человеку. [Распоряжение Правительства РФ 2020].

Регулирование искусственного интеллекта должно происходить не только на национальном, но и на наднациональном уровне (в нормах международного права, международных договорах, актах международных организаций).

На уровне ООН предпринимаются попытки обсуждения вопросов влияния искусственного интеллекта на общественные отношения. В частности, специальный докладчик ООН Кей Д. изложил позицию относительно воздействия искусственного интеллекта на права человека в докладе «Об искусственном интеллекте и его влиянии на свободу мнений и их свободное выражение». По мнению докладчика, национальное регулирование должно быть гибким, чтобы соответствовать развитию технологии искусственного интеллекта. Отмечается, что: «Оно может оказаться малопригодным для этой инновационной области и привести к тому, что ввиду отсутствия детальной информации будут приняты чрезмерно ограничительные или слишком либеральные положения. Возможно, целесообразнее использовать секторальное регулирование, хотя можно утверждать, что существующие законы и нормативные акты, например в области защиты данных, обладают достаточной гибкостью и не требуют принятия дополнительных законодательных актов» [Кей 2018].

При этом ООН предостерегает государства от перекалывания столь чувствительных вопросов на плечи частных корпораций и ссылается на рекомендацию Совета Европы о том, что «решение вопросов, касающихся управления с помощью алгоритмов, и/или разработка нормативных положений являются прерогативой государственной политики и не должны отдаваться в распоряжение только частных субъектов» [Council of Europe study 2017].

Какие-либо многосторонние конвенции, принятые на уровне ООН, которые закрепляли бы общие положения для данной сферы, сегодня отсутствуют. Вместе с тем на уровне отдельных международных организаций ведется активная работа по разработке и принятию актов в сфере развития искусственного интеллекта, хотя и рекомендательного характера. Такие акты приняты Советом Европы, ЮНЕСКО, Организацией экономического сотрудничества и развития.

На заседании Комитета министров Совета Европы в 2019 г. было принято решение поручить Совету изучить целесообразность разработки одного или нескольких правовых документов по регулированию искусственного интеллекта. Для этого был создан специальный комитет по искусственному интеллекту – CAHAI – Ad Hoc Committee on Artificial Intelligence, целью которого является разработка единых подходов к регулированию вопросов искусственного интеллекта в странах ЕС, проведение консультаций по этим подходам со странами, входящими в ЕС. В апреле 2021 г. комитетом был разработан проект Регламента в сфере искусственного интеллекта [Регламент Европейского Парламента и Совета 2021].

Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2019 году приняты Рекомендации ОЭСР, в которых указана основа и принципы использования искусственного интеллекта: деятельность искусственного интеллекта должна приносить пользу, его использование должно быть безопасным и устойчивым, при своевременном выявлении и устранении рисков, связанных с его использованием [OECD Council Recommendation on Artificial Intelligence 2019]. ОЭСР активно занимается разработкой практического руководства по внедрению вышеуказанных рекомендаций. Принципы ОЭСР легли в основу принципов в рамках G 20 и были закреплены в Осакской декларации лидеров стран [Осакская декларация лидеров стран G20 2019].

Одновременно с вопросами определения понятия искусственного интеллекта в научной литературе анализируются различные аспекты использования технологий искусственного интеллекта.

Одним из проблемных является вопрос признания прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с участием искусственного интеллекта, в том числе признания прав за самим искусственным интеллектом. Объекты интеллектуальной собственности могут быть созданы как при автономной работе искусственного интеллекта без участия человека, так и при использовании системы искусственного интеллекта в качестве инструмента человеком.

Вопрос о наличии правосубъектности у искусственного интеллекта представляется дискуссионным. В настоящее время в большинстве правовых систем искусственного интеллекта не признаются обладающими сознанием (способными на создание и воспроизведение субъективных решений).

Однако практика применения норм интеллектуального права подвержена изменениям. Так, в 2019 г. создатели проекта «Искусственный изобретатель» подали несколько заявок в патентные ведомства ЕС, Великобритании и США на патенты в отношении изобретений (пластмассовый контейнер для хранения пищи, изготовленный на основе рекурсивной геометрии, а также светосигнальная лампа (работающая на принципе «нейронного света»), предназначенная для оповещения об экстренных ситуациях). В качестве автора изобретений была указана программа DABUS, создавшая изобретения. Заявители получили отказы в регистрации соответствующих изобретений в обозначенных государствах.

При этом разработчикам программы все же удалось в некоторых юрисдикциях добиться признания авторства за системой искусственного интеллекта. Так, 13 мая 2021 г. Комиссия по делам компаний и интеллектуальной собственности ЮАП (Companies and Intellectual Property Commission, CIPC) выдала патент на изобретение «пищевой контейнер, основанный на фрактальной геометрии», – устройство, использующее в своей работе искусственный интеллект. В патентной документации указано, что изобретение было сгенерировано искусственным интеллектом в

автономном режиме. В Австралии Федеральный суд Австралии подтвердил право искусственного интеллекта считаться изобретателем согласно национальному патентному праву. Данное решение было вынесено по делу Стивена Талера 30 июля 2021 г. Решение Комитета по патентам Австралии об отказе в признании искусственного интеллекта в качестве изобретателя было признано ошибочным на том основании, что в патентном законодательстве страны не закреплено, что заявитель, истребующий охрану изобретения, обязательно должен быть человеком. При этом термин «агент» был истолкован судом как одушевленный или неодушевленный предмет, изобретающий что-либо [Шахназаров 2022: 67].

Применительно к таким объектам интеллектуальной собственности, созданным с использованием искусственного интеллекта, равно как и в классическом варианте создания интеллектуальной собственности человеком, должно быть обеспечено соблюдение баланса между интересами правообладателей и общественными интересами. При этом установленные на международном уровне в п. 31 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 г. возможные ограничения прав правообладателей должны быть приняты за гармонизирующую основу и должны восприниматься национальными правовыми системами при обязательном установлении соответствующих гарантий прав правообладателей. В России это было сделано в 2021 г. посредством внесения изменений в ст. 1360 ГК РФ и введения ст. 1360.1 ГК РФ, действующей применительно к использованию изобретения для производства лекарственного средства в целях его экспорта [Шахназаров 2022: 66].

Непосредственно с проблемой правосубъектности искусственного интеллекта связана проблема ответственности за вред, причиненный с использованием технологий искусственного интеллекта. Отмечается концептуальное различие между двумя типами неблагоприятных последствий, которые могут возникнуть в результате функционирования систем искусственного интеллекта:

1) нарушения прав человека, включая – но не ограничиваясь ими – права, защищаемые в соответствии с Конвенцией о защите прав человека;

2) материальный ущерб здоровью человека, имуществу или окружающей среде [Бегишев 2021: 37-40].

Определение пределов ответственности в рассматриваемых отношениях предопределяется функционалом робота. Действующее законодательное регулирование предусматривает различные виды и формы ответственности, такие как смешанная ответственность при совместном причинении вреда; ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих; ответственность производителя за качество товара (услуги) – ответственность перед потребителем. Указанные юридические конструкции могут быть использованы при установлении правового регулирования отношений с использованием роботов.

В рассматриваемой сфере может быть применена также совмещенная ответственность, поскольку программные действия или бездействие роботов находятся в причинно-следственной связи с действиями или бездействием производителей, операторов, владельцев или пользователей. Данные субъекты должны нести ответственность за действия робота в пределах находящегося в их собственности имущества, переданного во владение и (или) пользование робота [Дьяконова, Ефремов, Зайцев 2022: 160-171].

Представляется необходимым внесение изменений в Гражданский кодекс РФ, предусматривающих установление ответственности за вред, причиненный в результате деятельности автоматизированных систем и робототехники как источников и результатов деятельности, связанной с повышенной опасностью. Уже существующие, а еще более возможные в перспективе особенности использования искусственного интеллекта указывают на необходимость прямого закрепления в действующем гражданском законодательстве специальных норм, определяющих специфику ответственности при использовании искусственного интеллекта.

Представляется, что с развитием технологии искусственного интеллекта появится понимание спектра его возможностей, вариантов наделяния его правами и обязанностями при учете обязательных ограничений, за которыми последует и правовое регулирование данной сферы. Наиболее краткими и лаконичными правилами поведения для роботов, а тем самым и для искусственного интеллекта, являются сформулированные Айзеком Азимовым в рассказе «Хоровод» законы:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму Законам.

Таким образом, отсутствие в настоящее время единого понятия искусственного интеллекта обусловлено как начальным этапом развития правового регулирования исследуемого феномена, так и отсутствием его единого понимания в научной среде. По мере накопления опыта и соответствующего ему правового массива возможна выработка единой дефиниции исследуемого правового явления. Учитывая наличие и перспективы создания различных видов интеллектуальных систем, следует дифференцировано подходить к их правовой регламентации, устанавливая соответствующие правовые режимы, в том числе определяя особенности и пределы ответственности за вред, причиненный с использованием технологий искусственного интеллекта.

Литература

- Бегишев И. Р. Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники / Международное публичное и частное право. - 2021. - № 1. - С. 37-40.
- Болотова Л. С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях: учебник. М., 2012.
- Гайворонская Я. В. Люди, роботы, искусственный интеллект: проблемы регулирования / Advances in law studies. - Том 9. - № 2. - 2021. - С. 26-30.
- Дьяконова М. О., Ефремов А. А., Зайцев О. А. и др. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицына. Москва, 2022.
- Залоило М. В. Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М., 2021.
- Кей Д. Доклад ООН «Поощрение и защита прав человека: вопросы прав человека, включая альтернативные подходы в деле содействия эффективному осуществлению прав человека и основных свобод». A/73/348. 2018. URL: <https://undocs.org/ru/A/73/348>.
- Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Зенин С. С., Лебедев В. А. Киберфизические, кибербиологические и искусственные когнитивные системы: сущность и юридические свойства / Российское право: образование, практика, наука. - 2019. - № 3. - С. 75-80.
- Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М., 2017.
- Нагородская В. Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: научно-методическое пособие / под ред. Л. А. Новоселовой. М., 2019.
- Незнамов А. В. Правовые аспекты реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года / Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2019. - № 12. - С. 82-88.
- Осакская декларация лидеров стран G20. 29 июня 2019. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5425>.
- Понкин А. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права / Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. - 2018. - Т. 22. - № 1. - С. 91-109.
- Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года». URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-19082020-n-2129-r/rasporiazhenie/>.
- Регламент Европейского Парламента и Совета «Принятие согласованных Правил об искусственном интеллекте и внесение поправок в некоторые законодательные акты союза». Брюссель, 21.04.2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206>.
- Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-10102019-n-490/ukaz/>.
- Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://base.garant.ru/71937200/>
- Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» / Собрание законодательства Российской Федерации. 27 апреля 2020 г. N 17. Ст. 2701.
- Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Нижний Новгород, 2020.
- Чеховская С. А. Использование систем искусственного интеллекта для принятия решений: построение системы принципов регулирования / Предпринимательское право. - 2021. - № 1. - С. 24-35.
- Шахназаров Б. А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта / Актуальные проблемы российского права. - 2022. - № 9. - С. 63-72.
- Шестак В. А., Волеводз А. Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России / Всероссийский криминологический журнал. - 2019. - Т. 13, - № 2. - С. 197-206.
- Эндрю А. Искусственный интеллект / под ред. и с предисл. Д. А. Поспелова. М., 1985.
- Council of Europe study «Algorithms and Human Rights. Study on the human rights dimensions of automated data processing techniques and possible regulatory implications». 2017. URL: <https://rm.coe.int/algorithms-and-human-rights-en-rev/16807956b5>.
- OECD Council Recommendation on Artificial Intelligence. 2019. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>.

References

- Andrew, A. (1985). Artificial intelligence. Moscow (in Russian).
- Begishev, I. R. (2021). International legal framework for the regulation of artificial intelligence and robotics. International public and private law, 1, 37-40 (in Russian).
- Bolotova, L. S. (2012). Artificial intelligence systems: knowledge-based models and technologies. Moscow (in Russian).
- Chekhov, S. A. (2021). Using artificial intelligence systems for decision-making: building a system of regulatory principles. Business law, 1, 24-35 (in Russian).

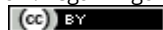
- Council of Europe study. (2017). Algorithms and Human Rights. Study on the human rights dimensions of automated data processing techniques and possible regulatory implications. Available from: <https://rm.coe.int/algorithms-and-human-rights-en-rev/16807956b5>.
- Decree of the Government of the Russian Federation. (2020). On the approval of the Concept for the Development of Regulation of Relations in the Field of Artificial Intelligence and Robotics Technologies until 2024. Available from: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-19082020-n-2129-r/rasporiazhenie/> (in Russian).
- Decree of the President of the Russian Federation. (2019). On the development of artificial intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030"). Available from: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-10102019-n-490/ukaz/> (in Russian).
- Decree of the President of the Russian Federation. (2018). On the national goals and strategic objectives of the Development of the Russian Federation for the period up to 2024. Available from: <https://base.garant.ru/71937200/> (in Russian).
- Diakonova, M. O., Efremov, A. A., Zaitsev, O. A. (2022). Digital economy: current directions of legal regulation. Moscow (in Russian).
- Federal Law. (2020). On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the subject of the Russian Federation — the federal city of Moscow and amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data". Collection of Legislation of the Russian Federation, 17, 2701 (in Russian).
- Filipova, I. A. (2020). Legal regulation of artificial intelligence. Nizhniy Novgorod (in Russian).
- Gaivoronskaya, Ya. V. (2021). Humans, robots, artificial intelligence: regulatory issues. *Advances in law studies*, 2, 26-30 (in Russian).
- Kay, D. (2018). UN Report "Promotion and Protection of Human rights: human rights issues, including alternative approaches to promote the effective enjoyment of human rights and fundamental freedoms". Available from: <https://undocs.org/ru/A/73/348>.
- Kuteynikov, D. L., Izhaev, O. A., Zenin, S. S., Lebedev, V. A. (2019). Cyberphysical, cyberbiological and artificial cognitive systems: the essence and legal properties / *Russian Law: education, practice, Science*, 3, 75-80 (in Russian).
- Morkhat, P. M. (2017). Artificial intelligence: a legal view. Moscow (in Russian).
- Nagrodskaya, V. B. (2019). New technologies (blockchain / artificial intelligence) in the service of law. Moscow (in Russian).
- Neznamov, A. V. (2019). Legal aspects of the implementation of the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence until 2030. *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA)*, 12, 82-88 (in Russian).
- OECD (2019). Council Recommendation on Artificial Intelligence. Available from: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>.
- Osaka Declaration of the Leaders of the Countries G20. (2019). Available from: <http://kremlin.ru/supplement/5425>.
- Ponkin, A. V., Redkina, A. I. (2018). Artificial intelligence from the point of view of law. *Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences*, 1, 91-109 (in Russian).
- Regulation of the European Parliament and of the Council (2021). Laying down harmonised rules on artificial intelligence (artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts. Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206>.
- Shakhnazarov, B. A. (2022). Legal regulation of relations using artificial intelligence. *Actual problems of Russian law*, 9, 63-72 (in Russian).
- Shestak, V. A., Volevodz, A. G. (2019). Modern needs of legal support of artificial intelligence: a view from Russia. *All - Russian Journal of Criminology*, 2, 197-206 (in Russian).
- Zaloilo, M. V. (2021). Artificial intelligence is right. Moscow (in Russian).

Citation:

Кирюшина И. В., Коваленко Е. Ю. К вопросу о понятии искусственного интеллекта и основах его регулирования в международном и российском праве // *Юрислингвистика*. – 2023. – 29. – С. 42-48.

Kiryushina I. V., Kovalenko E. Y. (2023) On the Concept of Artificial Intelligence and the Basics of its Regulation in International and Russian Law. *Legal Linguistics*, 29, 42-48.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О терминах, используемых при конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ

Н. В. Тыдыкова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: academnauka@rambler.ru

В статье анализируются термины, используемые законодателем при конструировании диспозиции состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ. Представлен анализ термина «шантаж», не имеющий легального определения и требующий уточнения содержания. Так как он используется в конструкции не только статьи ст. 133 УК РФ, но и ряда других, целесообразно закрепить содержание этого термина в примечании к статье, в которой он используется впервые, – ст. 127.2 УК РФ в следующей редакции: «В статьях настоящего Кодекса под шантажом понимается угроза распространения сведений, порочащих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких». Представлена критика конструкции «использование материальной или иной зависимости потерпевшего» в качестве признака объективной стороны рассмотренного состава преступления, и с примерами из практики рассмотрены проблемы квалификации по нему. Предложено заменить эту конструкцию на «под угрозой совершения деяния, нарушающего права и законные интересы потерпевшего или его близких, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного». Обосновывается, что за пределами состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, остается ряд действий, обладающих общественной опасностью, но также не подпадающих и под признаки других составов половых преступлений. Это позволило предложить оставить открытым перечень способов совершения рассматриваемого преступления, указав на угрозу совершения другого преступного деяния. Обоснована необходимость существования разных конструкций состава в разных частях статьи в зависимости от результативности понуждающих действий. В заключение предложена новая редакция ст. 133 УК РФ с учетом необходимости коррекции терминов, которыми описываются действия сексуального характера.

Ключевые слова: понуждение, принуждение, действия сексуального характера, шантаж, угроза.

On Terms Used in Defining the Corpus Delicti under Art. 133 of the Criminal Code of the Russian Federation

N. V. Tydykova

Altai State University

61 Lenin Str., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: academnauka@rambler.ru

The article analyzes the terms used by the legislator when defining the disposition of the corpus delicti under Art. 133 of the Criminal Code of the Russian Federation. An analysis of the term «blackmail» is presented, which does not have a legal definition and requires clarification of the content. Since it is used not only in the construction of Article Art. 133 of the Criminal Code of the Russian Federation, but also a number of others, it is advisable to formalize the content of this term in a note to the article in which it is used for the first time - Art. 127.2 of the Criminal Code of the Russian Federation as follows: «In the articles of this Code, blackmail is understood as the threat of dissemination of information defaming the victim or their relatives, or other information that can cause significant harm to the rights or legitimate interests of the victim or their relatives». The criticism of the construction «use of material or other dependence of the victim» as a sign of the objective side of the considered corpus delicti is presented, and with examples from practice, the problems of qualification for it are considered. It is proposed to replace this construction with «under the threat of committing actions that violate the rights and legitimate interests of the victim, who is financially or otherwise dependent on the perpetrator». It is substantiated that outside the corpus delicti under Art. 133 of the Criminal Code of the Russian Federation, there remains a number of actions that have public danger, but also do not fall under the signs of other elements of sexual crimes. This made it possible to propose that a list of methods for committing the crime in question be left open, pointing out the threat of committing

another criminal act. The necessity of the existence of different structures of the composition in different parts of the article, depending on the effectiveness of coercive actions, is substantiated. In conclusion, a new version of Art. 133 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed, taking into account the need to correct the terms that describe actions of a sexual nature.

Key words: coercion, compulsion, sexual acts, blackmail, threat.

Так как диспозиция ст. 133 УК РФ среди способов выполнения объективной стороны преступления не содержит указания на насилие, то традиционно это преступление относят к категории ненасильственных половых преступлений. Однако с учетом сложившейся в науке уголовного права позиции относительно понимания психического насилия, отдельными авторами обосновывается необходимость его определения именно как насильственного [Конорезов 2022: 17; Мотин 2017: 38].

В действующей редакции ст. 133 УК РФ общественная опасность деяния связывается не с фактом совершения действий сексуального характера с лицом, которое дает на это вынужденное согласие, а со способом, применяемым для достижения такого согласия, поэтому момент окончания этого преступления – это момент выражения требования совершить действия сексуального характера и соответствующей угрозы. Для формирования такой конструкции нужен специальный термин, в качестве которого выбран термин «понуждение».

Отсутствие в УК РФ легального, а в теории уголовного права устоявшегося определения понуждения создает трудности для правоприменительной практики. Не раскрывается содержательная сторона этой важной в уголовном праве категории и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Для того чтобы определиться с содержанием этого термина и его соотношением с другими понятиями, проанализируем случаи его использования в УК РФ.

Термин «понуждение» законодателем используется в ст. 206 УК РФ при определении цели преступления – понуждения совершить какие-либо действия или отказаться от их выполнения. В этом случае он использован таким образом, что способом понуждения выступает физическое насилие, так как захват или удержание лица являются способами понуждения государства совершить действие или воздержаться от его совершения.

Рассматриваемый термин ранее использовался в примечании к статье 117 УК РФ, где было сформулировано понятие пытки, однако после соответствующих изменений уже в примечании 1 к ст. 286 УК РФ законодатель отказался от его использования в этом же понятии, заменив на термин «принуждение».

Термин «принуждение» используется в УК РФ значительно чаще, хотя также законодателем никак не определяется, а анализ контекста, в котором он используется, приводит к противоречивым выводам. Так, в ст. 120, ч. 3 ст. 144, ст. 149 УК РФ способом принуждения называется применение насилия или угроза его применения. При конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ, использован аналогичный подход, так как в диспозиции нормы указано, что принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения могут совершаться под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, а также с применением насилия. Ст. 302 УК РФ способами принуждения называет применение угроз, шантажа, иных незаконных действий, а также насилие, издевательство и пытки. Аналогичный подход использован в ст. 309 УК РФ.

В ч. 1 ст. 147 УК РФ принуждение также названо одним из признаков объективной стороны нарушения изобретательских и патентных прав без конкретизации способов такого принуждения. П. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 N 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» содержит разъяснение о том, что нарушение изобретательских или патентных прав путем принуждения к соавторству может заключаться в оказании воздействия любым способом, в том числе посредством насилия, угроз наступления неблагоприятных для потерпевшего последствий.

Однако в конструкциях квалифицирующего признака, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ, а также состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 142 УК РФ, принуждение и применение насилия либо угроза его применения, а также угроза уничтожения имущества рассматриваются в качестве альтернативных способов. Диспозиция ст. 283.1 УК РФ также указывает на шантаж, принуждение, угрозу применения насилия либо иной незаконный способ как альтернативные способы получения сведений, составляющих государственную тайну. В этих случаях законодатель не указывает на возможные способы принуждения, метод толкования также не позволяет определить какие-либо в качестве таковых. Поэтому такие примеры использования понятия «принуждение» возможно расценить исключительно как дефект законодательной техники.

В ст. 40 УК РФ термин «принуждение» использован в приложении и к физическому воздействию, и к психическому, в том числе и в случаях, когда лицо сохранило возможность руководить своими действиями.

Это позволяет сделать вывод, что принуждением можно считать действия в целях оказания влияния на волю другого лица, совершаемые различными способами, в том числе применением насилия, угрозой его применения, угрозой уничтожения или повреждения чужого имущества, угрозой распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких или иные неблагоприятные для потерпевшего последствия. Вероятно, по этой причине в ст. 133 УК РФ использован термин «понуждение», так как в число способов совершения этого преступления не входит ни насилие, ни угроза его применения.

В литературе можно встретить предложения заменить термин «понуждение» термином «сексуальное домогательство» [Дядюн 2021: 57]. Сложно найти доводы к тому, чтобы согласиться с таким предложением, так как подобное решение приводит к необходимости содержательного наполнения еще одного термина – «домогательство», определения момента окончания такого деяния и разграничения со смежными категориями.

Также при конструировании ст. 133 УК РФ использован еще один термин, не имеющий легального определения и требующий уточнения содержания, – шантаж. Это понятие использовано законодателем не только в конструкции рассматриваемого состава преступления, но и в ст. 127.2, 185.5, 230.1, 302, 304, 309 УК РФ. В литературе и правоприменительной практике под шантажом принято понимать требования совершить какие-либо действия, либо воздержаться от их совершения под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких или иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких [Никитин 2016: 61-64; Остапенко 2009: 135]. Из приведенного определения следует, что способом понуждения может быть и угроза сведений, которые не являются компрометирующими или порочащими. Другое решение вопроса существенно бы ослабило степень уголовно-правовой защиты половой свободы и половой неприкосновенности личности. С учетом того, что отдельными авторами приводятся примеры того, что правоприменительная практика неоднозначно понимает рассматриваемый термин, зачастую понимая под ним и угрозу уничтожения имущества [Конорезов 2021: 72], либо только угрозу распространения порочащих сведений [Обзор судебной практики Верховного суда Чувашской Республики], что вряд ли правильно, исходя из описания признаков состава, видится необходимым закрепить толкование этого признака.

В диспозиции нормы, предусмотренной ст. 163 УК РФ, в качестве способа вымогательства закреплена угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. В ст. 179 УК РФ подобная угроза сформулирована лаконичнее: как угроза распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких. На первый взгляд, в целях экономии законодательной техники можно закрепить определение шантажа через такое описание, так как, исходя из используемой конструкции, сведения, позорящие потерпевшего, являются частным случаем сведений, распространение которых может причинить существенный вред потерпевшему. Однако термин «существенный вред» является оценочным и требует смыслового наполнения в каждом конкретном случае. При использовании конструкции из диспозиции нормы ст. 163 УК РФ существенность вреда, причиненного возможным распространением сведений, может измеряться с вредом, характерным для распространения позорящих сведений.

С учетом того, что термин «позорящие» носит эмоциональную окраску, его использование в тексте закона видится сомнительным. В п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 N 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» под сведениями, позорящими потерпевшего или его близких, предлагается понимать сведения, порочащие их честь, достоинство или подрывающие репутацию (например, данные о совершении правонарушения, аморального поступка). То есть термин «позорящие» получает разъяснение через традиционный для права, используемый в том числе и в Гражданском кодексе РФ термин «порочащий».

Таким образом, с учетом того, что термин «шантаж» используется не только в конструкции нормы ст. 133 УК РФ, но и ряда других, целесообразно закрепить содержание этого термина в примечании к статье, в которой он используется впервые – ст. 127.2 УК РФ в следующей редакции: «В статьях настоящего Кодекса под шантажом понимается угроза распространения сведений, порочащих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких». Такой подход позволит ввести в законодательный оборот термин с определенным содержанием, который может быть использован во всех случаях, обеспечивая возможность построения норм с конкретизированным содержанием.

В соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ следует оговорить, что для квалификации по ст. 133 УК РФ не имеет значения, распространением правдивых или ложных сведений угрожал виновный. Если имело место фактическое распространение сведений, образующее самостоятельный состав преступления, то требуется квалификация ст. 133 УК РФ по совокупности, например, со статьями 128.1, 137, 155 или 183 УК РФ. Аналогичные пояснения при необходимости следует включить и в другие Постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Формулировка способа «использование материальной или иной зависимости потерпевшего лица» не связывается законодателем с конструкцией угрозы. Это означает, что в описываемом контексте виновное лицо не выражает угрозу как таковую, а добивается согласия лица на совершение действий сексуального характера, используя зависимое положение потерпевшего, который вынужден принять соответствующее решение в интересах понуждающего. Однако такому подходу к описанию признака состава преступления сложно дать положительную оценку. Во-первых, конструкция признака ставит вопрос о том, в каких случаях финансовые отношения между субъектами обладают признаками материальной зависимости одного от другого. Во-вторых, отсутствует ясность в понимании «иной зависимости», так как она может иметь безграничное содержание, включая и различные проявления эмоциональных, в том числе и односторонне-эмоциональных зависимостей, которые вряд ли целесообразно рассматривать в качестве способов преступного деяния. В-третьих, необходимо понимание механизма преступного использования указанных зависимостей, который бы позволял отграничить этот способ оказания влияния на потерпевшего от фактического состояния лиц в них, не являющихся фактором преступного деяния. Правоприменительная практика сталкивается со сложностями при квалификации понуждения к действиям сексуального характера по этому признаку. Так, по одному делу суд указал, что одно лишь предложение совершить

указанные в ст. 133 УК РФ действия при наличии материальной и иной зависимости не образует состава данного преступления, виновный должен осознавать, что понуждает потерпевшую к действиям сексуального характера [Апелляционное постановление Московского областного суда от 26 августа 2014 г. N 22к-4989/2014]. По другому делу суд, указав, что виновный, будучи супругом матери малолетней (достигшей 12 лет), осознавая ее зависимое в силу возраста положение, совершал в отношении нее действия сексуального характера, верно квалифицировал действия по ст. 135 УК РФ, так как не было установлено то обстоятельство, что такое зависимое положение стало фактором понуждения. При этом последующие эпизоды действий сексуального характера в отношении этой же потерпевшей, но совершенные под угрозой распространения фотографий и видеозаписей интимного характера, были квалифицированы по ст. 133 УК РФ [Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула от 11.05.2022 № 2-43/22].

Также видится, что в подобных случаях сложно установить, что виновный и потерпевшая одинаково оценивают сложившуюся ситуацию. Возникает вопрос о квалификации, когда одно лицо предлагает другому, находящемуся в какой-либо от него зависимости, совершить действия сексуального характера, не предполагая влияния этого обстоятельства на решение, принимаемое другим лицом, и желая добровольного контакта, а второе лицо соглашается, полагая, что поступившее предложение подкрепляется риском негативных последствий отказа, что приводит к его вынужденному согласию. Если не будет установлена субъективная сторона в виде умысла и соответствие признаков субъективной стороны признакам объективной стороны такого деяния, то квалификация этих действий по ст. 133 УК РФ невозможна. Игнорирование соответствия субъективных и объективных признаков приведет к тому, что во всех случаях, когда лица находятся в какой-либо зависимости (учебная, служебная, материальная и т. д.) и вступают в половые отношения, может усматриваться рассматриваемый состав преступления.

С учетом ранее определенных особенностей конструкции исследуемого состава преступления, концепции момента его окончания и того обстоятельства, что угроза, в соответствии со сложившимся в теории и правоприменительной практике подходом, может быть выражена различными способами, в том числе конклюдентными действиями, а также носить неопределенный характер, видится возможным сформулировать этот способ принуждения таким же образом, как и другие способы совершения этого преступления. Например, так: «под угрозой совершения деяния, нарушающего права и законные интересы потерпевшего или его близких, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного». Это обеспечит единообразие при описании способов принуждения и предупредит рассмотренные квалификационные проблемы.

Угроза уничтожением или повреждением имущества не содержит в качестве обязательного признака минимального ущерба, который грозит потерпевшему, для того, чтобы быть способом совершения преступления, как это, например, сделано в конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ и обуславливается в нем необходимостью обеспечения минимально необходимой для криминализации деяния степенью общественной опасности. С учетом того, что в составе преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, такая угроза является способом совершения другого деяния, то к ней требование о такой минимально необходимой степени общественной опасности не должно предъявляться (как и при конструировании составов насильственных половых преступлений не предъявляется к объему и интенсивности применяемого насилия). Однако если лицо принуждает другое лицо к совершению действий сексуального характера под угрозой уничтожения или повреждения имущества, которое имеет объективно несущественную стоимость, то можно говорить о малозначительности такого деяния в целом. Например, под угрозой повреждения зажигалки или уничтожения пачки сигарет, повреждения элементов недорогой одежды и т. п. В каждом конкретном случае признаки малозначительности должны устанавливаться индивидуально.

Анализ рассмотренных способов понуждения показал, что за пределами состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, остается ряд действий, обладающих общественной опасностью, но также не подпадающих и под признаки других составов половых преступлений, например понуждение к действиям сексуального характера под угрозой незаконного привлечения к уголовной ответственности потерпевшего, незаконного заключения под стражу, угрозу вовлечь несовершеннолетнего ребенка потерпевшего в употребление наркотических веществ и подобные угрозы. В литературе отмечается, что и понуждение с угрозой противоправного обращения имущества также нельзя отнести к составу преступления, предусмотренному ст. 133 УК РФ [Шарапов 2009: 155]. Ввиду этого видится необходимым оставить открытым перечень способов совершения рассматриваемого преступления, указав на угрозу совершения другого противоправного деяния, кроме угрозы применения насилия. Указание на противоправность, а не на преступность деяния позволит включить в круг угроз и такие деяния, которые по различным причинам не могут быть оценены как преступные, но несут в себе заряд общественной опасности в качестве способа принуждения.

На нецелесообразность использования в тексте уголовного закона терминов «половое сношение», «мужеложство», «лесбиянство» неоднократно обращалось внимание в юридической литературе и приводились обоснования использования единого термина – действия сексуального характера [Тыдыкова 2018: 56-63]. Таким образом, диспозиция ч. 1 ст. 133 УК РФ может быть представлена в следующей редакции: «Принуждение лица к совершению действий сексуального характера путем шантажа, либо под угрозой совершения деяния, нарушающего права и законные интересы потерпевшего или его близких, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного, либо под угрозой уничтожением, повреждением или изъятием имущества, либо угрозой совершения другого противоправного деяния в отношении потерпевшего или его близкого лица (кроме угрозы применения насилия)».

Анализ правоприменительной практики показывает, что зачастую угрозы, которые являются способами совершения преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, оказываются эффективными и потерпевший фактически выполняет требуемые действия, в том числе продолжительный период времени. Так, Я., представившись в

социальной сети несовершеннолетней девочкой, получил от несовершеннолетнего мальчика фотографии интимного характера. Далее под угрозой распространения этих фотографий потребовал от него встречи и вступления в интимную связь. Преступления под угрозой распространения компрометирующих фото, а затем и видеоматериалов с участием несовершеннолетнего потерпевшего совершались виновным на протяжении более чем двух лет, между актами мужеложства с потерпевшим проходили значительные временные промежутки, действия реализовывались по-разному, но по схожему сценарию. Всего за этот период Я. совершил понуждение к мужеложству путем шантажа в отношении одного несовершеннолетнего - 18 преступлений, а также понуждение к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетнего - 4 преступления [Справка Самарского областного суда]. Подобные случаи существенно отличаются по своей общественной опасности от тех, когда деяние заключается только в выдвигании требования соответствующего характера, за которым не следует фактическое совершение действий сексуального характера. В связи с чем не может не возникнуть вопрос о необходимости существования состава принуждения к действиям сексуального характера, который бы охватывал их фактическое совершение и отражал в санкции повышенную, по сравнению с рассмотренной конструкцией состава, общественную опасность. В литературе высказывалась мысль о дифференциации уголовной ответственности за рассмотренное деяние в зависимости от его результативности, например путем включения в статью соответствующего квалифицирующего признака [Конорезов 2022: 19-20]. Но в силу того, что фактическое совершение действий сексуального характера может повлечь ряд последствий, которые должны стать дополнительным фактором дифференциации уголовной ответственности, целесообразным видится сформулировать отдельный состав такого преступления в ч. 2 ст. 133 УК РФ. Например, таким образом: «Действия сексуального характера путем шантажа, либо с угрозой совершения деяния, нарушающего права и законные интересы потерпевшего или его близких, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного, либо с угрозой уничтожением, повреждением или изъятием имущества, либо угрозой совершения другого противоправного деяния (кроме угрозы применения насилия) в отношении потерпевшего или его близкого лица».

Таким образом, ст. 133 УК РФ в действующей редакции имеет существенные недостатки конструкции и требует изменений.

Литература

Апелляционное постановление Московского областного суда от 26 августа 2014 г. по делу N 22к-4989/2014//<https://demo.garant.ru/#/document/126583882/paragraph/1/doclist/3794/29/0/0/понуждение%20к%20действиям%20сексуального%20характера:50>

Дядюн К. В. Понуждение к действиям сексуального характера: проблемы толкования и применения состава / Lex Russica. 2021. № 9. С. 54-65.

Конорезов Н. А. Понуждение к действиям сексуального характера: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Краснодар, 2022.

Конорезов Н. А. Проблемы интерпретации объективных признаков состава понуждения к действиям сексуального характера (Ст. 133 УК РФ) / Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 11 (2). С. 70-75.

Мотин А. В. К вопросу о способе совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности / Право и практика. 2017. № 1. С. 38.

Никитин Ю. А. Содержание шантажа: вопросы теории и практики / Вестник Омской юридической академии. 2016. N 3. С. 61-64.

Обзор судебной практики рассмотрения уголовных дел в кассационном порядке Верховного суда Чувашской Республики в 2003 году. <https://demo.garant.ru/#/document/17602328/paragraph/1/doclist/3794/39/0/0/понуждение%20к%20действиям%20сексуального%20характера:61>

Остапенко Т. Ю. Особенности понуждения к действиям сексуального характера / Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. №12. С. 133-136.

Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула от 11.05.2022 по делу № 2 -43/22 / Архив Ленинского районного суда г. Барнаула Алтайского края.

Справка Самарского областного суда по результатам проведенного анализа судебной практики рассмотрения уголовных дел о совершении преступлений в сфере компьютерных технологий. <https://demogarant.ru/#/document/405909877/paragraph/1/doclist/4490/11/0/0/мужеложство,%20-%20это:0>

Тыдыкова Н. В. О некорректном использовании медицинских терминов при конструировании составов половых преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации / Юрислингвистика. 2018. № 7-8. С. 56-63.

Шарапов Р. Д. Преступное насилие. 2009. С. 155.

References

- Appeal ruling of the Moscow Regional Court of August 26, 2014 in case No. 22k-4989/2014//<https://demo.garant.ru/#/document/126583882/paragraph/1/doclist/3794/29/0/0/compulsion%20to%20acts%20sexual%20character:50>
- Certificate of the Samara Regional Court on the results of the analysis of judicial practice in the consideration of criminal cases on crimes in the field of computer technology
//<https://demo.garant.ru/#/document/405909877/paragraph/1/doclist/4490/11/0/0/sodomy,%20-%20is:0>
- Dyadyun K. V. Compulsion to act of a sexual nature: problems of interpretation and application of the composition. Lex Russica. 2021. No. 9. S. 54-65.
- Konorezov N. A. Compulsion to act of a sexual nature: criminal law characteristics and qualification problems: abstract of dis... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2022.
- Konorezov N. A. Problems of interpretation of objective signs of the composition of compulsion to act of a sexual nature (Art. 133 of the Criminal Code of the Russian Federation). Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. No. 11 (2). pp. 70-75.
- Motin A. V. On the question of the method of committing crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual. Law and Practice. 2017. No. 1. P. 38.
- Nikitin Yu. A. The content of blackmail: questions of theory and practice. Bulletin of the Omsk Law Academy. 2016. N 3. S. 61 - 64.
- Ostapenko T. Yu. Features of compulsion to act of a sexual nature. Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2009. No. 12. pp. 133-136.
- Review of the judicial practice of considering criminal cases in cassation by the Supreme Court of the Chuvash Republic in 2003. <https://demo.garant.ru/#/document/17602328/paragraph/1/doclist/3794/39/0/0/compulsion%20to%20actions%20sexual%20character:61>
- Sentence of the Leninsky District Court of Barnaul dated May 11, 2022 in case No. 2 -43/22. Archive of the Leninsky District Court of Barnaul, Altai Territory.
- Sharapov R. D. Criminal violence. 2009.
- Tydykova N. V. On the incorrect use of medical terms in the construction of sexual offenses in the Criminal Code of the Russian Federation. Jurislinguistics. 2018. No. 7-8. pp. 56-63.

Citation:

Тыдыкова Н. В. О терминах, используемых при конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ // Юрислингвистика. – 2023. – 29. – С. 49-54.

Tydykova N. V. (2023) On Terms Used in Defining the Corpus Delicti under Art. 133 of the Criminal Code of the Russian Federation. Legal Linguistics, 29, 49-54.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

О термине «регуляторная гильотина» в юридическом дискурсе

Е. А. Федорченко

Российская таможенная академия

пр. Комсомольский, 4, 140015, Люберцы, Россия. E-mail: academy@customs-academy.ru

На материале текстов законодательства Российской Федерации и научных публикаций ученых-юристов изучаются особенности формирования в современном русском языке новой номинативной единицы «регуляторная гильотина». Статья посвящена описанию семантических, синтагматических и прагматических признаков данного термина. Установлено, что термин «регуляторная гильотина» на начальном этапе его вхождения в юридический дискурс характеризуется повышенной вариантностью. Выявлены его семантические, грамматические и графические варианты. На основании сравнительного анализа различных дефиниций термина «регуляторная гильотина», а также его синтагматики в юридическом дискурсе автор делает вывод о необходимости редактирования дефиниции данного термина. Перспективы разработки новой дефиниции термина «регуляторная гильотина» связываются с развитием отраслевого знания и традициями употребления русского языка в текстах официальной коммуникации. При описании синтагматики термина в научном юридическом дискурсе выявлены факты нарушения норм лексической сочетаемости современного русского литературного языка. Синтагматика термина «регуляторная гильотина» в русском юридическом дискурсе отражает на языковом уровне особенности корреляции общего и специального сознания юристов. Установлено, что в процессах функционирования термина «регуляторная гильотина» кавычки передают сложный комплекс различного рода информации. Использование термина «регуляторная гильотина» в юридическом тексте в кавычках и без кавычек выражает определенное прагматическое значение отношения субъекта речи к языковому знаку. Кавычки реализуют одновременно переносную и метаязыковую функции, а также являются средством адаптации термина-метафоры к юридическому дискурсу.

Ключевые слова: правовой дискурс, термин, дефиниция, синтагматика, семантика кавычек.

The Term "Regulatory Guillotine" in the Legal Discourse

E. A. Fedorchenko

Russian Customs Academy

4 Komsomolsky Prospekt, 140015, Lyubertsy, Russia. E-mail: academy@customs-academy.ru

The article studies the peculiarities of coining a new term "regulatory guillotine" in the modern Russian language. It describes the semantic, syntagmatic and pragmatic features of this term. It has been established that at the initial stage of its entry into the legal discourse, the term "regulatory guillotine" is characterized by high variation. Here are revealed its semantic, grammatical and graphic variants. Based on comparative analysis of various definitions of the term "regulatory guillotine", as well as on its syntagmatics in legal discourse, the author concludes it necessary to amend the definition of this term. A new term can be prospectively developed in close connection with the field knowledge and traditional use of the Russian language in texts of official communication. When describing the syntagmatics of the term in the academic legal discourse, the author points out a violation of the norms of lexical compatibility of the modern Russian literary language. The syntagmatics of the term "regulatory guillotine" in the Russian legal discourse reflects at the linguistic level the peculiarities of the correlation of the general and special consciousness of lawyers. It is also established that in the processes of functioning of the term "regulatory guillotine", quotation marks convey a complex mix of different kinds of information. The use of the term "regulatory guillotine" in the legal text with quotation marks and without quotation marks expresses a certain pragmatic meaning of the attitude of the subject of speech to the linguistic sign. Quotation marks implement both figurative and metalinguistic functions, and are also a means of adapting a metaphor-term to legal discourse.

Key words: legal discourse, term, definition, syntagmatics, quotation mark semantics.

Введение. В настоящее время государство повсеместно стимулирует ускорение темпов цифровизации, внедрения цифровых технологий в систему государственного управления. В различных областях государственного регулирования последовательно и эффективно используются различные инновации, связанные с новейшими регуляторными технологиями.

В процессе подготовки и проведения административной реформы в юридическом дискурсе появляется термин «регуляторная гильотина», который на начальном этапе его использования вносит определенный диссонанс в стилистику деловой речи, что связано, с одной стороны, с его экспрессивностью, не свойственной в целом официально-деловому стилю, с другой – с многочисленными речевыми недочетами юристов в употреблении данного неологизма. Активное функционирование термина «регуляторная гильотина» в законодательной и правоприменительной практике, а также в научном юридическом дискурсе предопределяет актуальность проведения терминоведческого исследования, целью которого является изучение и описание значимых для юридического дискурса семантических, синтагматических и прагматических характеристик номинативной единицы «регуляторная гильотина», что позволит выработать научные рекомендации к правильному употреблению данного термина и создать необходимую научную базу для его кодификации в будущем.

Термин как особая языковая единица, подчиненная системе национального языка и одновременно семантически обусловленная параметрами определенной терминосистемы, являет в себе неразрывную связь языковой и собственно отраслевой научной проблематики. Учитывая специфику терминологии, считаем допустимым выделение отдельных аспектов функционирования термина в качестве предмета научного исследования. Эффективность подобного подхода подтверждается многолетним опытом отечественной лексикографической практики: при изучении термина в аспекте отражения им отраслевой научной проблематики, связанной с определенной специальной информацией, с глубоким погружением в эту информацию, ученые получают сведения, которые являются материалом для энциклопедического словаря (предметом описания в энциклопедическом словаре является не столько термин, сколько обозначаемая им и связанная с ним информация); при изучении термина как языкового знака, кодирующего определенную специальную информацию, в терминоведческом исследовании устанавливаются языковые параметры для описания термина и в соответствии с этим осуществляется разработка материалов для терминологического словаря (в терминологическом словаре представляется описание термина как языковой единицы, при этом в дефиницию термина включается не вся информация, имеющая отношение к плану содержания термина, а только основная, при этом глубина погружения в область отраслевого научного знания связана с определенной терминоведческой концепцией).

В качестве материала исследования отобран репрезентативный корпус текстов юридических документов и научных публикаций, в которых функционирует термин «регуляторная гильотина». Используются описательный метод, методы компонентного, контекстного и концептуального анализа.

1. О формировании юридического термина «регуляторная гильотина» в русском языке. При изучении термина «регуляторная гильотина», полагаем, целесообразно разграничивать историю становления номинативной единицы «регуляторная гильотина» в русском языке и собственно специальную информацию, кодируемую термином «регуляторная гильотина». Такая дифференциация связана с пониманием следующего. В современном мире происходит активный обмен специальной информацией. Многочисленные интернациональные термины, термины-кальки в русском языке часто содержательно не тождественны производящим терминам языка-источника. Будучи заимствованными из другого языка, такие термины в определенной терминосистеме русского языка начинают жить своей жизнью – получают определенное семантическое развитие. При этом указание на новые грамматические признаки такого термина оказывается едва ли не избыточным, поскольку очевидным является факт адаптации слова другого языка к новой языковой системе.

Термин русского языка «регуляторная гильотина» является полной терминологической калькой: *guillotine réglementaire* (франц.), *regulatory guillotine* (англ.), то есть образуется путем перевода термина-словосочетания другого языка при сохранении метафоризации значения основного терминологического элемента – имени существительного. Для английского, французского и многих других языков образование термина на основе метафоры – чрезвычайно распространенное явление. В русском же терминологическом отношении к терминам-метафорам дифференцируется в зависимости от языка научной специальности. Так, Н. Д. Арутюнова писала: «не прибегают к метафоре <...> в законах и военных приказах, в уставах, в запретах и резолюциях, постановлениях, указах и наказах <...> – во всем, что должно неукоснительно соблюдаться, выполняться и контролироваться, а следовательно, подлежит точному и однозначному пониманию» [Арутюнова 1990: 7]. Но, поскольку термин «регуляторная гильотина» получил широкое распространение в мире, приобрел статус интернационального, русский язык заимствует такой термин.

Термин «регуляторная гильотина» характеризуется содержательной мотивированностью [Кияк 1989: 103]. Терминологический элемент «гильотина» в семантической структуре составного термина актуализирует смысловой компонент «отсечь // отсечение». Терминологический элемент «регуляторный» – в соответствии с продуктивным словообразовательным типом имен прилагательных – вносит в общую семантику термина значение «относящийся к регулятору». Вместе с тем точное значение термина-метафоры может быть задано только в дефиниции.

Становление семантики термина «регуляторная гильотина» связывают с разработкой в Швеции еще в 1980 году принципа «регуляторной гильотины», направленного на устранение норм, сдерживающих развитие бизнеса и мешающих привлечению инвестиций [Александров 2019: 107]. Автором современной концепции «регуляторной гильотины», по мнению специалистов, явилась американская компания *Jacobs, Cordova & Associates* [*Jacobs, Cordova & Associates URL*], которая использовала опыт Швеции и Южной Кореи. По данным сайта компании, начиная с 1985 года

она содействовала проведению регуляторных реформ более чем в 100 странах. В настоящее время данный опыт оказался востребованным и в России.

С 2019 года Правительство Российской Федерации в рамках проводимой административной реформы контрольно-надзорной деятельности использует технологию, именуемую «регуляторная гильотина». Публичное обоснование для ее использования в России было дано Председателем Правительства Российской Федерации Д. А. Медведевым: «До сих пор количество так называемых обязательных требований, которые у нас предъявляются к бизнесу при проверках, необоснованно завышено. Только устанавливающих их нормативных актов <...> более 9 тысяч. Многие эти требования, которые создавались еще в советские времена, устарели не только морально, но и технологически. Некоторые из них ... выглядели бы просто забавно, если бы не содержали в себе ограничивающий потенциал и не создавали риски. <...> Если мы хотим решить задачу экономического рывка, мы должны снизить нагрузку на предпринимателей, пересмотреть систему требований, прежде всего в таких наиболее зарегулированных секторах, как транспорт, экология, промышленная безопасность, ветеринария, санитарно-эпидемиологический надзор. Эта задача может быть решена с помощью механизма так называемой регуляторной гильотины» (<http://government.ru/news/35366/>).

Разработка нового научного понятия и становление номинирующего данное понятие термина «регуляторная гильотина» отражают реалии конкретной правовой системы, а также научного юридического дискурса с формирующимися в нем разнообразными взглядами и подходами.

2. О дефинициях термина «регуляторная гильотина». Одним из основных дифференциальных признаков термина является наличие дефиниции. Поскольку термин – это рационально созданная номинативная единица, его первое употребление в тексте должна сопровождать дефиниция. Еще М. В. Ломоносов рекомендовал юристам «всякому юридическому термину изобретать и составлять точные дефиниции, полные, без излишеств, ибо употребление слов неограниченных и сомнительных и двухзначных производит в суде великие беспорядки и отдаляет от правды к заблуждению и к ябедам» [Ломоносов 1957: 149].

В текстах законодательства дефиниция термина «регуляторная гильотина» отсутствует. Однако один из важных аспектов понятийного содержания термина получает законодательное закрепление в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. N 247-ФЗ в названии статьи 15 *Обеспечение реализации положений настоящего Федерального закона («регуляторная гильотина»)*.

В научных публикациях отдельные ученые используют термин «регуляторная гильотина», не давая ему дефиницию, словно значение термина и так всем известно, или глоссируют термин, то есть дают пояснение с целью сформировать у адресата общее представление о номинируемом понятии (например: «*Масштабный мониторинг в широкой сфере контрольно-надзорной деятельности государства и регламентации обязательных требований для предпринимателей в настоящее время проводится в рамках механизма регуляторной гильотины, предполагающей отмену устаревших и явно избыточных норм права*» [Залоило 20: 44]). Другие ученые стремятся точно объяснить значение указанного термина, используя родо-видовую дефиницию [о типах дефиниций см.: Кузнецова, Федорченко 2018: 44-46], но испытывают затруднения в выборе родового наименования для данного термина: «*регуляторная гильотина*» – это **кампания по пересмотру действующих обязательных требований в значительном количестве сфер регулирования, направленная на их совершенствование (упрощение, актуализацию, упорядочивание), в результате которой происходит массовая отмена ранее действовавших нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования** [Кнутов, Плаксин и др. 2022: 9]; «*Регуляторная гильотина представляет собой метод проведения административной реформы контрольно-надзорной деятельности, целью которой является упрощение или отмена правовых и технико-правовых (технических) норм для осуществления предпринимательской деятельности, подлежащей проверке со стороны контрольно-надзорных органов*» [Мартынов 2019: 145]. На сайте «Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность», именуемом в профессиональном просторечии «сайт гильотины», термин «регуляторная гильотина» объясняется как **инвентаризация** всех действующих и обязательных для бизнеса требований...» [Что такое «регуляторная гильотина»? URL].

Иногда значение термина «регуляторная гильотина» контекстуально отождествляется со значением словосочетания «административная реформа контрольно-надзорной деятельности»: «*Проводимая в современных условиях административная реформа контрольно-надзорной деятельности, так называемая регуляторная гильотина, сводится к отмене неактуальных нормативных актов в сфере надзора и контроля*» [Шеншин 2022: 150]. (Обращаем внимание на отсутствие кавычек в употреблении изучаемого термина; о кавычках см. ниже.)

В отдельных публикациях словосочетание «регуляторная гильотина» представляется в качестве термоэлемента – дефинируется термин «механизм "регуляторной гильотины"»: «*Механизм "регуляторной гильотины" является инструментом масштабного пересмотра, отмены и оценки нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования к субъектам экономической деятельности и негативно влияющих на бизнес-климат и регуляторную среду, с помощью привлечения к участию и принятию решений в данном процессе экспертного бизнес-сообщества*» [Ляликов 2022: 16]. Разумеется, ученый имеет право и на такую точку зрения, но необходимо учитывать следующее: если в отдельном институциональном дискурсе ряд терминов имеют общие терминологические элементы, обнаруживают определенные парадигматические и синтагматические связи, дефинирование таких терминов должно быть системным (необходимо установить, как подобные термины соотносятся друг с другом).

Таким образом, обилие дефиниций отдельного термина в научных публикациях создает широкое поле для различных интерпретаций.

Сравнительный анализ дефиниций термина «регуляторная гильотина», предлагаемых специалистами, а также изучение синтагматики данного термина позволили сделать вывод о том, что родовым наименованием к термину «регуляторная гильотина» является термин «регуляторная технология» (краткий вариант данного термина, по семантике тождественный его полному варианту, – технология). В соответствии с этим предлагаем редактировать дефиницию термина: «регуляторная гильотина» – это технология по пересмотру действующих обязательных требований к субъектам экономической деятельности, устанавливаемых в различных сферах регулирования при наличии риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, направленная на совершенствование (упрощение, актуализацию, упорядочивание) обязательных требований, в результате чего происходит массовая отмена ранее действовавших нормативных правовых актов.

3. Функции кавычек при употреблении термина. Подавляющее большинство употреблений термина «регуляторная гильотина» в юридических текстах характеризуется использованием кавычек. Но данный термин употребляют и без кавычек [Крашенинников 2020 и др.]. Оба графических варианта термина – это позиция речевого субъекта, которую можно и нужно обсуждать. Но что вообще является недопустимым – так это бессистемное употребление кавычек в тексте.

Кавычки в русском языке передают сложный комплекс различного рода информации. Помимо своих основных функций (оформление цитат и прямой речи), кавычки реализуют ряд факультативных функций: кульминационную, переносную, модальную, метаязыковую [Шварцкопф 1997: 376-377].

Использование кавычек в термине «регуляторная гильотина» информативно. Необходимо указать как минимум на контаминацию переносной и метаязыковой функций. Кавычки фиксируют не только новое значение слова «гильотина», использованного в качестве элемента составного термина, но и указывают на способ формирования этого нового переносного значения (метафорический перенос наименования). Помимо переносной функции кавычек, реализуется и метаязыковая функция («метаязыковая функция отражает способ оценки употребляемых языковых средств, обозначение чуждости средства стилистическому контексту» [Клевцов 2022: 121]; вероятно, здесь будет уместным уточнение: оценки как выражения отношения в широком смысле субъекта речи к языковому знаку, то есть кавычки имеют определенное прагматическое значение). Дополнительными контекстуальными сигналами для постановки кавычек при использовании изучаемого термина являются слова «именуемой», «так называемая».

При употреблении термина «регуляторная гильотина» кавычки фактически являются языковым средством адаптации термина другого языка к юридическому дискурсу русского языка. Кавычки «гасят» неуместные в официально-деловом стиле коннотации, поэтому «терять» их при употреблении данного термина, полагаем, не следует.

4. Особенности синтагматики термина «регуляторная гильотина» в научном юридическом дискурсе. Отсутствие нормативной дефиниции термина «регуляторная гильотина», предопределяющей его семантическую структуру и кодирующей системные связи данного термина с другими единицами русского языка, а также индивидуальные речевые навыки специалистов в использовании государственного языка приводят к многочисленным ошибкам в употреблении данного термина. Изучение научного юридического дискурса показывает, что чаще всего нарушаются нормы лексической сочетаемости: **задачи «гильотины»; цели «регуляторной гильотины»; итоги (результаты) «регуляторной гильотины»; в результате «гильотины»; реформа «регуляторной гильотины», в ходе «регуляторной гильотины»; с начала обсуждения «регуляторной гильотины»; портал «гильотины»** и др. В русском языке выделенные слова не характеризуются традицией совместного употребления. И такой спектр нестандартной синтагматики, полагаем, не должен соотноситься с терминологической единицей, поскольку это неизбежно снижает стилистический регистр текста.

Подобные ошибки возникают вследствие речевой недостаточности – пропуска структурно необходимых элементов высказывания, например: ***в результате «гильотины» < в результате применения (использования) технологии «регуляторной гильотины»; *реформа «регуляторной гильотины» < реформа, связанная с применением технологии «регуляторной гильотины»; *с начала обсуждения «регуляторной гильотины»** – в юридическом тексте можно **обсуждать реформу / результаты применения регуляторной технологии**, но не **гильотину** (даже если слово «гильотина» в кавычках) и т. д. Компрессия словосочетаний – явление, широко распространенное в разговорной речи, однако неуместное в официально-деловом стиле. Кроме того, неточность словоупотребления может непреднамеренно актуализировать общеупотребительное значение слова «гильотина», что вообще приводит к возникновению комического эффекта в юридическом дискурсе.

Вместе с тем в настоящее время достигнуты и определенные положительные результаты в адаптации данного термина к национальной языковой системе. Нормы сочетаемости термина «регуляторная гильотина» активно формируются при взаимодействии как с левым, так и с правым контекстом: **в рамках «регуляторной гильотины»; опыт применения «регуляторной гильотины»; «регуляторная гильотина» в области промышленной безопасности...** И даже в структуре риторической фигуры – **Под знаком «регуляторной гильотины»:** как разорвать замкнутый круг дерегулирования и ре-регулирования? [Голодникова, Ефремов, Цыганков 2021: 105-117].

Особенности сочетаемости термина в контексте могут предопределять трансформации морфологических характеристик. Например, в названии монографии М. В. Дегтярева «Новейшие регуляторные технологии и инструменты: Регуляторные эксперименты, песочницы, гильотины, экосистемы, платформы» [Дегтярев 2022] по аналогии с другими словами, употребленными в форме множественного числа (технологии, инструменты, эксперименты), гильотины – в форме множественного числа, хотя в тексте описываемый термин изучается как *метод регуляторной гильотины* (только ед. ч., и без кавычек!). В связи с этим необходимо отметить, что в общей сфере употребления слово «гильотина» (существительное конкретное) изменяется по числам (категория числа

грамматическая). Термин «регуляторная гильотина» (наименование абстрактного понятия) по числам не изменяется – только ед. ч. (категория числа лексико-грамматическая).

Термины – это слова языка науки. К основным признакам термина относится нормативность. Поэтому контекстуальные употребления термина, нарушающие нормы русского литературного языка, полагаем, необходимо редактировать.

Заключение. Функционирование термина «регуляторная гильотина» в русском юридическом дискурсе характеризуется повышенной варианностью употребления данной номинативной единицы (термин имеет семантические и графические варианты, а также проявляет вариантность своих грамматических характеристик), что свидетельствует о процессах становления термина, активном использовании его в качестве инструмента познания. Достижение значимых результатов в области кодификации данного термина возможно при учете различных проявлений лингвокреативной деятельности в сфере профессиональной номинации, в том числе фактов, отражающих на языковом уровне особенности корреляции общего и специального сознания юристов. Перспективы разработки дефиниции термина «регуляторная гильотина», отражающей уровень развития системы отраслевого знания, формирование синтагматических и парадигматических характеристик термина, удовлетворяющих требованиям юридической техники и соответствующих ведущим научным концепциям, представленным в юридическом дискурсе, полагаем, не могут рассматриваться вне связи с основными тенденциями развития государственного языка.

Литература

- Александров О. В.* «Регуляторные гильотины»: международный опыт устранения препятствий для бизнеса / Торговая политика. – 2019. – № 1 (17). – С. 107-119.
- Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс / Теория метафоры. – М., 1990. – С.5-32.
- Голодникова А. Е., Ефремов А. А., Цыганков Д. Б.* Под знаком «регуляторной гильотины»: как разорвать замкнутый круг дерегулирования и ре-регулирования? / Закон. – 2021. – № 2. – С. 105-117.
- Дегтярев М. В.* Новейшие регуляторные технологии и инструменты: Регуляторные эксперименты, песочницы, гильотины, экосистемы, платформы. М., 2022.
- Залоило М. В.* Фрагментация как современная тенденция развития правового пространства / Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 27-49.
- Кияк Т. Р.* О видах мотивированности лексических единиц / Вопросы языкознания. – 1989. – №1. – С. 98-107. URL: http://issuesinlinguistics.ru/pubfiles/1989-1_98-107.pdf
- Клевцов А. Н.* Дауншифтинг: исследование вопроса о смысле жизни через факультативные функции кавычек / Семантика. Функционирование. Текст. – Киров, 2022. – С. 119-132.
- Кнутов А. В., Плаксин С. М., Синятуллин Р. Х., Чаплинский А. В.* «Регуляторная гильотина» в России и ее количественные результаты / Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 15. – № 2. – С. 4-27. DOI:10.17323/2072-8166.2022.2.4.27
- Крашенинников П. В.* Регуляторную гильотину нельзя ставить во главу угла в административной реформе / Закон. 2020. – № 6. – С. 8-12.
- Кузнецова Е. А., Федорченко Е. А.* Становление терминологии информационного права в современном русском языке. М., 2018.
- Ломоносов М. В.* Новое примерное расположение и учреждение Санкт-Петербургской императорской академии наук, на высочайшее рассмотрение рассмотрению и апробацию сочиненное. Регламент Санкт-Петербургской императорской академии наук / Полн. собр. соч. Т.10. – М.-Л., 1957.
- Ляликов А. А.* Оценка регулирующего воздействия и «регуляторная гильотина» как институциональные формы участия бизнес-сообщества в совершенствовании нормативного правового регулирования в России / Вестник университета. – 2022. – № 8. – С. 14-21.
- Мартынов А. В.* Перспективы применения механизма «регуляторной гильотины» при реформировании контрольно-надзорной деятельности / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – №5. – С. 143-165.
- Что такое «регуляторная гильотина»? URL: <https://knd.ac.gov.ru/about/>
- Шварцкопф Б. С.* "Я поставил кавычки потому, что..." / Облик слова. – М., 1997. – С. 374-381.
- Шеншин В. М.* К вопросу о реформировании контрольно-надзорной деятельности в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / Lex russica. – 2022. – Т. 75. – № 8. – С. 148-156. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.148-156
- Jacobs, Cordova & Associates. Reinventing regulatory reform. URL: <http://regulatoryreform.com/>.

References

Alexandrov, O. V. (2019). "Regulatory Guillotines": International Experience in Removing Barriers to Business and Investment. Trade Policy, 1 (17), 107-119 (in Russian).

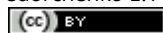
- Arutyunova, N. D. (1990). Metaphor and Discourse. Theory of Metaphor, 5-32. Moscow (in Russian).
- Degtyarev, M. V. (2022). The Latest Regulatory Technologies and Tools: Regulatory Experiments, Sandboxes, Guillotines, Ecosystems, Platforms. Moscow (in Russian).
- Golodnikova A. E., Efremov A. A., Tsygankov D. B. (2021). Under the Sign of the "Regulatory Guillotine": How to Break the Vicious Circle of Deregulation and Re-regulation? *Zakon = Law*, 2, 105-117 (in Russian).
- Jacobs, Cordova & Associates. Reinventing regulatory reform. Available from: <http://regulatoryreform.com/>
- Kiyak, T. R. (1989). On the Types of Motivation of Lexical Units. *Questions of Linguistics*, 1, 98-107 (in Russian).
- Klevtsov, A. N. (2022). Downshifting: a Study of the Meaning of Life through Optional Functions of Quotation Marks. *Semantics. Functioning. Text*, Kirov, 119-132 (in Russian).
- Knutov, A. V., Plaksin, S. M., Sinyatullin, R. H., Chaplinsky, A. V. (2022). "Regulatory Guillotine" in Russia and its Quantitative Results. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 15, 2, 4-27 (in Russian). DOI:10.17323/2072-8166.2022.2.4.27
- Krashennikov, P. V. (2020). Regulatory Guillotine cannot be put at the Forefront in Administrative Reform. *Zakon = Law*, 6, 8-12 (in Russian).
- Kuznetsova, E. A., Fedorchenko, E. A. (2018). The Formation of Terminology of Information Law in the Modern Russian Language. Moscow (in Russian).
- Lialikov, A. A. (2022). Regulatory Impact Assessment and "Regulatory Guillotine" as Institutional Forms of Business Community's Participation in the Improvement of Regulatory Framework in Russia. *Vestnik Universiteta*, 8, 14-2 (in Russian).
- Lomonosov, M. V. (1957). The new approximate location and establishment of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences, composed for the highest consideration and approbation. *Regulations of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences. The Complete Works*, vol.10. (in Russian).
- Martynov, A. V. (2019). Prospects for the Application of the «Regulatory Guillotine» Mechanism in Reforming Control and Supervisory Activities. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 5, 143-165. (in Russian).
- Schwarzkopf, B. S. (1997). "I used quotation marks because..." The shape of the word, Moscow, 374-381 (in Russian).
- Shenshin, V. M. (2022). [Reforming Control and Supervisory Activities in the Field of Protection of the Population and Territories from Emergencies]. *Lex russica*, 75(8), 148-156. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.148-156 (in Russian).
- What is a "regulatory guillotine"? Available from: <https://knd.ac.gov.ru/about/>
- Zaloilo, M. V. (2020). Fragmentation as a Modern Trend of Legal Space Development. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 1, 27-49. (in Russian) DOI: 10.17323/2072-8166.2020.1.27.49.

Citation:

Федорченко Е. А. О термине «регуляторная гильотина» в юридическом дискурсе // Юрислингвистика. – 2023. – 29. – С. 55-60.

Fedorchenko E. A. (2023) The Term "Regulatory Guillotine" in the Legal Discourse. *Legal Linguistics*, 29, 55-60.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

Политико-правовая природа санкционных ограничений в сфере публикационной активности российских ученых¹

А. А. Васильев¹, Ю. В. Печатнова²

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹anton_vasiliev@mail.ru,

²jp_0707@mail.ru

Настоящая статья посвящена изучению теоретико-правовых представлений о научных санкциях и их политико-правовой природе, а также анализу их влияния на публикационную активность российских ученых в рамках зарубежных изданий.

В современных условиях геополитической и геоэкономической турбулентности санкционная политика оказывает сдерживающее влияние на развитие научно-технологического потенциала. В связи с чем цель исследования заключается в концептуальном обобщении правовой природы научных санкций, выявлении существующих барьеров международного научно-технического сотрудничества и поиске путей их преодоления.

Санкционная политика представлена различными формами генерирования затруднений в сфере участия тех или иных государств в международных сетевых коллаборациях и устоявшихся формах сотрудничества. Правовой основой санкционной политики выступает одностороннее прекращение договорных отношений, что причиняет ущерб не только государству, против которого вводятся санкции, но и государству, которое вводит санкции.

В качестве способа реагирования на санкционные вызовы в сфере научно-технического развития предлагается динамичная выработка и реализация инновационных мер по поддержке национального научного и научно-технического сектора.

В качестве мер повышения публикационной активности российских ученых в зарубежных изданиях подчеркивается, прежде всего, необходимость формирования и проведения специальной государственной политики как составной части государственной научно-технической политики в сфере международного сотрудничества, так как его развитие в этих условиях не может ограничиться только инициативами субъектов научной и научно-технической деятельности. В частности, видится возможным смена географических направлений международного научно-технического сотрудничества. Это предполагает также стимулирование дружественных стран к согласованию внешней и внутренней политики в сфере науки, технологий и инноваций, а также к гармонизации национальных законодательств и совершенствованию функционирования организационно-правовых механизмов сотрудничества.

Ключевые слова: санкции, научно-техническое развитие, научное право, публикационная активность.

Political and Legal Nature of Sanctions Restrictions in The Field of Publication Activity of Russian Scientists

A. A. Vasilev¹, Y. V. Pechatnova²

Altai State University

68 Socialistisheskiy St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹anton_vasiliev@mail.ru, ²jp_0707@mail.ru

This article is devoted to the study of theoretical and legal ideas about scientific sanctions and their political and legal nature, as well as an analysis of their impact on the publication activity of Russian scientists in foreign publications.

In modern conditions of geopolitical and geo-economic turbulence, sanctions policy has a restraining effect on the development of scientific and technological potential. In this connection, the purpose of the study is to conceptually

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01296, <https://rscf.ru/project/23-28-01296/>

generalize the legal nature of scientific sanctions, identify existing barriers to international scientific and technical cooperation and find ways to overcome them.

Sanctions policy is represented by various forms of generating difficulties in the sphere of participation of certain states in international network collaborations and established forms of cooperation. The legal basis of sanctions policy is the unilateral termination of contractual relations, which causes damage not only to the state against which sanctions are imposed, but also to the state that imposes sanctions.

As a way to respond to sanctions challenges in the field of scientific and technological development, the dynamic development and implementation of innovative measures to support the national scientific and scientific-technical sector is proposed.

As measures to increase the publication activity of Russian scientists in foreign publications, it is seen, first of all, the need to form and implement a special state policy as an integral part of the state scientific and technical policy in the field of international cooperation, since its development in these conditions cannot be limited only to the initiatives of scientific subjects and scientific and technical activities. In particular, it seems possible to change the geographical directions of international scientific and technical cooperation. This also involves encouraging friendly countries to harmonize foreign and domestic policies in the field of science, technology and innovation, as well as to harmonize national legislation and improve the functioning of organizational and legal mechanisms of cooperation.

Key words: sanctions, scientific and technological development, scientific law, publication activity.

В силу международного характера научного знания обнародование результатов научной и научно-технической деятельности обеспечивает развитие научной коммуникации, обмен научно-технической информацией, содействует развитию науки и внедрению научных достижений в практике [Киреева 2014: 61 – 68]. Вне всякого сомнения, не все отрасли знания одинаково интернациональны. В значительной степени гуманитарное знание национально-культурно окрашено, что позволяет говорить о локальных (цивилизационных) особенностях отдельных научных сфер. Так, существенной спецификой обладают экономические и юридические отрасли науки.

Тем не менее, одним из принципов развития науки всегда считалась открытость и возможность широкой коммуникации ученых с помощью печатного слова. В подавляющем большинстве стран мира доминирует принцип международной открытости научного знания. В условиях господства английского языка и развития информационного общества особую популярность за последние 30 лет приобрели специализированные англоязычные международные базы журналов и соответствующие сервисы для оценки публикационной активности исследователей.

В отсутствие иных, в том числе национальных, средств оценки научного труда российское правительство в ряде стратегических и текущих документов в 2010-е годы стало предусматривать задачи по росту российских публикаций в международных базах цитирования и как следствие оценки научных и образовательных организаций по количеству публикаций и рейтингу цитирования ученых [Татишвили 2014: 5–8].

Публикационная активность также активно используется в различных рейтингах университетов, задача по вхождению в топовые списки которых была определена российским правительством.

Наряду с позитивными процессами по интернационализации науки, улучшению качества научной дискуссии и росту научных результатов, российская наука столкнулась с целым рядом проблем:

- рост платных публикаций для выполнения формальных показателей безотносительно к качеству статей и их вкладу в мировую науку (мусорные журналы, девальвация научного знания, значительные бюджетные средства и личные деньги ученых для формального выполнения показателя по публикациям) [Михайлов 2018: 56–70];
- игнорирование специфики научных направлений, что «заставило» российских ученых участвовать в «мусорных» публикациях для достижения показателей;
- включение публикационных требований в трудовые договоры и квалификационные требования к профессорско-преподавательскому составу в части наличия публикаций в международных базах цитирования для прохождения по конкурсу вызвало социальное напряжение и очередной виток «мусорных» публикаций;
- проблема национально-технологического суверенитета при полной открытости научного знания.

Следует отметить, что и до введения санкций против России ситуация с международными базами цитирования вызывала критику в международном научном сообществе: коммерческий характер деятельности баз цитирования; условность количественного критерия для оценки продуктивности ученого и др. Но, к сожалению, никаких решений российские власти не принимали.

После начала специальной военной операции России в Украине последовал шквал самых разнообразных санкций против Российской Федерации. Среди санкций особую категорию составляют ограничения и запреты на научно-техническое сотрудничество с российскими научными организациями и учеными. Среди «научных санкций» выделяются ограничения на доступ российских исследовательских организаций к международным базам научных журналов и ограничения на публикации российских ученых в зарубежных изданиях.

В первую очередь 11 марта 2022 г. крупные мировые издательства Elsevier, Springer/Nature, IOP Publishers опубликовали манифест о прекращении подписки российских организаций на доступ к полнотекстовым версиям научных журналов и соответствующие сервисы. В случае с Россией особое беспокойство вызвало ограничение доступа к одной из самых популярных баз статей Scopus (находится в управлении Elsevier) [Вишневецкая 2022].

По поводу данного манифеста сложилось несколько мифов. Во-первых, данное объявление было воспринято как запрет на публикации российских авторов. В действительности ни одно из международных издательств не принимало решения об отказе в приеме рукописей ученых из России, напротив, было декларировано о недопустимости дискриминации авторов по национальному признаку.

Во-вторых, ограничение в доступе было воспринято как изоляция России в сфере научной информации, что влечет за собой в конечном итоге отставание самой науки. Вместе с тем, прекращен доступ российских организаций к подписке. Частные лица вправе сохранить или заключить соглашение о подписке. Стоимость подписки довольно высока, не менее 30 долларов за одну статью. Однако существует множество альтернативных способов получения доступа к публикациям: журналы открытого доступа, сервисы google и пр. В конечном итоге, говорить об изоляции российских ученых преждевременно в условиях информационного общества.

С марта 2023 г. постепенно стала ограничиваться подписка на доступ ко второй популярной в России базе Web of Science, которая принадлежит Clarivate Analytics и которая объявила о закрытии своего офиса и прекращении коммерческой деятельности в России [Соколов, Порываева 2022].

Интерес представляет правовая природа ограничений к международным базам журналов и сопутствующим сервисам для оценки научной деятельности.

Во-первых, собственники международных баз цитирования не относятся к органам публичной власти и как частные организации полностью самостоятельны в своей деятельности и решениях. Никаких официальных мер со стороны правительств государств в части введения запретов и ограничений деятельности баз журналов на территории России не было и не могло быть, поскольку эти вопросы не относятся к юрисдикции государств.

Во-вторых, отношения между международными базами журналов и российскими подписчиками основаны на договорах и являются частноправовыми по своему характеру.

Следовательно, прекращение подписки со стороны владельцев международных баз цитирования представляет собой односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора и вызывает соответствующие правовые последствия.

В силу этого, принятые владельцами международных баз журналов решения нельзя квалифицировать как публичные санкции. Никакие иные меры, помимо гражданско-правовых средств, в этой ситуации не могут быть предприняты.

В этой связи применение каких-либо мер ответственности в случае прекращения доступа к наукометрическим базам данных должно регулироваться нормами гражданского права с учетом положений договоров. По сути, помимо возмещения убытков, иного способа защиты гражданских прав законодательством не предусмотрено. Важно при этом понимать, что данные акты частных организаций не должны оцениваться как решения органов публичных власти иностранных государств.

Тем не менее, нельзя не обратить внимание на уязвимость таких актов со стороны зарубежных издательств с точки зрения индивидуальной ответственности национальных правительств и ученых. В конечном счете такие ограничения не содействуют достижению общих для человечества задач.

Интересен кейс о зависимости российской научной периодики от зарубежных издательских компаний на примере отношений Российской академии наук и издательства Pleiades Publishing [Пресс-релиз 2022].

С 1993 г. изданием переводных версий порядка 100 научных журналов Российской академии наук и 200 научных журналов, входящих в базы цитирования Web of Science и Scopus, занимается издательская компания Pleiades Publishing, созданная американцем русского происхождения Алексом Шусторовичем и зарегистрированная на Виргинских островах.

В 1993 году создается ООО «Международная академическая издательская компания» (МАИК) «Наука/Интерпериодика», учредителями которой выступили ГУП «Академиздатцентр «Наука», Российская академия наук и компания А. Шусторовича Pleiades Publishing Inc. Фактически Pleiades Publishing Inc. получает монопольное право на издание переводов научных статей российских ученых и их продвижение в зарубежных научных кругах. Впоследствии Pleiades Publishing Inc. передала по лицензионным соглашениям права на издание журналов Российской академии наук издательству Springer.

В 2018 г. издательство «Наука» обанкротилось, а Российская академия наук разрешила ряду академических институтов самостоятельно издавать переводные версии собственных научных журналов: Математический институт им. В.А. Стеклова, Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе Российской академии наук, Институт общей химии Российской академии наук. Но, как и ранее, основной аукцион на издание большинства журналов выиграло издательство Pleiades Publishing Inc.

В 2020 г. Pleiades Publishing Inc. оформило в патентном ведомстве США на себя право использования англоязычных версий 200 российских научных журналов, из которых 100 журналов выпускались ранее под эгидой Российской академии наук. В итоге все эти журналы оказались принадлежащими американскому издательству. При этом, с помощью своей редакционной политики с авторами, им удалось сохранить монопольное право на выпуск статей российских ученых из институтов Российской академии наук. Кроме того, фактически стали выпускаться не переводы статей, а оригинальные статьи авторов из России. Такая возможность была обеспечена за счет договоров авторского заказа и авторских гонораров. В договорах авторского заказа предусматривалось исключительное право Pleiades Publishing Inc. на издание статей российских авторов без права их публикации в иных научных изданиях.

14 марта 2022 г. Pleiades Publishing Inc. выпустило информационное сообщение о приостановке своих соглашений

с учреждениями Российской Федерации, находящимися в государственной собственности России. Таким образом, получив монопольное право на выпуск российских научных журналов американское издательство прекратило действие лицензионных соглашений с Российской академией наук.

Физико-технический институт им А.Ф. Иоффе Российской академии наук решил оспорить право Pleiades Publishing Inc. на использование наименований своих пяти академических журналов. По итогам первых судебных разбирательств в Совете по товарным знакам США институту удалось доказать свое преимущественное право на использование наименования журнала. Изначально редакции научных журналов Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе Российской академии наук отказались от кабальных условий американского издательства и продолжали работать в парадигме российских журналов с переводной версией.

В свете таких ограничений в сфере публикационной активности в научном сообществе обсуждаются такие риски для ученых России как:

- исключение русского языка как языка научной коммуникации;
- рост затрат журналов на создание переводных версий научных журналов для их продвижения в зарубежных научных кругах;
- угроза изоляции российских ученых с точки зрения распространения и доступа к научно-технической информации [Черныш 2022: 15–26].

Еще одним примером частноправовых актов в сфере публикационной активности можно назвать односторонний отказ присвоения DOI ряду российских научных изданий. Однако данная практика носила скорее единичный, немассовый характер. Встречаются случаи официального изменения редакционной политики ряда зарубежных изданий, которые публично заявили о прекращении принятия материалов от российских ученых. Так, редакция «Журнала молекулярной структуры» прямо заявила о прекращении приема рукописей ученых из России.

С другой стороны, многие зарубежные издания, напротив, публично заявили о недопустимости бойкота российских авторов, считая, что это причинит больше вреда для развития науки и понимания между народами. Так, Springer, Elsevier выступили с заявлениями о необходимости достижения мира между народами и недопустимости дискриминации российских ученых.

Относительно издательской деятельности Elsevier наряду с принципом свободы выражения мнения и свободы научной информации нужно учитывать те общие ограничения и правила, которые установлены США, ЕС и Великобританией.

Elsevier опубликовал ряд общих запретов работы с авторами из санкционных стран (Северная Корея, Куба, Иран, Сирия, Крым, ДНР и ЛНР):

- операции с любыми физическими или юридическими лицами, расположенными в определенных странах или территориях («Географические санкции»);
- операции с конкретными физическими или юридическими лицами, перечисленными в Сводном списке ЕС, Сводном списке Великобритании и списке граждан особых категорий или заблокированных лиц США (совместно именуемых «SDN»);
- публикация определенной конфиденциальной информации (например, связанной с военной обороной), которая регулируется законами об экспортном контроле («Регулируемая информация»).

Согласно законодательству ЕС и Великобритании, распространение контента и предоставление издательских услуг авторам не запрещены географическими санкциями.

В соответствии с законодательством США исключение в отношении информационных материалов (IM) позволяет Elsevier продавать и распространять журналы, книги и другой контент лицам, находящимся во всех перечисленных выше юрисдикциях, на которые распространяются географические санкции.

Однако исключение информационных материалов не позволяет Elsevier предоставлять издательские услуги, такие как рецензирование, редактирование книг и маркетинговые услуги, авторам в этих странах или регионах. США отдельно разрешают такие услуги в соответствии с Генеральными издательскими лицензиями (PGL), которые до сих пор были выданы только для Ирана, Кубы и Сирии.

Вполне ожидаемыми были ответные меры российского правительства в части публикационной активности российских ученых. Но на текущий момент можно констатировать лишь введение Правительством Российской Федерации временного приостановления требований о наличии публикаций в Web of Science и Scopus по финансируемым из бюджетных источников научным проектам, оценки деятельности научных и образовательных организаций, оценки результатов реализации государственных программ.

19 марта 2022 г. было принято соответствующее Постановление Правительства Российской Федерации «О некоторых вопросах применения требований и целевых значений показателей, связанных с публикационной активностью» [Постановление Правительства РФ 2022]. Первоначально мораторий на учет таких публикаций был установлен до 31 декабря 2022 г., но позднее продлен до конца 2024 г.

Примечателен тот факт, что данный документ не затрагивает сферы трудовых отношений и внутренних систем оценки деятельности научно-педагогических работников. Молчание регулятора в этой части привело к тому, что большинство научных и образовательных организаций сохранили в трудовых договорах с научно-педагогическими работниками среди квалификационных требований наличие публикаций в указанных наукометрических базах данных. Нередко такое решение объясняется необходимостью присутствия российских университетов в международных рейтингах, которые, в свою очередь, используются для оценки публикационной активности. Попутно следует отметить, что наличие таких требований применительно к научно-педагогическим работникам вступает в

противоречие с приказом Минсоцразвития Российской Федерации о квалификационных требованиях к профессорско-преподавательскому составу, что неоднократно подчеркивалось в СМИ и находило преломление в судебной практике.

Таким образом, ограничение на доступ к научно-технической информации в России предполагает решительные шаги со стороны российского правительства по нескольким направлениям:

- поиск альтернативных информационных каналов для доступа российских ученых к зарубежной периодике (например, базы цитирования в государствах Азии на английском языке);
- создание собственной системы оценки публикационной активности российских ученых (к примеру на основе РИНЦ и ее продвижение на международном уровне за счет перевода на иностранные языки);
- отказ от использования зарубежных наукометрических баз для оценки деятельности научных организаций, образовательных учреждений и отдельных ученых;
- совершенно оправдано стремление российских властей в условиях санкций диверсифицировать научно-технические связи с иными, «дружественными» государствами Азии, Африки, Латинской Америки [Юрьевич 2022: 8690].

В качестве меры для продвижения российских научных публикаций могла бы стать государственная финансовая поддержка журналов [Ханин 2022: 69–84], их переводов и распространения. Для издания одного научного журнала требуется порядка 5-10 млн. рублей. В России порядка 1000 научных журналов высокого уровня, и на их поддержку требуется порядка 5 млрд. рублей.

Видится, такая финансовая поддержка позволит конкурировать с зарубежными издательствами на глобальном рынке с точки зрения распространения российских научных статей. В противном случае зарубежные издательства продолжат зарабатывать на российской научной периодике, а многих ученых из России будут вынуждать оплачивать публикации своих статей в зарубежных изданиях.

Литература

Вишневецкая А. База данных Web of Science стала недоступна для российских ученых. 2022. URL: <https://www.gazeta.ru/science/news/2022/05/04/17682794.shtml>

Киреева Н. В. Механизм образования интеграционных связей/Политика и общество. – 2014. – № 1. – С. 61–68.

Михайлов О. В. Феномен «мусорных» журналов как прямое следствие коммерциализации науки / Социология науки и технологий. – 2018. –Т. 9 №2. – С. 56–70.

О некоторых вопросах применения требований и целевых значений показателей, связанных с публикационной активностью: Постановление Правительства РФ от 19.03.2022 №414 / Собрание законодательства РФ. – 28.03.2022. – №13. – ст. 2076.

Пресс-релиз Российской академии наук (РАН) и Pleiades Publishing, Ltd. (PPL). 2019. URL: <https://www.pleiades.online/ru/publishers/news/57/>

Соколов К., Порываева Л. Владелец базы Web of Science объяснил отключение доступа российским вузам. 2022. URL: <https://www.comnews.ru/content/220113/2022-05-05/2022-w18/>

Татишвили Т. М. Индексы научного цитирования и базы данных / Право и современные государства. – 2014. – №3. – С. 5–8.

Ханин Г. И. Российская наука в период санкций в свете проблемы модернизации российской экономики / Управление наукой: теория и практика. – 2022. – Т. 4, № 3. – С. 69–84.

Черныш М. Ф. О текущей ситуации и возможных её последствиях /Управление наукой: теория и практика. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 15–26.

Юревич А. В. Российская социогуманитарная наука в условиях вынужденной изоляции / Управление наукой: теория и практика. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 86–90.

References

Vishnevskaya A. (2022). The Web of Science database has become inaccessible to Russian scientists. Available from: <https://www.gazeta.ru/science/news/2022/05/04/17682794.shtml> (in Russian).

Kireeva, N. V. (2014). Mechanism of formation of integration ties. Politics and Society, 1, 61–68 (in Russian).

Mikhailov, O. V. (2018). The phenomenon of “garbage” journals as a direct consequence of the commercialization of science. Sociology of science and technology, 9(2), 56–70 (in Russian).

On some issues of application of requirements and target values of indicators related to publication activity: Decree of the Government of the Russian Federation of March 19, 2022 No. 414. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2022, 13, 2076 (in Russian).

Press release of the Russian Academy of Sciences (RAN) and Pleiades Publishing, Ltd. (PPL). (2019). Available from: <https://www.pleiades.online/ru/publishers/news/57/> (in Russian).

Sokolov, K., Poryvaeva, L. (2022). The owner of the Web of Science database explained the disabling of access to Russian universities. Available from: <https://www.comnews.ru/content/220113/2022-05-05/2022-w18/> (in Russian).

Tatishvili T. M. (2014). Scientific citation indices and databases. Law and modern states, 3, 5–8 (in Russian).

Khanin, G. I. (2022). Russian science during the period of sanctions in the light of the problem of modernization of the Russian economy. *Science management: theory and practice*, 4(3), 69–84 (in Russian).

Chernysh, M. F. (2022). About the current situation and its possible consequences. *Science management: theory and practice*, 4(2), 15–26 (in Russian).

Yurevich A. V. (2022). Russian socio-humanitarian science in conditions of forced isolation. *Science management: theory and practice*, 4(2), 86–90 (in Russian).

Citation:

Васильев А. А., Печатнова Ю. В. Политико-правовая природа санкционных ограничений в сфере публикационной активности российских ученых // Юрислингвистика. – 2023. – 29. – С. 61-66.

Vasilev A. A., Pechatnova Y. V. (2023) Political and Legal Nature of Sanctions Restrictions in The Field of Publication Activity of Russian Scientists. *Legal Linguistics*, 29, 61-66.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

Основы криминалистической тактики при назначении экспертизы по делам экстремистской направленности в производстве по делам об административных правонарушениях

Е. И. Галяшина¹, К. А. Чернышев²

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская, 9, 125993, Москва, Россия. E-mail: ¹egalyashina@gmail.com,
²mr.kirillch2000@mail.ru

В статье авторы интегрируют положения криминалистической тактики в производство по делам об административных правонарушениях. Несмотря на классическое понимание предмета криминалистики, который предназначен лишь для нужд уголовного судопроизводства, авторы полагают, что положения криминалистики применимы и к иным видам судопроизводства. В качестве примера авторы интегрировали положения криминалистической тактики применительно к назначению экспертиз по делам экстремистской направленности в производстве по делам об административных правонарушениях. На основе анализа Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, законодательства о судебной-экспертной деятельности, актуальной судебной практики и положений науки судебной экспертологии предложен конкретный алгоритм действий для суда, государственных органов и должностных лиц, нуждающихся в специальных знаниях, при отправлении правосудия. Предлагаемый авторами алгоритм действий представляет собой последовательную инструкцию, позволяющую упорядочить деятельность правоприменителя и избежать процессуальных ошибок при назначении и производстве экспертизы.

Ключевые слова: производство по делам об административных правонарушениях, административное правонарушение, административная ответственность, криминалистическая тактика, доказывание, назначение экспертизы, производство экспертизы, лингвистическая экспертиза, экстремизм.

Fundamentals of Forensic Tactics in the Commission of Expertise for Extremism Cases in Proceedings on Administrative Offenses

E. I. Galyashina¹, K. A. Chernyshev²

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrunskaya Str., 9, 125993, Moscow, Russia. E-mail: ¹egalyashina@gmail.com,
²mr.kirillch2000@mail.ru

In the article the authors integrate the provisions of forensic tactics into the proceedings on cases of administrative offenses. Despite the classical understanding of the subject of criminology, which is intended only for the needs of criminal proceedings, the authors believe that the provisions of criminology are applicable to other types of proceedings. As an example, the authors integrated the provisions of forensic tactics in relation to the commission of expertise for extremism cases in the proceedings on administrative offenses. Based on the analysis of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, legislation on forensic expertise, current judicial practice and the provisions of the science of forensic expertise, a specific algorithm of actions is proposed for the court, state authorities and officials in need of special knowledge in the administration of justice. The algorithm of actions proposed by the authors is a consistent manual that allows to organize the work of the law enforcement officer and avoid procedural errors in the commission and performance of expertise.

Key words: proceedings on cases of administrative offenses, administrative offense, administrative responsibility, forensic tactics, proving, commission of expertise, performance of expertise, linguistic expertise, extremism.

Одним из средств доказывания по делу об административном правонарушении является экспертиза, по результатам проведения которой лицо, в производстве которого находится дело, получает доказательство – заключение эксперта.

Для успешного привлечения виновных лиц к административной ответственности необходимо не только следовать букве закона, но и руководствоваться положениями криминалистической тактики. Ученые традиционно рассматривают криминалистику как науку о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных методах и средствах судебного исследования и предотвращения преступлений. Такого же мнения придерживается профессор И. А. Возгрин, который, предлагая собственное определение криминалистики, указывает, что ее предназначение ограничено разработкой эффективных средств, приемов и методов судебного разрешения уголовных дел. Однако, как верно пишет М. В. Жижина, «общие закономерности судебного доказывания, имеющие интеграционный надотраслевой характер, при определении объекта криминалистической деятельности позволяют абстрагироваться от особенностей отраслевой процессуальной регламентации и говорить о возможности использования криминалистических средств в любом другом доказательственном процессе». А. М. Кустов высказывает мнение, что криминалистика в настоящее время перешла в новое качество и трансформировалась в систему универсальной науки. Криминалистически значимая информация широко используется не только в прокурорском надзоре и судебном производстве, но и в хозяйственной деятельности при анализе условий договора и ценных бумаг. Н. Ю. Лебедев приходит к выводу о необходимости корректировки предмета криминалистики и его расширения за счет познания всех видов противоправных деяний: преступлений, гражданско-правовых, административных и иных проступков. Таким образом, положения криминалистической тактики могут быть интегрированы в любой другой процесс, в том числе производство по делам об административных правонарушениях. Мы полагаем, что положения криминалистической тактики могут и должны применяться во всех видах судопроизводства ввиду идентичной сущности некоторых процессуальных действий, в частности судебной экспертизы.

Как и в уголовном процессе, границы экспертизы очерчены процессуальными нормами, которые закрепляют правила производства процессуальных действий. В случае назначения экспертизы в производстве по делам об административных правонарушениях ключевыми нормативными правовыми актами являются «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ, «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) и специальный закон о судебно-экспертной деятельности – федеральный закон от 31 мая 2001 года N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности».

Согласно статье 24.1 КоАП РФ задачами производства по делам об административных правонарушениях являются всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, а также выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений. Сложность при реализации вышеуказанных задач возникает, когда деликт выражен в речевом правонарушении. Е. С. Кара-Мурза верно отмечает, что при исследовании сложных речевых продуктов со скрытыми смыслами и манипулятивными приемами «юридических знаний недостаточно для адекватного истолкования тонкостей коммуникативного взаимодействия или текстовой организации». Неуклонно растет и количество составов административных правонарушений в КоАП РФ, по которым может быть назначена экспертиза. Однако не в каждом случае назначение экспертизы является необходимым. В проведении экспертизы откажут, если для установления виновности лица в совершении административного правонарушения специальных познаний не требуется (постановление Московского городского суда от 29.11.2019 по делу N 4а-6610/2019, решение Московского городского суда N 7-14014/2019).

К экстремистским составам в настоящее время можно отнести: ст. 20.3 КоАП РФ «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами», ст. 20.3.1 КоАП РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ст. 20.3.2 КоАП РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации», ст. 20.29 КоАП РФ «Производство и распространение экстремистских материалов». В соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 28.3 КоАП РФ дела по статье 20.3 КоАП РФ возбуждаются должностными лицами органов внутренних дел (полиции). В соответствии с частью 1 статьи 28.4 КоАП РФ дела по остальным составам возбуждаются прокурором, а рассматриваются судьями районных судов согласно части 3 статьи 23.1 КоАП РФ. Согласно официальному portalу судов общей юрисдикции города Москвы в 2022 году в районные суды города Москвы поступило 130 дел об административных правонарушениях по статье 20.29 КоАП РФ, по статье 20.3 КоАП РФ – 212 дел, по статье 20.3.1 – 81 дело.

Экспертиза может быть назначена на любой стадии производства по делу об административном правонарушении: прокурором и сотрудниками полиции – после возбуждения дела об административном правонарушении при проведении административного расследования (ч.1 ст.28.7 КоАП РФ); судьей – при подготовке к рассмотрению дела об административном правонарушении (п.2 ч.1 ст.29.4 КоАП РФ), на стадии рассмотрения дела об административном

правонарушении (подп. «в» п.7 ч.1 ст.29.7 КоАП РФ), на стадии обжалования постановления о назначении административного наказания и/или решений по жалобам (п.2 ч.1 ст.30.4 КоАП РФ).

Учитывая, что производство экспертизы – процессуальное действие, требующее значительных временных затрат, а временные пределы деятельности органов государственной власти ограничены сроками давности привлечения к административной ответственности, которые в силу части 1 статьи 4.5 КоАП РФ составляют 1 год со дня совершения правонарушения по статьям 20.3.1, 20.3.2. КоАП РФ и 3 месяца по статьям 20.3, 20.29 КоАП РФ, то правоприменителю при необходимости применения специальных знаний следует назначать экспертизу в максимально короткий срок. Ю. П. Кузякин отмечает, что экспертизу предпочтительнее назначать до начала рассмотрения дела, иной подход будет означать затягивание сроков его рассмотрения. Отметим, что в силу части 5 статьи 4.5 КоАП РФ единственным основанием для приостановления течения срока давности привлечения к административной ответственности является удовлетворение ходатайства о рассмотрении дела по месту жительства лица, в отношении которого ведется производство по делу. Иными словами, назначение экспертизы даже на стадии подготовки к рассмотрению дела об административном правонарушении не прерывает течение срока давности, который по общему правилу исчисляется со дня совершения правонарушения. В существующих реалиях производство экспертизы может длиться более 4-6 месяцев, что позволит избежать ответственности лицу, совершившему административное правонарушение по статьям 20.3, 20.29 КоАП РФ, поскольку срок давности привлечения к ответственности по этим статьям составляет всего 3 месяца. Именно поэтому назначать экспертизу нужно в максимально короткий срок с момента принятия решения о ее необходимости, без привязки к конкретной стадии процесса.

При этом по делу может быть назначена как одна экспертиза, в том числе комплексная, так и несколько однородных экспертиз. И хотя в КоАП РФ не указывается на возможность назначения комплексной, комиссионной, дополнительной и повторной экспертизы, в науке судебной экспертологии сложилось мнение, что назначение данных экспертиз возможно на общих основаниях, предусмотренных ст. 26.4 КоАП РФ.

Вид необходимой экспертизы определяется исходя из обстоятельств, входящих в предмет доказывания, установление которых невозможно иными доказательствами, то есть без применения специальных знаний. Для установления содержательной стороны речевого продукта, лингвистических признаков угрозы, призыва, пропаганды, возбуждения ненависти и вражды требуется назначение лингвистической экспертизы, для установления авторства текста требуется автороведческая экспертиза. Если правонарушение совершено с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, и лицом, привлекаемым к административной ответственности, указывается на отсутствие возможности подключения к сети Интернет либо использования конкретного технического средства, а равно если есть сомнения в подлинности объекта, например, видеодиаграмма имеет признаки внесения изменений, то целесообразно назначить компьютерно-техническую или видеотехническую экспертизу соответственно. Отметим, что особое место при расследовании административных правонарушений экстремистского характера как речевых правонарушений занимает лингвистическая экспертиза, поскольку благодаря специальным лингвистическим знаниям решается задача установления значений языковых единиц, выявление и экспликация смысла текста, а затем установления признаков конкретного запрещенного речевого действия. Лингвистическую экспертизу мы определяем как процессуально регламентированное исследование устного высказывания, речевого оборота, письменного текста, завершающееся дачей письменного заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных экспертно-лингвистических знаний. К производству лингвистической экспертизы следует привлекать лиц, обладающих специальными знаниями в разных областях, в том числе психологов, историков, религиоведов, антропологов, философов, политологов и др. При исследовании экстремистского текста с исторической тематикой историк нужен для выявления исторических неточностей, ложных исторических фактов, с помощью которых, например, оправдывается нацизм. Если текст представлен речевым актом призыва, лозунга, просьбы, то специальные знания психолога помогут установить его степень и характер воздействия на адресата. Экстремистская идеология основана на множестве философских учений, поэтому эксперт-философ будет необходим, если спорный текст затрагивает аспекты философии.

Ранее мы отметили, что не в любом деле существует необходимость в назначении экспертизы. Назначение экспертизы необходимо лишь в случае, когда речевой продукт требует применения специальных лингвистических знаний, вызывает сложность оценки правоприменителем, например, насыщен художественными приемами, неологизмами, оценочными коннотациями и ассоциациями. Наша позиция подтверждается сложившейся судебной практикой. Суды не назначают судебную экспертизу в случаях, когда состав экстремистского правонарушения очевиден и доказан другими доказательствами по делу. К таким случаям относятся демонстрация в сети Интернет изображений немецкой свастики и герба нацистской Германии в виде черного орла, флага запрещенной террористической организации «ИГИЛ», логотипа признанной экстремистской организацией «ФБК» и т. д.

Перед вынесением определения о назначении экспертизы лицо, в компетенцию которого входит назначение экспертизы, должно определить организацию или физическое лицо, которым будет поручено производство экспертизы. В соответствии со статьей 41 федерального закона от 31 мая 2001 года N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» производство лингвистической экспертизы может быть поручено государственным судебно-экспертным учреждениям (к таковым в настоящее время относятся учреждения Следственного комитета РФ, МВД РФ, ФСБ РФ, Минюста РФ), негосударственным судебно-экспертным учреждениям и частным экспертам. Выбор исполнителя экспертизы необходимо осуществлять с учетом мнения участников производства по делу об административном правонарушении, исходя из конкретных обстоятельств дела. Так, производство экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении потребует гораздо больше времени,

чем в негосударственном, но гарантирует наличие у эксперта сертифицированного оборудования и апробированных экспертных методик, чего не скажешь о частных экспертных организациях. Каждое государственное судебно-экспертное учреждение руководствуется ведомственными актами соответствующего органа власти, структурной единицей которого оно является. Например, Министерством внутренних дел Российской Федерации издан приказ МВД России от 09.01.2013 № 2 «Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России», которым утверждено Положение об аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз и о порядке пересмотра уровня их квалификации в системе министерства внутренних дел Российской Федерации. Данное Положение регулирует вопросы аттестации и пересмотра уровня квалификации судебных экспертов МВД РФ, порядка создания и функционирования экспертно-квалификационных комиссий. Приказом МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» утверждена соответствующая Инструкция, регламентирующая права, обязанности, ответственность эксперта и руководителя судебно-экспертного учреждения, порядок приема материалов экспертизы и их выдачи органу, назначившему экспертизу, особенности производства экспертиз, в том числе повторных и дополнительных, а также иные вопросы. Что касается методического обеспечения экспертов экспертно-криминалистического центра МВД РФ, то можно назвать типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Преимущество методик состоит в том, что они содержат научные и допустимые методы исследования, которыми должен руководствоваться эксперт, при этом методы расположены в определенном порядке, соответствующем ходу экспертного исследования. Но самое главное достоинство методики заключается в дескрипции правил принятия решения.

Объектами лингвистической экспертизы являются тексты, представляющие собой объединенную смысловой связью последовательность знаковых единиц, реализованные в конкретной ситуации и зафиксированные на материальном носителе. Речевой продукт, распространенный в сети Интернет (комментарий на сайте, пост в социальной сети, креализованный стикер либо изображение и т. д.), может быть зафиксирован в материальном виде двумя способами: переведен в печатную форму путем распечатывания интернет-страницы, скриншота экрана либо сохранен в виде цифрового файла на съемном носителе (CD, DVD-диск, флеш-накопитель). Развитие информационных технологий обеспечивает больше возможностей для совершения правонарушений в сети Интернет. Объектами экспертизы становятся не только креализованные тексты, состоящие из двух компонентов – вербального и невербального (изображения), но и тексты поликодовые. Поликодовые тексты могут содержать в себе более двух компонентов: рисунок, гипертекст, фотоизображение, графику, видео, звук, анимацию. Здесь речь идет об исследовании переписки в социальных сетях, интернет-страницах, блогах, форумах, аудио-визуальных продуктов, как созданных заранее и размещенных в сети Интернет, так и вещаемых на стриминговых площадках в онлайн-режиме. Таким образом, понятие «поликодовый текст» шире понятия «креализованный текст». Поликодовый текст может состоять из любого количества кодов, в то время как креализованный – только из двух.

При поручении частному эксперту экспертизы, особенно компьютерно-технической и видеотехнической, необходимо учитывать его материально-техническое обеспечение: наличие специальных технических средств, лицензионного программного обеспечения, лицензионных компьютерных программ и уровень владения компьютерными технологиями. Все вышперечисленное необходимо не только для проведения исследования, но и для обеспечения экспертом неизменности объектов исследования путем фиксации контрольной суммы хэш-файла. Использование нелицензионного программного обеспечения влечет признание экспертизы недопустимым доказательством. При исследовании цифрового файла в описательной части экспертного заключения эксперту потребуется указать характеристики файла, параметры съемного носителя и иные сведения.

В некоторых делах проведение экспертизы является незаменимым средством доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях. При сложности речевого продукта без экспертного исследования на базе специальных научных знаний крайне затруднительно выявить возбуждение ненависти и вражды по отношению к какой-либо социальной группе. Любое доказательство по делу, в том числе заключение эксперта, необходимо для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, определенный статьей 26.1 КоАП РФ. Предназначение экспертизы по делам об административных правонарушениях экстремистской направленности заключается в установлении наличия (отсутствия) события административного правонарушения, субъекта правонарушения, иных обстоятельств дела. Для этого лицо, назначающее экспертизу, должно поставить перед экспертом вопросы согласно пункту 3 части 2 статьи 26.4 КоАП РФ. Именно от корректности и тематической направленности вопросов зависит полнота и всесторонность экспертного исследования. При этом законом запрещена постановка вопросов, которые выходят за пределы специальных познаний эксперта (часть 3 статьи 26.4 КоАП РФ). Данная ошибка является двухгранной: правоприменитель может поставить вопросы, которые вообще не требуют специальных знаний – то есть правовые вопросы, например: «Являются ли представленные на экспертизу материалы экстремистскими?», «Содержит ли представленный на исследование текст публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации?» и т. д. Вышеназванный запрет закреплен в абзаце 2 пункта 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 (в редакции от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Несмотря на то, что вышеназванное постановление обобщает судебную практику в области уголовного судопроизводства, данное правило в полной мере применимо при назначении судебных лингвистических экспертиз по делам об административных правонарушениях экстремистской направленности, поскольку объективные стороны составов административных правонарушений и преступлений тождественны (ст. 20.3 КоАП РФ

и ст. 282.4 УК РФ; ст.20.3.1 КоАП РФ и ст.282 УК РФ; ст.20.3.2 КоАП РФ и ст. 280.1 УК РФ), за исключением того, что к уголовной ответственности привлекается лицо, ранее совершившее аналогичное деяние и понесшее административное наказание, что подтверждает ранее выдвинутый нами тезис об идентичной сущности судебной экспертизы как процессуального действия вне зависимости от вида судопроизводства. С другой стороны, эксперту могут быть поставлены вопросы, требующие специальных знаний из другой области. Например, при назначении лингвистической экспертизы эксперту поставят вопрос об авторе текста. В таком случае следует назначить автороведческую экспертизу, а не лингвистическую.

В соответствии с пунктом 4 части 2 статьи 26.4 КоАП РФ в определении о назначении экспертизы указывается перечень материалов, предоставляемых в распоряжение эксперта. Согласно пункту 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 №5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ» обязанность по сбору необходимых для производства экспертизы материалов возложена на судей, так как эксперту статьей 25.9 КоАП РФ не предоставлено право истребовать доказательства. Кроме определения о назначении экспертизы и спорного речевого продукта, в распоряжение эксперта целесообразно предоставить объяснения лица, в отношении которого ведется производство по делу, объяснения потерпевшего или свидетелей (при наличии), поскольку в указанных процессуальных документах могут содержаться необходимые для эксперта сведения, например, описание коммуникативной ситуации, в которой порожден спорный речевой продукт, цель дискурса, речевые высказывания, предшествующие спорному речевому продукту. Данные обстоятельства важны для лингвистического анализа, что впоследствии может отразиться на квалификации деяния. При назначении повторной лингвистической экспертизы в распоряжение эксперта необходимо предоставить заключение первичной экспертизы, а также все материалы дела, которыми обладал предыдущий эксперт. Если экспертиза назначена для решения идентификационной задачи – установления автора текста, то для производства экспертизы судья, орган, должностное лицо должны отобрать сравнительные образцы по правилам статьи 26.5 КоАП РФ.

После совершения всех вышеописанных действий должностное лицо либо суд выносят определение о назначении лингвистической экспертизы. Такое определение может быть вынесено также на основании ходатайства лица, которое привлекается к административной ответственности, потерпевшего, прокурора и защитника согласно пункту 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 №5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ».

Таким образом, можно сформулировать следующий алгоритм действий при назначении экспертизы по делу об административном правонарушении экстремистской направленности:

1. Определить, имеется ли необходимость в производстве экспертизы, исходя из имеющегося речевого продукта, предмета доказывания и других доказательств по делу.
2. Установив необходимость проведения экспертизы, определить вид экспертизы, их количество и очередность проведения.
3. Отобрать сравнительные образцы, если это необходимо для производства экспертизы.
4. Выбрать эксперта или экспертную организацию, которой будет поручено производство экспертизы.
5. Зафиксировать спорный речевой продукт на определенном материальном носителе с учетом технических возможностей эксперта в зависимости от выбранного эксперта, экспертной организации и вида экспертизы.
6. Учитывая предмет доказывания, сформулировать перечень вопросов эксперту, предварительно убедившись, что поставленные вопросы не относятся к компетенции правоприменителя и требуют применения соответствующих специальных знаний.
7. На основании криминалистического анализа имеющихся материалов дела определить перечень материалов, которые необходимо предоставить в распоряжение эксперта для обеспечения полноты и всесторонности исследования.
8. Вынести определение о назначении экспертизы согласно самостоятельно принятому решению либо путем удовлетворения заявленного участником производства по делу ходатайства о проведении судебной экспертизы.

Литература

- Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник. М., 2023. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1898960>. – Режим доступа: по подписке.
- Возгрин И. А. Объект, предмет и понятие криминалистики / Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 4(8). – С. 66-75.
- Галяшина Е. И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М., 2006 г.
- Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Судебная лингвистическая экспертиза материалов экстремистско-террористической направленности: квалификация и компетенции судебного эксперта-речевода / Актуальные проблемы российского права. 2018;(4):130-139. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.89.4.130-139>.
- Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М., 2021.
- Жижина М. В. Экстенсивное развитие науки криминалистики на современном этапе / Криминалистика: наука, практика, опыт : Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 23 июня 2022 года. М., 2022. – С. 42-47.

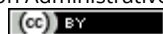
- Кара-Мурза Е. С.* Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики / Политическая лингвистика. – 2009. – № 1(27). – С. 47-71.
- Колоколов Н. А.* Настольная книга мирового судьи: рассмотрение дел об административных правонарушениях: научно-практическое пособие. М., 2009.
- Кузякин Ю. П., Россинская Е. Р.* Проблемы совершенствования правового регулирования производства судебных экспертиз по делам об административных правонарушениях // Журнал российского права. – 2005. – № 10(106). – С. 45-57.
- Кустов А. М.* Совершенствование предмета и объектов криминалистики / А. М. Кустов / Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. – № 4(14). – С. 137-140.
- Лебедев Н. Ю., Чеснокова Е. В.* О подходах к предмету криминалистики и теории судебной экспертизы (судебной экспертологии) / Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 36. – С. 70-82. – DOI 10.17223/22253513/36/7.
- Россинская Е. Р., Галяшина Е. И.* Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М., 2021.
- Россинская Е. Р., Галяшина Е. И.* Судебная экспертиза. Сборник нормативных правовых актов. М., 2021.
- Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. М., 2018.
- Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза: типичные ошибки. М., 2019.

References

- Averyanova, T. V. (2023) Criminalistics : textbook / T. V. Averyanova, R. S. Belkin, Yu. G. Korukhov, E. R. Rossinskaya. — 4th ed., reprint. and add. — Moscow, 928 (in Russian).
- Vozgrin, I. A. (2000) Object, subject and concept of criminalistics / I. A. Vozgrin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 4(8), 66-75 (in Russian).
- Galyashina, E.I. (2006) Linguistics vs extremism: To help judges, investigators, experts / Edited by prof. M.V.Gorbanevsky., 96 (in Russian).
- Galyashina, E.I., Nikishin, V.D. (2018) Forensic linguistic examination of extremist-terrorist materials: qualification and competence of a speech expert. Actual problems of Russian law, 130-139 (in Russian).
- Galyashina, E.I. (2021) Forensic linguistic expertise: textbook. – Moscow, 424 (in Russian).
- Zhizhina, M. V. (2022) Extensive development of the science of criminalistics at the present stage / M. V. Zhizhina / Criminalistics: science, practice, experience : Collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, June 23, 42-47 (in Russian).
- Kara-Murza, E. S. (2009) Linguistic expertise as a procedure of political linguistics / E. S. Kara-Murza / Political linguistics. – № 1(27), 47-71 (in Russian).
- Kolokolov, N.A. (2009) Table book of a justice of the peace: consideration of cases of administrative offenses: a scientific and practical guide, 117 (in Russian).
- Kuzyakin, Yu. P. (2005) Problems of improving the legal regulation of the production of forensic examinations in cases of administrative offenses / Yu. P. Kuzyakin, E. R. Rossinskaya / Journal Russian law. № 10(106), 45-57 (in Russian).
- Kustov, A.M. (2016) Improvement of the subject and objects of criminalistics / A.M. Kustov // Investigation of crimes: problems and ways to solve them. – № 4(14), 137-140 (in Russian).
- Lebedev, N. Yu. (2020) On approaches to the subject of criminalistics and the theory of forensic examination (forensic expert science) / N. Yu. Lebedev, E. V. Chesnokova // Bulletin of Tomsk State University. Pravo, 70-82 (in Russian).
- Rossinskaya, E. R., Galyashina, E.I. (2021) Judge's handbook: forensic examination, 19 (in Russian).
- Rossinskaya, E.R., Galyashina, E.I. (2021) Forensic examination. Collection of normative legal acts / author-comp. E.R. Rossinskaya, E.I. Galyashina. – 2nd ed., reprint. and additional, 336 (in Russian).
- Rossinskaya, E.R. (2018) Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: monograph. 4th ed., 178 (in Russian).
- Rossinskaya, E.R. (2019) Forensic examination: typical errors / ed. by E.R. Rossinskaya, 10 (in Russian).

Citation:

- Галяшина Е. И., Чернышев К. А. Основы криминалистической тактики при назначении экспертизы по делам экстремистской направленности в производстве по делам об административных правонарушениях // Юрислингвистика. – 2023. – 29. – С. 67-72.
- Galyashina E. I., Lonshakova K. A. (2023) Fundamentals of Forensic Tactics in the Commission of Expertise for Extremism Cases in Proceedings on Administrative Offenses. Legal Linguistics, 29, 67-72.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Классификация типичных задач судебной лингвистической экспертизы

Е. В. Новожилова

*Российский государственный гуманитарный университет
Миусская пл., 6, 125997, Москва, Россия. E-mail: elena.v.novozhilova@yandex.ru*

Самая большая проблема в теории судебной лингвистической экспертизы – отсутствие единой классификации экспертных задач. Поскольку понятие экспертной задачи предшествует понятиям метода и методики, то очевидно, что без упорядочения задач невозможно дальнейшее теоретическое осмысление этой предметной области.

Цель статьи – теоретическая ревизия данной темы. Приводятся определения понятия «экспертная задача», перечисляются общие для всех родов и видов судебных экспертиз основания классификации задач. Затем рассматриваются те варианты классификации, которые можно найти в современных методических и учебных пособиях по лингвистической экспертизе («Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе» РФЦСЭ при Минюсте России, учебник Е. И. Галяшиной, методическое пособие ЭКЦ МВД России). Эти варианты оцениваются с точки зрения логики и с точки зрения соответствия криминалистической и филологической научной основе. Делается вывод о пригодности одних и непригодности других вариантов: целесообразно пользоваться классификацией, предложенной ЭКЦ МВД России (задачи на денотативный, оценочный, иллокутивный и экстралингвистический компонент речевого объекта). Также делается вывод о непродуктивности деления по материально-правовому основанию (задачи по делам об экстремизме, по делам о клевете, по делам, связанным с расследованием коррупционных преступлений, и т. п.), так как подобное понимание экспертных задач приводит к систематическому выходу эксперта-лингвиста за пределы его собственной компетенции в сферу права и навязывает ему роль сведущего следователя.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, юрислингвистика, экспертная задача, классификация.

Classification of Typical Tasks of Forensic Linguistics

E. V. Novozhilova

*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, Russia. E-mail: elena.v.novozhilova@yandex.ru*

The main problem in forensic linguistic theory is the lack of an agreeable classification of expert tasks. Since the concept of expert task precedes concepts of method and methodology, it is clear that without regularizing tasks, further theoretical understanding of this subject area is impossible.

The purpose of our article is a theoretical revision of this topic. Definitions of the term "expert task" are specified, and bases for classifying tasks common to all kinds and types of forensic examination are listed. We've checked classification options found in modern methodological and teaching publications on forensic linguistics in Russian ("Semantic Research in Forensic Linguistic Expertise" by RFCFS of the Russian Ministry of Justice, textbook by prof. Elena Galyashina, manual by ECC of the Russian Ministry of Internal Affairs). We've evaluated their logical correctness and compliance with the criminalistic and philological scientific basis. The conclusion is made about the suitability of some and unsuitability of other options: it is better to use the classification proposed by ECC of the Russian Ministry of Internal Affairs (tasks on denotative, evaluative, illocutionary, and extralinguistic components of a speech object). We've also concluded that it is unproductive to classify forensic linguistic tasks on a substantive law basis (tasks in cases of extremism, cases of libel, cases of corruption crimes, etc.). Such an understanding of expert tasks leads to systematic work outside of expert competence, in the field of law: an expert linguist plays the role of a competent investigation officer.

Key words: forensic linguistics, forensic speech examination, expert task, classification.

В общей теории судебной экспертизы (судебной экспертологии) задача определяется как деятельность, направленная на «преобразование потенциальной доказательственной информации», которая содержится в исследуемых объектах и материалах, «в актуальную доказательственную информацию» [Зинин 2002: 24]. Как нам представляется, деятельность – это все-таки ход решения экспертной задачи, сама же она показывает необходимость такой деятельности. Данное определение связывает задачу с одной из двух эмпирических категорий – исследуемым объектом.

Еще одно определение связывает экспертную задачу со второй эмпирической категорией – вопросом, который ставится на разрешение эксперта: «задача есть научно обобщенное объяснение смысла наиболее типичных вопросов» [Зинин 2002: 25]. Понятия вопроса и задачи соотносятся друг с другом так же, как, например, действующее лицо и функция действующего лица в «Морфологии сказки» В. Я. Проппа: вопросов эксперту может быть бесконечно много, но круг экспертных задач ограничен.

Экспертная задача – это теоретическое понятие. В любой разновидности судебной экспертизы задачи классифицируются по четырем основаниям – по степени общности, по искомому, по условию и по значению устанавливаемых фактов. Первое основание отражает типологию самих экспертиз: задачи рода называются общими, задачи вида – типичными, задачи каждого конкретного исследования – конкретными [Россинская 2016: 88]. Классификация по второму основанию – по искомому – происходит из материнских криминалистических наук, благодаря чему судебная экспертиза сохраняет свою криминалистическую суть: задачи делятся на несколько видов, главные из которых идентификационные и диагностические [Зинин 2002: 26], [Аверьянова 2015: 164-175]. Классификация по условию связана с конкретными условиями каждой конкретной задачи и с теми объектами и вопросами, которые получил эксперт: здесь проявляются различия между уровнями типичного и конкретного, и задачи делятся на стандартные и эвристические [Зинин 2002: 26-27] (возможна и более сложная градация [Красса 2012]). И, наконец, по значению устанавливаемых в процессе исследования фактов – относительно общей цели экспертизы – задачи могут быть конечными, промежуточными и вспомогательными [Моисеева 2016: 32].

Рассмотрим классификацию типичных лингвоэкспертных задач. Поскольку общее «древо» типологии судебных экспертиз живое и подвижное, необходимо пояснить, что под типичными здесь подразумеваются все среднеуровневые лингвистические задачи: более высокого уровня, чем конкретные, и более низкого, чем общеродовая задача судебной лингвистической экспертизы.

Общекспертные основания для классификации не помогают упорядочить все разнообразие конкретных задач, которые рождает практика. А материально-правовое и прежде всего уголовно-правовое деление (задачи по делам об экстремизме, по делам о клевете, по делам, связанным с расследованием коррупционных правонарушений, и т. п.) не способствует пониманию сути экспертных задач и лишено системности, поскольку уголовное право не является материнской наукой для судебной экспертизы.

Важнейший источник обновления судебно-экспертной теории – это рутинная практика и основанные на ней методические наработки. Поэтому нам следует рассмотреть рамочные методические и учебные пособия по лингвистической экспертизе, где затрагивается тема экспертных задач.

В предисловии к методическому изданию РФЦСЭ «Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе» авторы ссылаются на суждения наиболее авторитетных коллег – А. Н. Баранова о том, что «все методы лингвоэкспертного исследования сводимы к процедуре синонимических преобразований», и О. В. Кукушкиной о том, что «базой современной методологии лингвистической экспертизы <является> семантический подход» [Плотникова 2018: 6-7]. Лингвисты РФЦСЭ констатируют, что отрасль в целом развивается по «семантическому вектору», и считают необходимым сохранить единый семантический подход – с учетом того, что «экспертные задачи всегда ситуативно обусловлены и требуют привлечения широкого спектра разнообразных технологий».

Затем указываются «родовой предмет судебной лингвистической экспертизы» – «установление имеющих значение для уголовного, гражданского, арбитражного дела либо дела об административных правонарушениях фактов (фактических данных) путем исследования продуктов речевой деятельности» – и «видовой предмет», «т. е. предмет семантических экспертных исследований» – «установление имеющих значение для уголовного, гражданского, арбитражного дела либо дела об административных правонарушениях фактов (фактических данных) путем исследования семантического аспекта продуктов речевой деятельности» [Плотникова 2018: 23]. В соответствии с этим делением семантические исследования – это вид лингвистической экспертизы; поскольку иные виды авторы не называют, то он оказывается единственным. Тогда лингвистическая экспертиза – это и есть семантические исследования (подобная ошибка называется подменой тезиса).

Авторы продолжают: «Предмет экспертизы очерчивает основные (типовые) экспертные задачи», которые могут быть четырех разновидностей:

«I. Выявление значения (смысла) единиц различных уровней: слова, словосочетания, предложения (высказывания), текста.

II. Установление наличия/отсутствия в тексте информации определенного типа/содержания.

III. Выявление значения/формы выражения значения и отнесение их к определенному классу.

IV. Установление степени адекватности передачи в одном тексте смысла другого текста (семантическое сравнение речевых произведений)» [Плотникова 2018: 23].

Описание задач I и II частично совпадает: «выявление информации о лице / организации / группе лиц / предмете» и «содержится ли в тексте информация о группах лиц, выделяемых по определенному признаку, о насильственных, дискриминационных, разрушительных действиях, о лице, замещающем государственную должность» – это одна и та

же диагностическая задача семантического характера. Объясняя, в чем заключается принципиальное отличие I от II [Плотникова 2018: 25], авторы говорят, что II кроме собственно установления искомого значения предполагает еще и анализ «с точки зрения его соответствия/несоответствия, с одной стороны, интересующей судебно-следственные органы информации» (то есть выход эксперта за пределы собственной компетенции в сферу права), «с другой стороны, информации, важной с точки зрения решения определенной экспертной задачи» (логическая ошибка *idem per idem*).

Описание задачи III вызывает сомнения в правильности ее обособления как классификационно-диагностической семантической задачи. Во-первых, «юридически значимые языковые формы или значения» [Плотникова 2018: 26] выявляются при решении не только этой, но и вообще любых конечных лингвоэкспертных задач – ведь без юридического значения выводы эксперта неотносимы и бесполезны. Во-вторых, в семантическом исследовании нельзя выявить побуждение (это категория из иной области языкознания – лингвистической прагматики), и тем более в решении семантической задачи не может участвовать эксперт-психолог. В-третьих, диагностирующие объекты в экспертизе всегда должны быть «заведомо не связанными с событием преступления» [Зинин 2002: 124] – здесь же, напротив, подчеркивается, что они «лежат в основе коммуникативных/речевых действий, соотносимых с определенными аспектами объективной стороны так называемых “речевых” преступлений и правонарушений» [Плотникова 2018: 26]. В-четвертых, здесь, по-видимому, совпадают понятия диагностирующего объекта и класса, к которому устанавливается принадлежность диагностируемых объектов. То есть логическая и криминалистическая суть этой задачи иная.

Из описания задачи IV явствует, что это не диагностическая, а идентификационная задача, потому что «при исследовании текстов на предмет плагиата», «созданных в одну и ту же дату протоколов» (копипасты), публикаций, которые, будучи внесены в Федеральный список экстремистских материалов, «воспроизводятся вновь путем трансформации» [Плотникова 2018: 27], правоприменителя интересует не семантическая «степень адекватности», а установление или исключение тождества таких объектов. Тождество – общая категория судебно-экспертной и криминалистической идентификации, и какие бы возражения ни высказывали эксперты-лингвисты [Бельская 2014: 7], упразднить ее нельзя. А постановка вопроса о тождестве текста (по выражению Н. Д. Голева, о «речевом воровстве» [Голев 2002]) вызывает сомнения в принадлежности данной задачи не только к семантическим исследованиям, но и к лингвистической экспертизе как таковой.

Эта попытка классификации типичных лингвоэкспертных задач не является удачной – деление логически противоречиво, не полностью соответствует криминалистической основе судебной экспертизы, его нельзя экстраполировать на все возможные варианты типичных и конкретных задач. Однако выделение задач на экспликацию значений (I) и поисковых задач (II) представляется правильным и важным для дальнейшей классификационной работы.

В учебнике Е. И. Галяшиной «Судебная лингвистическая экспертиза» приводится общеэкспертная классификация задач, в том числе по степени общности. Затем указываются общие задачи лингвистической экспертизы:

- «– установление значений языковых единиц, выявление и экспликация смысла высказывания или текста;
- установление объема и содержания понятия, выражаемого словом, словосочетанием;
- установление степени адекватности передачи в одном тексте смысла другого текста;
- установление характеристик обозначений (наименований), их тождества или различия, степени сходства»

[Галяшина 2021: 78].

Это уже известные нам семантические задачи I и IV, «повышенные» до родовых, причем задача I дублируется. Из перечня задач этого уровня исчезли поисковые (II) и «классификационные» (III). Последний же пункт относится к нейминговой экспертизе, которая может мыслиться или как часть лингвистической экспертизы, или как отдельный род; от этого зависит и упорядочение нейминговых задач, поэтому сейчас, в разговоре о лингвистической экспертизе, мы не будем останавливаться на этом подробно.

Типичные задачи автор предлагает классифицировать по «предметным видам». Это двухступенчатое деление, и верхняя его ступень правовая: «по делам о диффамации (клевете, защите чести, достоинства и деловой репутации): выявление негативной информации о лице/организации, установление формы выражения данной информации; по делам об экстремизме: выявление экстремистского значения, определение его речевого репрезентанта» и т. д. А на нижней ступени появляются задачи, не предусмотренные общеродовым перечнем: это и выявление информации определенного вида (поисковая задача – II по нумерации РФЦСЭ), и установление ее формы. В целом такая система типичных задач не имеет связи с родовыми.

Далее предлагается еще одна классификация типичных задач – основанная на общеэкспертном делении по искомому: классификационно-диагностические, собственно диагностические, ситуационно-обстановочные диагностические и идентификационные задачи [Галяшина 2021: 79].

Описание классификационно-диагностических задач совпадает с задачей III по нумерации РФЦСЭ и так же, как и в случае РФЦСЭ, вызывает сомнения в правильности обособления данных задач – установления «характеристик (свойств) объекта для отнесения его к общепринятому классу». Во-первых, эта процедура логически непротиворечива: здесь, по-видимому, совпадают понятия диагностирующего объекта и класса, к которому устанавливается принадлежность диагностируемых объектов. Во-вторых, такие классы – «экстремистские», «порочащие», «оскорбительные» значения – отнюдь не общеприняты: они не существуют как категории филологических наук, не

имеют единого понимания и в пределах общеизвестных знаний, и даже в самой лингвистической экспертизе (отсюда и написание в кавычках). В-третьих, любую диагностическую экспертную задачу можно представить как классификационную: по каждому признаку можно обособить два класса объектов – те, которые этим признаком обладают, и те, которые не обладают.

Описание собственно диагностических задач – как задач на «установление состояния объекта» – не вполне корректно криминалистически: «установление смысла текстовых единиц, значения языковых единиц, их стилистических характеристик» – это диагностика свойств объекта, а не его состояния, поскольку объекты лингвистической экспертизы неизменны, у них нет такого атрибута, как состояние.

Описание ситуационно-обстановочных диагностических задач, направленных «на реконструкцию внешней обстановки события», требует уточнения – что именно можно считать событием. Если это сама речь, то ее адресация не является внешним по отношению к ней явлением, и, соответственно, задача по определению адресации не будет «реконструкцией внешней обстановки события».

Описание идентификационных задач сближается с задачей IV по нумерации РФЦСЭ, но в отличие от нее здесь признается идентификационная суть исследования: «установление тождества или различия, ассоциативно-образной идентичности противопоставленных обозначений, определение степени ассоциативного, семантического, фонетического, графического сходства обозначений (наименований), сходства/различия смыслового содержания сравниваемых текстов и их единиц». Однако тут также необходимо уточнение. Результатом криминалистической и экспертной идентификации может быть только установление индивидуально-конкретного тождества объектов, их групповой принадлежности или отсутствия тождества (дифференциация). В этой процедуре нельзя установить ни «степень сходства» объектов, ни их «идентичность» по какому-либо отдельному признаку: подобные задачи идентификационными не являются.

На общей схеме классификации задач [Галяшина 2021: 80] родовые задачи лингвистической экспертизы, вопреки ранее сказанному, «понижаются» до видовых, при этом к первой задаче добавляется установление формы. Типичные задачи здесь представляют собой компромисс между классификацией РФЦСЭ и отдельными задачами, которые назывались в учебнике ранее.

Таким образом, учебник не предлагает единой и непротиворечивой системы задач, которая бы согласовывалась с криминалистической и с филологической основой судебной лингвистической экспертизы. Зато как одно из оснований для классификации предлагается материально-правовое (по категориям дел).

В методическом пособии ЭКЦ МВД указана единая родовая задача – «Лингвистическое исследование текста в целях решения вопросов смыслового понимания». Однако затем, под заголовком «Объекты исследования», поясняется, что речевые объекты могут быть рассмотрены по-разному:

- как носители информации о событиях и ситуациях (предметом анализа является денотативный компонент текста);
- как содержащие оценочные характеристики лица или группы лиц либо свойств и действий лица или группы лиц (предметом анализа является оценочный компонент текста);
- как речевой акт (предметом анализа является иллокутивный компонент текста);
- как речевое событие, имеющее место при тех или иных обстоятельствах (предметом анализа является экстралингвистический компонент текста)» [Назарова 2010: 243].

Нам представляется, что здесь возникает синонимия понятий «предмет анализа» и «экспертная задача». Говоря о «предмете анализа», авторы фактически делят общеродовую экспертную задачу на четыре части, которые охватывают весь диапазон возможных типичных и конкретных лингвоэкспертных задач. Еще раз повторим это деление:

- денотативный компонент объекта;
- оценочный компонент объекта;
- иллокутивный компонент объекта;
- экстралингвистический компонент объекта.

Важно, что такое деление имеет системное лингвистическое основание: это действительно разные аспекты речи, которые могут раздельно исследоваться в материнских науках. Любой речевой или поликодовый объект и вне судебной экспертизы можно оценить с точки зрения содержания (пропозиционального содержания), выраженной оценки, иллокуции, а также с точки зрения коммуникативной ситуации, в которой он возник, существует или используется. В таком делении не обнаруживаются противоречия – логические, терминологические или какие-либо иные.

Мы видим, что единой классификации типичных задач судебной лингвистической экспертизы до сих пор не существует.

Между тем экспертная задача – это основное понятие частной теории судебной лингвистической экспертизы. Оно предшествует понятиям метода и методики: эксперт сначала должен понимать, что он делает, и лишь затем – как он это делает. Невозможно создать ни валидную экспертную методику, ни тем более систему методик, невозможно и упорядочить экспертную практику, не закрыв прежде всего этот огромный теоретический пробел.

Несомненно, что классификация типичных задач должна быть зримо и непротиворечиво связана с материнскими науками – криминалистическими и филологическими. Первая связь существует уже сейчас и проявляется, в частности, в том, что к лингвистическим задачам можно применить любую общеэкспертную классификацию

(унаследованную из криминалистических дисциплин). Вторая же не проявлена в достаточной мере. Однако она имеется в классификации, которую предложили эксперты-лингвисты ЭКЦ МВД.

Также заслуживает внимания деление экспертных задач на поисковые (поиск определенного значения в речевом объекте) и задачи по экспликации значений, содержащихся в объекте.

И наоборот, необходимо отказаться от логически противоречивых вариантов классификации – так же как и от тех, которые основаны на ошибочном понимании криминалистической идентификации и диагностики. Но прежде всего нужно отказаться от классификации по материально-правовому основанию: она приводит к систематическому выходу экспертов за пределы собственной компетенции в сферу права, а на уровне методологии закрепляет за экспертом новую роль – роль сведущего следователя.

Литература

Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М., 2015.

Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика. М., 2020.

Бельская Н. С. Применение аналитико-описательных методов в решении сравнительных задач судебного лингвистического исследования речевых произведений / Вестник Томского государственного университета. - 2014. - № 381. - С. 5-10.

Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М., 2021.

Голев Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов / Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты: Межвузовский сборник статей. - Барнаул, 2002. - С. 110-123.

Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза. Учебник. М., 2002.

Красса С. И. Методы судебной лингвистической экспертизы: практическая типология / Сборник научных трудов Sworld по материалам международной научно-практической конференции. - 2012. - Т. 40. - № 4. - С. 88-91.

Моисеева Т. Ф. Основы судебно-экспертной деятельности: Конспект лекций. М., 2016.

Назарова Т. В., Гримайло Е. А., Мамаев Н. Ю., Коршиков А. П., Ростовская А. В. Лингвистическая экспертиза: Лингвистическое исследование устных и письменных текстов / Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. - М., 2010. - Ч. 1. - С. 243-292.

Плотникова А. М., Кузнецов В. О., Саженин И. И. и др. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие. М., 2018.

Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник. М., 2016.

References

Averyanova, T. V. (2015). Forensic expertise. General theory course. Moscow (in Russian).

Averyanova, T. V., Belkin, R. S., Korukhov, Yu. G., Rossinskaya, E. R. (2020). Criminalistics. Moscow (in Russian).

Belskaya, N. S. (2014). Application of analytical and descriptive methods in solving comparative problems of forensic linguistic research of speech objects. Bulletin of Tomsk State University, 381, 5-10 (in Russian).

Galyashina, E. I. (2021). Forensic linguistics: textbook. Moscow (in Russian).

Golev, N. D. (2002). Legal regulation of speech conflicts and jurislinguistic examination of conflict texts. Legal reform in the Russian Federation: general theoretical and historical aspects, 110-123 (in Russian).

Krassa, S. I. (2012). Methods of forensic linguistics: practical typology. Collection of scientific papers SWORLD based on the materials of the international scientific and practical conference, 40, 4, 88-91 (in Russian).

Moiseeva, T. F. (2016). Fundamentals of forensic expertise: Lecture notes. Moscow (in Russian).

Nazarova, T. V., Grimajlo, E. A., Mamaev, N. Yu., Korshikov, A. P., Rostovskaya, A. V. (2010). Linguistic expertise: Linguistic examination of oral and written texts. Standard expert methods for the study of physical evidence, 1, 243-292 (in Russian).

Plotnikova, A. M., Kuznetsov, V. O., Sazhenin, I. I., et. al. (2018). Semantic research in forensic linguistic expertise: methodological guide. Moscow (in Russian).

Rossinskaya E. R., Galyashina E. I., Zinin, A. M. (2016). Theory of Forensic Science (Forensic Expertology): textbook. Moscow (in Russian).

Zinin, A. M., Majlis N. P. (2002). Forensic expertise: textbook. Moscow (in Russian).

Citation:

Новожилова Е. В. Классификация типичных задач судебной лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. – 2023. – 29. – С. 73-77.

Novozhilova E. V. (2023) Classification of Typical Tasks of Forensic Linguistics. Legal Linguistics, 29, 73-77.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА УДК 81.33,
ББК 81, ГРНТИ 16.31, Код ВАК 5.9.8

История разработки и степень сформированности концепции «простого языка» в англоязычной юрислингвистике

С. А. Осокина¹, О. А. Афанасьева²

¹Алтайский государственный университет

пр. Ленина 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: osokina@filo.asu.ru

²Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

ул. Партизанская 187, 656008, Барнаул, Россия. E-mail: o.a.afanasjeva@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению истории разработки концепции Plain English и анализу ее современного состояния в англоязычной юрислингвистике. Представленный в статье материал имеет теоретическую и практическую ценность для развития соответствующих направлений исследований на материале русского языка.

Предметом изучения являются история развития и теоретические положения концепции «простого языка», а также анализ потенциала развития концепции в дальнейшем. В задачи исследования входит рассмотрение истории появления понятия Plain English как в лингвистических, так и в иных источниках, имеющих отношение к разработке данного понятия, а также изучение лингвистического содержания данного понятия в парадигме современных исследований.

Рассматривается соотношение понятий Forensic Linguistics, Legal Linguistics и Judicial Linguistics в американском, европейском и российском языкознании соответственно. Выявляются экстралингвистические и собственно лингвистические предпосылки формирования концепции простого языка в США и европейских странах в XX веке. Анализируются подходы к толкованию понятия Plain English. Описываются языковые средства адаптации юридических текстов в тексты на простом языке. Предлагаются перспективы развития концепции в дальнейшем.

Ключевые слова: простой английский, простой язык, легкий язык, юрислингвистика, официально-деловой стиль.

History and Current State of the Plain English Concept in Legal Linguistics in English-Speaking Countries

S. A. Osokina¹, O. A. Afanaseva²

¹Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: osokina@filo.asu.ru

²Altai branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА)
187 Partizanskaya St., 656008, Barnaul, Russia. E-mail: o.a.afanasjeva@yandex.ru

The article deals with the history and current state of the Plain English concept. The material presented in the article has theoretical and practical value for the development of relevant areas of research related to the Russian language. The subject under discussion is the history and theoretical provisions of the concept of Plain English, as well as an analysis of the potential for the development of the Plain Language concept in future.

The objectives of the study include investigation into the premises and origin of the Plain English concept from both perspectives – legal linguistics and other related fields – as well as the study of the linguistic content of this concept in the paradigm of contemporary research.

The article considers the interrelation between the concepts of Forensic Linguistics, Legal Linguistics, and Judicial Linguistics in American, European, and Russian linguistics, respectively. The authors reveal linguistic and extra-linguistic prerequisites for the formation of the Plain language concept in the USA and European countries in the 20th century. They describe language

means of adapting legal texts into plain language texts listed in the analyzed Plain English handbooks and consider some prospects for the development of the concept in the future.

Key words: Plain English, Plain language, Easy language, legal linguistics, forensic linguistics.

Задача сделать язык права доступным для понимания широким слоям населения является одной из первостепенных задач современной юрислингвистики. Данное стремление сформировало основы для возникновения направлений лингвистики, занимающихся упрощением юридического языка, его адаптацией для пользователей, не имеющих юридических компетенций. В англоязычных странах деятельность в этой сфере связана с разработкой концепций «простого английского» (англ. *Plain English*) и «легкого английского» (англ. *Easy English*). Первое понятие имеет отношение к разработке адаптивных форм представления информации для широких, в том числе не имеющих специального юридического образования, слоев населения, второе – к созданию еще более упрощенного варианта представления языковой информации для лиц с ограниченными интеллектуальными возможностями здоровья.

Данная статья посвящена рассмотрению истории разработки концепции «Plain English» и анализу ее современного состояния в англоязычной юрислингвистике. Представленный в статье материал имеет теоретическую и практическую ценность для развития соответствующих направлений исследований на материале русского языка.

Предметом изучения являются история развития и теоретические положения концепции «простого языка», а также анализ потенциала развития концепции в дальнейшем. В задачи исследования входит рассмотрение истории появления понятия «Plain English» как в лингвистических, так и в иных источниках, имеющих отношения к разработке данного понятия, а также изучение лингвистического содержания данного понятия в парадигме современных исследований.

Само формирование направления языковедческих исследований языка права, получившее название «юрислингвистика», шло параллельно и во многом определялось развитием системы лингвистических взглядов на особенности функционирования языка в официально-правовой сфере, проблемы понимания значений и интерпретации сложных языковых выражений. У истоков данного направления в англоязычных странах были публикации, посвященные анализу так называемых «простых значений» (англ. *plain meaning*) или «обычных значений» (англ. *ordinary meaning*), а также двусмысленности и размытости языка права [Solan 1993; Cunningham, Levi, Green, Kaplan 1994; Mouritson 2010; Poscher 2012]. В американской лингвистике данное направление получило название «Forensic Linguistics», которое узаконило свое официальное существование с образованием Международной ассоциации юридической лингвистики в США в 1993 г. (англ. *the International Association of Forensic Linguists* [Solan 2019], в европейских странах данное направление приобрело более широкое название «Legal Linguistics», а в российских англоязычных статьях именуется «Judicial Linguistics» [Takhtarova, Sabirova 2019]. В задачи данной статьи не входит рассмотрение семантических тонкостей взаимодействия данных терминологических единиц и соотношения соответствующих сфер знания в американской, европейской и отечественной науке. Отметим только кратко, что американские исследователи в данной сфере фокусируют свое внимание более на языке закона и судопроизводства (что закреплено в названии *forensic – судебный, судебно-медицинский*), европейские ученые изучают более широкий спектр вопросов, связанных с особенностями функционирования языка в правительственных документах, описывающих социальные права и гарантии граждан, а российские лингвисты уделяют большее внимание стилистическим особенностям языка, поскольку в отличие от английского, в котором различие между функциональными стилями не столь существенно, лексико-синтаксические особенности официально-делового стиля в русском языке представляют собой достаточно замкнутую и слабо изменяющуюся под воздействием современных языковых процессов подсистему, которая практически не функционирует в повседневном общении вне соответствующих языковых ситуаций и поэтому вызывает трудности как при использовании официально-делового стиля в речи, так и при его понимании.

Именно в европейской юрислингвистике начало формироваться понятие «простого языка», поскольку языковой анализ правительственных текстов, адресованных широким слоям населения, позволял выявить проблему «пустоты неопределенности», которая стала своеобразной доктриной юридических текстов, апеллирующей к вопросам семиотики, логики и лингвистики, связанным с соотношением языковых выражений и реальности, проявляющимся в трудностях индивидуализации или классификации конкретных практических случаев [Adler 2012]. Концепция простого языка кратко сформулирована в заключении комитета Евросоюза по экономике и социальным вопросам (англ. *the Economic and Social Committee*, [Ferrer 1995]), официально признающим использование простого языка основным направлением языковой политики европейских стран. Обзор научных трудов, поднимающих вопросы формирования простого языка в европейском и отечественном языкознании дан в работах [Нечаева, Хельмле, Каирова 2020; Осокина 2022].

В американском языкознании выражение «Plain English» изначально употреблялось по отношению к практике использования американского варианта английского языка в соответствии с нормами письменного литературного языка. Так, «Справочник простого английского языка» Мартина и Анны Уолш (англ. «*Plain English Handbook*»), многократно переиздаваемый в США, начиная с 1939 г., содержит описание стандартных правил английской грамматики и определение основных понятий, таких как «часть речи», «предложение» и подобных; авторы указывают, что неформальное использование английского языка не является предметом рассмотрения [Walsh J.M., Walsh A.K. 1972]. К настоящему моменту произошел существенный сдвиг в понимании содержания понятия «Plain English», в том числе под влиянием языковой политики европейских стран. В самом широком охвате можно сказать,

что разработка концепции простого английского направлена решение множества вопросов повседневного употребления языка, связанных с интерпретацией текстов официального назначения.

Мы полагаем, что отправным теоретическим положением, лежащим в основе формирования концепции простого языка применительно к конкретному языку является представление об уникальности языковой системы данного конкретного естественного языка, что предполагает возможность расхождения в содержании соответствующих понятий применительно к английскому, русскому, китайскому и множеству других языков. Но поскольку любой язык – это прежде всего язык, для которого характерны определенные языковые универсалии, нам представляется вполне обоснованным изучать формирование соответствующих концепций на материале конкретных естественных языков для совершенствования соответствующих разработок в области русского языка. Тем более что в России вопросы создания простого языка решаются преимущественно в виде практико-ориентированных указаний, выдвигаемых не всегда лингвистами или при участии лингвистов, поэтому формирование теоретических положений концепции простого русского языка в отечественном языкознании пока находится только на зачаточной стадии своего развития.

Данная работа фокусируется на особенностях формирования концепции простого английского языка, поскольку в англоязычных странах изучаемая проблематика начала обсуждаться более полувека назад – еще до формирования юрислингвистики в самостоятельную дисциплину.

Идея разработки концепции «простого английского» в настоящее время полностью соотносится с концепцией «простого языка» в целом и заключается в выдвигании теоретических обоснований необходимости и возможности упрощения официально-деловых текстов с целью сделать их доступными для понимания абсолютному большинству пользователей языка. Сторонники концепции считают, что официальные документы можно переложить доступным языком, избегая канцеляризма и специальной терминологии, без потерь для смыслового и правового содержания текстов. Использование «простого языка» помогает избежать «проклятия знаний», как это называет С. Пинкер [Pinker 2014 : 59] и перенести фокус внимания с составителя документа на читателя. Разработка концепции простого языка носит преимущественно прикладной характер. Предполагается, что использование простого английского поможет преодолеть коммуникационный барьер, который читатель может испытывать при чтении официально-деловых текстов.

Для понимания теоретических положений концепции простого английского следует остановиться на истории возникновения данного понятия.

Выражение *Plain English* начало активно входить в обиход во второй половине 20 столетия. Именно тогда в США начало свое становление «Движение за простой язык» (англ. *Plain Language Movement, PLM*). Основной целью движения выступало использование при написании официальных документов языка настолько простого, насколько этого позволяет сложность конкретного документа. Хотя становление движения за простой язык началось в 1970х, предпосылки к его зарождению появились задолго до этого в русле стилистических исследований языка. Еще в 1935 г. Е.В. Уайт и У. Странк изложили в своей книге «*The Elements of Style*» ряд рекомендаций для повышения эффективности и ясности изложения, которыми руководствуются последователи «Движения за простой язык». К таким рекомендациям относятся, например, следующие: не пишите слишком много, не преувеличивайте, используйте традиционное написание, будьте точны, не используйте излишних сокращений, если это ведет к потере ясности, избегайте использования иностранных слов [Strunk, White 2003 : 69-76].

Джордж Оруэлл в своем эссе «Политика и английский язык» (англ. «*Politics and the English Language*») представил правила для писателей по работе с текстом, которые можно сокращенно изложить следующим образом:

- 1) не используйте метафоры, сравнения и другие средства выразительности языка, если вы часто встречали их;
- 2) не используйте длинное слово там, где можно обойтись коротким;
- 3) если возможно «выкинуть» слово, сделайте это;
- 4) не используйте пассивный залог, где можно использовать активный;
- 5) не используйте иностранные слова, научные слова, жаргон там, где возможна их замена простым словом [Orwell 1950].

У. Странк и Е. Уайт не относили к целевой аудитории своей книги сотрудников правительственных организаций и юридических фирм. Основная тема эссе Оруэлла – политические тексты и литературная критика. Однако, авторы достаточно четко сформулировали основные принципы, которые в дальнейшем получили свое развитие в разработке концепции «простого языка».

Примечательно, что движение за простой язык получило импульс не в научных лингвистических трудах, а в практикоориентированных руководствах, к числу которых относится работа Джона О'Хэйра, сотрудника Бюро землеустройства (англ. *the Bureau of Land Management's, Western Information Office, Denver, Colorado*), «От тарбарщины нужно избавиться» (англ. «*Gobbledygook Has Gotta Go*»). Во вступлении к книге он указывает на проблемы коммуникации и на приводящие к финансовым потерям ошибки, возникающие из-за приверженности сотрудников к канцелярскому стилю, к желанию выразиться витиевато, а не прямо [O'Hayre 1966].

1970-е можно описать как период, когда движение за простой язык получило поддержку правительства, в том числе, появились официальные документы правительства США, регулирующие нормы составления официальных текстов, отвечающих требованиям простоты и минимизации информации [Federal Paperwork Reduction. Executive orders, 1979].

В 1998 концепция простого языка получила официальное закрепление в «Меморандуме о простом языке в правительственных документах» (англ. «*Memorandum on Plain Language in Government Writing*») для руководителей департаментов и агентств исполнительной ветви власти. В документе подчеркивается важность простого языка для

установления доверительных отношений между народом и властью. В частности, указывается, что письменные документы федерального правительства должны быть составлены простым языком, поскольку при использовании понятного языка, дается более четкое представление о работе правительства, его требованиях, и услугах, которые граждане могут получить. Понятный язык экономит правительству и частному сектору время, усилия и деньги. В качестве основных требований к документам на простом языке были указаны следующие:

- 1) использование простых, повседневных слов, кроме случаев, когда необходимо использовать технические термины,
- 2) использование местоимений,
- 3) использование активного залога,
- 4) использование коротких предложений [Weekly Compilation of Presidential Documents 1998 : 1010].

Меморандум в первую очередь предназначался юристам, работающим в сфере государственного управления, и другим лицам, разрабатывающим федеральные нормативные акты. Особенно была отмечена необходимость использования простого языка в документах, объясняющих способы получения льгот и услуг от государства.

В это же время концепция простого английского языка стала предметом изучения в рамках юрислингвистики. «Справочник по простому английскому языку» (англ. «*A Plain English Handbook. How to create clear SEC disclosure documents*», 1998) содержит собственно лингвистический анализ языковых выражений, используемых в официально-деловой документации, и рекомендации по замене данных выражений на соответствующие аналоги на «простом английском». В частности, приводятся конкретные примеры замены отдельных слов, словосочетаний или целых предложений:

The foregoing Fee Table is intended to assist investors in understanding the costs and expenses that a shareholder in the Fund will bear directly or indirectly → *This table describes the fees and expenses that you may pay if you buy and hold shares of the fund,*

We made an application... → *We applied...*,

We made a determination... → *We determined...*,

We will make a distribution... → *We will distribute...* ,

We will provide appropriate information to shareholders concerning... → *We will inform shareholders about...*,

There is the possibility of prior Board approval of these investments → *The Board might approve these investments in advance, in order to* → *to,*

in the event that → *if,*

subsequent to → *after,*

prior to → *before,*

despite the fact that → *although,*

Persons other than the primary beneficiary may not receive these dividends → *Only the primary beneficiary may receive these dividends* fund

и.т.д. [A Plain English Handbook. How to create clear SEC disclosure documents 1998 : 20, 21, 25, 27].

Наиболее важным официальным документом по разработке концепции простого английского языка является Закон о простом письме 2010 г. (англ. *Plain Writing Act of 2010*). Закон выделяет четыре категории документов, при составлении которых должен быть использован простой язык:

- 1) документы, необходимые для получения государственных льгот и услуг;
- 2) документы, связанные с уплатой налогов;
- 3) документы, предоставляющие информацию о федеральных льготах или услугах;
- 4) документы, разъясняющие гражданам требования федеральных властей, необходимые к выполнению.

Все вышеуказанные категории документов играют крайне важную роль в жизни каждого гражданина, использование «простого языка» при их составлении оправдано, так снимает коммуникационный барьер.

Согласно Закону считается, что письменный документ составлен простым языком, если он удовлетворяет следующим требованиям:

1) язык документа четкий, краткий;

2) документ имеет хорошую, четкую структуру;

3) используемый в документе язык соответствует предмету или области, для которой он предназначен [Public Law 111-274 – Plain Writing Act of 2010].

Закон требует, чтобы каждая организация выделила необходимые ресурсы (материальные и человеческие) для контроля соответствия документации требованиям Закона. Кроме того, государственные учреждения обязаны обучать сотрудников грамотному письму, соответствующему требованиям, предъявляемым Законом к составляемым документам. Также сотрудникам должен быть обеспечен доступ к необходимым ресурсам и справочникам по простому письму. Наконец, официальный веб-сайт государственного учреждения должен иметь раздел, специально отведенный для коммуникации на простом языке. В результате выполнения всех вышеуказанных требований, у граждан должна появиться возможность получать информацию о любом интересующем их вопросе быстро и доступно.

Как видно из рассмотренных примеров, движение в защиту простого языка в США получило достаточно сильную поддержку правительства, многие положения были закреплены на законодательном уровне. Немаловажно отметить, что предписания правительства не остались только на бумаге, ежегодно публикуется отчет, в котором предоставляется полная информация о проделанной работе [Plain Writing Act of 2010 Compliance Reports].

Аналогичные вопросы разработки простого английского языка поднимаются в Австралии и Великобритании [Petelin 2010].

В Великобритании кампания по разработке простого английского языка ведется с 1979 г., основательницей кампании является Крисси Маер (англ. *Chrissie Maher*), женщина, не имеющая лингвистического или юридического образования, столкнувшаяся с проблемами понимания бланков официально-деловых документов. В настоящее время кампания за простой английский продолжает развиваться, предлагая различные услуги, например, вычитку текстов, индивидуальные руководства по стилю и копирайтинг, обучение «простому английскому», услуги по переводу документов с польского, испанского, французского, немецкого, итальянского, португальского на простой английский. Кроме того, кампания за простой английский имеет свой собственный знак качества – «Crystal Mark». Более 24000 официальных документов в Великобритании и странах Содружества Наций удостоились этого знака отличия. На официальном сайте кампании можно увидеть полный список организаций, отмеченных этим знаком [Plain English Campaign 2023].

Лингвистические примеры замены канцелярского языка юридических документов на простой английский, приведенные в справочнике по простому английскому, рекомендованному для использования на сайте кампании за простой английский в Великобритании, во многом соотносятся с примерами из соответствующего американского справочника:

The riot was stopped by the police → *The police stopped the riot;*

The mine had to be closed by the authority → *The authority had to close the mine;*

Applicants must send us... → *You must send us...;*

Advice is available from... → *You can get advice from...;*

There will be a stoppage of trains by drivers → *Drivers will stop the trains;*

additional → *extra,*

advise → *tell,*

applicant → *you,*

commence → *start,*

complete → *fill in,*

comply with → *keep to,*

consequently → *so*

и т. д. [How to write in plain English 2023 : 4, 5, 11].

В настоящее время в европейской лингвистике концепция простого языка получила уже статус отдельной лингвистической дисциплины (англ. *plain language studies*), которую можно рассматривать как одно из прикладных направлений языкознания, целью которого является разработка конкретных механизмов (языковых техник и приемов) практической оптимизации официальных текстов для обеспечения их более свободного понимания. Рассматривается возможность разработки профессиональных стандартов и критериев аккредитации специалистов по разработке «простого языка». Подчеркивается, что простой язык – предмет изучения и практической реализации не только в сфере юриспруденции, но и применительно к языку медицины, правительственных документов, технических и финансовых текстов [Adler 2012].

Однако в результате анализа процитированных выше англоязычных работ и сайтов складывается общее впечатление, что системный научный подход к разработке простого английского языка еще не сформировался. Так, в источниках довольно sporadически упоминаются документы, требующие переложения (или изначального составления) на простом языке. Только один источник – Plain Writing Act of 2010 – приводит относительно ограниченный перечень таких документов, однако не описаны критерии, которым должны соответствовать такие документы. Рекомендации по упрощению текстов, приведенные в проанализированных справочниках по простому английскому, относятся, как кажется, к любым текстам, не зависимо от их юридического статуса. Однако нельзя не принимать во внимание, что формы большинства документов оттачивались годами именно во избежание инотолкования или риска возникновения юридических несоответствий разного вида, а также нельзя забывать, что тексты официальных нормативно-правовых актов написаны специальным языком не с целью запутывания граждан, а с целью установления максимально четких определений юридического характера. Вопрос о юридическом статусе вариантов нормативно-правовых актов, изложенных на простом языке, должен быть проработан тщательным образом.

Аналогично, не прослеживается системный подход и при описании языковых средств для составления текстов на простом английском. В частности, авторы проанализированных справочников дают рекомендации, сводящиеся к необходимости по возможности заменять длинные предложения на короткие (до 15-20 слов), конструкции с пассивным залогом – на конструкции с активным залогом, избегать употребления избыточных слов, юридических, финансовых и иных профессиональных жаргонизмов, не злоупотреблять использованием узкой терминологии, абстрактных слов (особенно отглагольных существительных), заменять имена существительные местоимениями, по возможности упрощать структуру текста документа. Во-первых, нигде не отмечается, проводились ли какие-либо исследования, доказывающие, что именно перечисленные языковые явления вызывают наибольшие трудности у читателя. Во-вторых, похожие проблемы перечисляются применительно к разным национальным языкам, словно разные языки не имеют собственных отличительных структур, вызывающих трудности у читателей [Handbook of Easy Languages in Europe 2021]. Во-третьих, в указанном перечне наблюдается смешение разных аспектов языка – лексики, грамматики и текстового целого – в одном проблемном поле. Возможно, это вызвано стремлением авторов

справочников по простому английскому не перегружать читателей информацией о сложном устройстве языковых структур, однако системный лингвистический подход к проблеме требует отдельного рассмотрения вопросов адаптации текстов на уровне грамматики, лексики и текста.

Так, при более качественном рассмотрении сути вопроса только с позиций грамматики, например, нельзя было бы не заметить, что гораздо более сложными для понимания не только для говорящих на английском как иностранном, но и для широкого круга коренных носителей английского языка являются не конструкции с пассивным залогом, а конструкции с неличными формами глагола, такими как герундий, инфинитив и причастие. В справочниках не предлагается вариантов по их замещению, а наличие таких конструкций – не менее яркая черта официально-делового стиля, чем пассивный залог. То же касается и системного подхода к анализу лексики языка, используемой в официальных документах – требуется более тщательный анализ лексики официально-деловой документации с целью выявления классов слов, замена которых на соотносимые по значению слова общего словарного состава языка возможна, и слов, замена которых не возможна в силу не только лингвистических, но и экстралингвистических (например, юридических) причин. Замена термина иным словом общего словарного запаса языка может повлечь искажение сигнификата (понятийной составляющей) и размывание денотата (указание на определенный объект внеязыковой действительности) языкового знака. Также, упрощение текста на уровне текстового целого может привести к определенным юридическим последствиям, соответственно, необходимо отдельное изучение типов текстов, пригодных для процедуры адаптации средствами простого языка, и текстов, не подлежащих такой адаптации.

С одной стороны, указанные проблемы, возможно, вызваны тем, что концепция простого английского языка еще находится на стадии своего формирования, но, с другой стороны, кажется странным, что за почти полувековую историю и с учетом правительственной поддержки данная концепция пока не получила более тщательного профессионального научного изучения в рамках юрислингвистики.

В русле юрислингвистики системный подход к описанию проблемы формирования простого языка должен разрабатываться по двум направлениям – с точки зрения юриспруденции и лингвистики. С позиций юриспруденции наиболее важным представляются следующие проблемы:

- определение сфер деятельности, нуждающихся в разработке документации на простом языке в первую очередь;
- разработка относительно законченной классификации официально-правовых текстов, подлежащих обязательной адаптации на простом языке;
- обоснование юридической эквивалентности или степени соотносительности официальных текстов и текстов на простом языке, если такое допустимо с точки зрения юридической науки, описание условий функционирования и использования гражданами таких текстов,
- разработка правовых основ существования простого языка.

С лингвистических позиций формирование концепции простого языка должно предполагать:

- системный подход к описанию простого языка с точки зрения языковой структуры, в том числе с учетом структурных отличий конкретных языков,
- определение лингвистического статуса простого языка как особой «подсистемы», «стиля» или «практики» соответствующего национального языка,
- решение прикладных лингвистических задач, касающихся составления подробных справочников по использованию простого языка, глоссариев простого языка, системных соответствий для осуществления внутриязыкового перевода с официального на простой язык и т. д.

В целом, формирование концепции простого языка представляется достаточно перспективным и заслуживающим внимание со стороны представителей юрислингвистики.

Литература

Нечаева Н. В., Хельмле К.-С., Каурова Э. М. Перевод на ясный и простой языки: зарубежный опыт и перспективы в России / Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета: журнал. – 2020. – № 3. – С. 8-24.

Осокина С. А. Концепция «легкого языка» и перспективы ее развития в лингвистике / Филология и человек. – 2022. – №2. – С. 115-133.

A Plain English Handbook. How to create clear SEC disclosure documents. 1998. URL: <https://www.sec.gov/pdf/handbook.pdf>

Adler M. The Plain Language Movement Get access Arrow / The Oxford Handbook of Language and Law. 2012. URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199572120.013.0006> Pages 67–83.

Cunningham C. D., Levi J.N., Green G., Kaplan J.P. Plain Meaning and Hard Cases / Yale Law Journal 1994. – V. 103. – no. 6. – P. 1561–1625. URL: <https://www.jstor.org/stable/i232733>

Federal Paperwork Reduction. Executive orders. Federal Register Volume 44, Issue 234 (December 4, 1979). Office of the Federal Register, National Archives and Records Administration. Pp. 69609-697332. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/FR-1979-12-04>

Ferrer C. An Opinion on Plain Language / Official Journal of the European Communities. – 1995. – P. 256/8-256/11. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51995IE0797&rid=6>

- Handbook of Easy Languages in Europe. Eds. C. Lindholm and U. Vanhatalo. Frank & Timme GmbH. Verlag für wissenschaftliche Literatur. Berlin, 2021. URL: https://library.oapen.org/viewer/web/viewer.html?file=/bitstream/handle/20.500.12657/52628/Handbook_of_Easy_Languages_in_Europe.pdf?sequence=12&isAllowed=y
- How to write in plain English. 2023. URL: <https://www.plainenglish.co.uk/files/howto.pdf>
- Mouritson S. The Dictionary is Not a Fortress: Definitional Fallacies and a Corpus-Based Approach to Plain Meaning / Brigham Young University Law Review. – 2010. – Pp. 1915-1978.
- O'Hayre J. Gobbledygook Has Gotta Go (A style manual that helped inspire the Plain Language movement). Denver, Colorado, 1966. URL: https://www.governmentattic.org/15docs/Gobbledygook_Has_Gotta_Go_1966.pdf
- Orwell G. Politics and the English Language. London. Secker and Warburg, 1950. URL: https://www.orwell.ru/library/essays/politics/english/e_polit
- Petelin R. Considering Plain Language: Issues and Initiatives, Corporate Communications. An International Journal. – 2010. – no. 15. – P. 205-216. URL: <http://dx.doi.org/10.1108/13563281011037964>
- Pinker S. The Sense of Style: The Thinking Person's Guide to Writing in the 21st Century. New York, NY: Penguin. 2014. URL: <https://stevenpinker.com/publications/sense-style-thinking-persons-guide-writing-21st-century>
- Plain English Campaign. 2023. URL: <http://www.plainenglish.co.uk/about-us/history/timeline.html>
- Plain Writing Act of 2010 Compliance Reports. URL: <https://www.ed.gov/plain-language>
- Poscher R. Ambiguity And Vagueness In Legal Interpretation Get access Arrow / The Oxford Handbook of Language and Law. – 2012. – P. 128-145. URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199572120.013.0010>
- Public Law 111-274 – Plain Writing Act of 2010. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-111publ274/pdf/PLAW-111publ274.pdf>
- Solan L. M. Legal Linguistics in the US. Looking Back, Looking Ahead / Legal Linguistics Beyond Borders: Language and Law in a World of Media, Globalisation and Social Conflicts.: Relaunching the International Language and Law Association (ILLA). – 2019. – Volume 2. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv1q69j9f> p. 19-38.
- Solan L. M. The Language of Judges. Chicago series in law and society. University of Chicago Press. – 1993. – 225 p. URL: <https://doi.org/10.7208/9780226767895>
- Strunk O., White E. B. The Elements of Style, Fourth Edition. Pearson. 2003. URL: <http://www.jlakes.org/ch/web/The-elements-of-style.pdf>
- Takhtarova S., Sabirova D. Russian Judicial Linguistics. History and modernity / in: Legal Linguistics Beyond Borders: Language and Law in a World of Media, Globalisation and Social Conflicts.: Relaunching the International Language and Law Association (ILLA). – 2019. – Volume 2. – P.147-166. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv1q69j9f>
- Walsh J. M., Walsh A. K. Plain English Handbook. A Complete Guide to Good English. McCorni-Mather's Publishing Company. Inc. Cincinnati, Ohio – 1972. – 228 p. URL: https://books.google.ru/books/about/Plain_English_Handbook_A_Complete_Guide.html?id=unTNw5vtwJoC&redir_esc=y
- Weekly Compilation of Presidential Documents. –1998. – Volume 34. URL: <https://www.govinfo.gov>

References

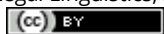
- Nechaeva, N. V., Helmle, K.-S., Kairova, E. M. (2020). Translating into Easy and Plain Languages: International Practice and Prospects for Russia. PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin, 3, 8-24 (in Russian).
- Osokina, S. A. (2022). The Concept of "Easy Language" and its Perspectives in Linguistics. Philology & Human, 2, 115-133 (in Russian).
- A Plain English Handbook. How to create clear SEC disclosure documents, (1998). Available from: <https://www.sec.gov/pdf/handbook.pdf> (in English).
- Adler, M. (2012). The Plain Language Movement Get access Arrow. The Oxford Handbook of Language and Law. Pages 67–83. Available from: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199572120.013.0006> (in English).
- Cunningham, C. D., Levi, J.N., Green, G., Kaplan, J. P. (1994). Plain Meaning and Hard Cases. Yale Law Journal, 103, 6, 1561-1625. Available from: <https://www.jstor.org/stable/i232733> (in English).
- Federal Paperwork Reduction. Executive orders. (1979). Federal Register Volume 44, Issue 234 (December 4, 1979). Office of the Federal Register, National Archives and Records Administration. Pp. 69609-697332. Available from: <https://www.govinfo.gov/app/details/FR-1979-12-04> (in English).
- Ferrer, C. (1995). An Opinion on Pain Language / Official Journal of the European Communities. 2.10.1995. p. 256/8-256/11. Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51995IE0797&rid=6> (in English).
- Handbook of Easy Languages in Europe. (2021) Eds. C. Lindholm and U. Vanhatalo. Frank & Timme GmbH. Verlag für wissenschaftliche Literatur. Berlin. Available from: https://library.oapen.org/viewer/web/viewer.html?file=/bitstream/handle/20.500.12657/52628/Handbook_of_Easy_Languages_in_Europe.pdf?sequence=12&isAllowed=y (in English).
- How to write in plain English. (2023). Available from: <https://www.plainenglish.co.uk/files/howto.pdf> (in English).
- Mouritson, S. (2010). The Dictionary is Not a Fortress: Definitional Fallacies and a Corpus-Based Approach to Plain Meaning. Brigham Young University Law Review, 1915-1978 (in English).
- O'Hayre, J. (1966). Gobbledygook Has Gotta Go (A style manual that helped inspire the Plain Language movement). Denver, Colorado. Available from: https://www.governmentattic.org/15docs/Gobbledygook_Has_Gotta_Go_1966.pdf (in English).

- Orwell, G. (1950). *Politics and the English Language*. London. Secker and Warburg. Available from: https://www.orwell.ru/library/essays/politics/english/e_polit (in English).
- Petelin, R. (2010). Considering Plain Language: Issues and Initiatives, *Corporate Communications. An International Journal*, 15, 205-216. Available from: <http://dx.doi.org/10.1108/13563281011037964> (in English).
- Pinker, S. (2014). *The Sense of Style: The Thinking Person's Guide to Writing in the 21st Century*. New York, NY: Penguin. Available from: <https://stevenpinker.com/publications/sense-style-thinking-persons-guide-writing-21st-century> (in English).
- Plain English Campaign. (2023). Available from: <http://www.plainenglish.co.uk/about-us/history/timeline.html> (in English).
- Plain Writing Act of 2010 Compliance Reports. Available from: <https://www.ed.gov/plain-language> (in English).
17. Poscher, R. (2012). Ambiguity And Vagueness In Legal Interpretation Get access Arrow. *The Oxford Handbook of Language and Law*, 128–145. Available from: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199572120.013.0010> (in English).
- Public Law 111-274 – Plain Writing Act of 2010. Available from: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-111publ274/pdf/PLAW-111publ274.pdf> (in English).
- Solan, L. M. (2019). Legal Linguistics in the US. Looking Back, Looking Ahead. *Legal Linguistics Beyond Borders: Language and Law in a World of Media, Globalisation and Social Conflicts.: Relaunching the International Language and Law Association (ILLA)*. Available from: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv1q69j9f> p. 19-38. (in English).
- Solan, L. M. (1993). *The Language of Judges*. Chicago series in law and society. University of Chicago Press, 225 p. Available from: <https://doi.org/10.7208/9780226767895> (in English).
- Strunk, O., White, E. B. (2003). *The Elements of Style*, Fourth Edition. Pearson. Available from: <http://www.jlakes.org/ch/web/The-elements-of-style.pdf> (in English).
- Takhtarova, S., Sabirova, D. (2019). Russian Judicial Linguistics. History and modernity. *Legal Linguistics Beyond Borders: Language and Law in a World of Media, Globalisation and Social Conflicts.: Relaunching the International Language and Law Association (ILLA)*, p. 147-166. Available from: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv1q69j9f> (in English).
- Walsh, J. M., Walsh, A. K. (1972). *Plain English Handbook. A Complete Guide to Good English*. McCornie-Mather's Publishing Company. Inc. Cincinnati, Ohio. 228 p. Available from: https://books.google.ru/books/about/Plain_English_Handbook_A_Complete_Guide.html?id=unTNw5vtwJoC&redir_esc=y (in English).
- Weekly Compilation of Presidential Documents. (1998). Volume 34, Number 23 (Monday, June 8, 1998). Available from: <https://www.govinfo.gov> (in English).

Citation:

Осокина С. А., Афанасьева О. А. История разработки и степень сформированности концепции «простого языка» в англоязычной юрислингвистике // Юрислингвистика. – 2023. – 29. – С. 78-85.

Osokina S. A., Afanaseva O. A. (2023) History and Current State of the Plain English Concept in Legal Linguistics in English-Speaking Countries. *Legal Linguistics*, 29, 78-85.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

ПРЕПОДАВАНИЕ ДИСЦИПЛИН ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЦИКЛА УДК 81-26, ББК 81.2, ГРНТИ 16.31.51,
Код ВАК 5.9.5

Юрислингвистика как вузовская учебная дисциплина (на материале учебников и магистерских программ в вузах Российской Федерации): аспектуализированный обзор

Н. Д. Голев, К. А. Лоншакова

Кемеровский государственный университет

ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. E-mail: ngolevd@mail

---

В статье рассматриваются предпосылки и современное состояние юрислингвистики как вузовской учебной дисциплины. Тема «Юрислингвистика в вузе» охватывает в статье три содержательных направления: юридическое, лингвистическое и педагогическое. Отмечается и прослеживается история и современность юрислингвистики в нескольких социальных статусах: юрислингвистика выступает как практическая деятельность, как научное направление, наконец, юрислингвистика включается в качестве отдельной дисциплины в систему вузовского образования и образует целый профиль в рамках направлений подготовки юристов и филологов в высшей школе. Мы намерены показать в статье истоки и эволюцию данного феномена. Центральный вопрос работы касается вхождения юридической лингвистики в систему высшего образования. В числе частных задач статьи – представление специфики разработки учебной литературы по направлению «Юрислингвистика». Конкретно-исследовательская цель статьи – проведение многоаспектного анализа структуры и модальностей опубликованных и используемых в образовательной практике вузовских учебных пособий по юридической лингвистике. Материалом исследования выступил массив учебной литературы по юридической лингвистике, подготовленной начиная с 2000 г. до настоящего времени. В статье осуществляется ее аспектуализированный обзор. Основным предметом рассмотрения – модальность и структура учебного издания; основной аспект его изучения вытекает из тезиса: структура и модальность учебного издания во многом определяются не только его видом (жанром), но и целевой аудиторией, к которой оно обращено (филологи, юристы, эксперты, широкая целевая аудитория).

Ключевые слова: взаимодействие языка и права, взаимодействие юриспруденции и филологии, юрислингвистика, юрислингвистика как учебная дисциплина, вузовское образование, магистерская программа, учебник, модальность учебного текста, целевая аудитория.

Legal Linguistics as a University Academic Course (Case Study of University Textbooks and Master's Programs in the Russian Federation): Aspect Approach

N. D. Golev, K. A. Lonshakova

Kemerovo State University

6 Krasnaya str., 650000, Kemerovo, Russia. E-mail: ngolevd@mail.ru

---

The article discusses the prerequisites and the current state of legal linguistics as a university academic course. The topic "Legal linguistics at university" covers three substantial areas in the article: legal, linguistic and pedagogical. The history and modernity of legal linguistics are noted and traced in several social statuses: legal linguistics as practice, as a research area, and finally, legal linguistics as a separate course included in the system of higher education and forming a major in educating lawyers and philologists at university. We intend to show in the article the origins and evolution of this phenomenon. The central issue of the work concerns the entry of legal linguistics into the system of higher education. Among the particular objectives of the article is the presentation of the specifics of the development of educational literature for the course of "legal linguistics". The specific research goal of the article is to conduct a multi-aspect analysis of the structure and modalities of university textbooks in legal linguistics published and used in educational process. This work is a case study of a range of

educational literature in legal linguistics, as issued from 2000 to the present. The article provides its aspect review. The main subject under consideration is the modality and structure of the educational edition; the main aspect of the study results from the thesis: the structure and modality of an educational edition is largely determined not only by its type (genre), but also by the target audience to which it is addressed (philologists, lawyers, experts, general readers).

Key words: interaction of language and law, interaction of jurisprudence and philology, legal linguistics, legal linguistics as an academic course, university education, master's program, textbook, modality of educational text, target audience.

Введение

Вузовское образование по своей сути возникает и функционирует в фарватере социальных потребностей и научного познания. Научное знание – постоянно изменяющийся феномен. Подобно живому организму научная мысль динамично развивается: устанавливаются новые закономерности, старые – подвергаются процедурам верификации, что ведет к их укреплению, частичному уточнению, корректировке или же опровержению. Из столетия в столетие изменяются «правила науки», фокус внимания ученых смещается от одного аспекта изучаемого объекта к другому в соответствии с вызовами времени. Все это определяет смену научной парадигмы. Актуальные исследования XXI в. проводятся под эгидой когнитивно-дискурсивной парадигмы. Ее ключевые характеристики: антропоцентризм, функционализм, экспланаторность, экспансионизм [Кубрякова 2017: 46; Позднякова 2008: 53]. Последняя из названных черт предполагает расширение связей лингвистики с науками гуманитарного и негуманитарного цикла. Таким образом, тенденцией последних лет в научном лингвистическом сообществе становится, в частности, отход от изучения языка в чистом виде (по выражению Ф. де Соссюра, «языка в себе» [Saussure 1971]) и возрастание интереса к функционированию языка в разнообразных дискурсах во всей полноте взаимосвязей.

Предлагаемая нами тема обсуждения «Юрислингвистика в вузе» охватывает как минимум три содержательных направления: юридическое, лингвистическое и педагогическое. Уже сегодня юрислингвистика существует в нескольких социальных статусах: является практической деятельностью, научным направлением, включается в качестве отдельной дисциплины в вузах или же образует целый профиль в рамках направлений подготовки юристов и филологов в высшей школе. Мы намерены показать в статье истоки и эволюцию данного феномена. Центральный вопрос работы касается вхождения юридической лингвистики в систему высшего образования. В числе частных вопросов здесь – разработки учебной литературы по данному направлению.

Сегодня остро стоит вопрос несоответствия желаемого и реального: общество испытывает потребность в специалистах юрислингвистического направления (все чаще филологи получают запросы на проведение лингвистических экспертиз спорных текстов, проверку соответствия нормативных текстов требованиям точности, понятности и др.). Вузы в этой связи открывают соответствующие направления подготовки в первую очередь в рамках магистратуры (ср., например магистерскую программу 45.04.01 Филология «Русский язык (юридическая и документная лингвистика)» в Кемеровском государственном университете), а это, в свою очередь, требует снабжения образовательных программ средствами и инструментами обучения. Конечно, опыт разработки учебных изданий по юридической лингвистике имеется, некоторые из них существуют в нескольких переизданиях. И все же, на наш взгляд, ситуация, сложившаяся в этой области, в определенной мере монополистична: едва ли можно назвать десять книг, обеспечивающих формирование первичных компетенций студентов-первокурсников юрислингвистической магистратуры.

Общетеоретическая цель представляемого в статье исследования – очертить содержательные и методические параметры учебных дисциплин, связанных с юрислингвистикой. Конкретно-исследовательская цель – провести многоаспектный анализ структуры и модальностей опубликованных и используемых в образовательной практике вузовских учебных пособий по юридической лингвистике. Материалом исследования выступил массив учебной литературы по юридической лингвистике, подготовленной начиная с 2000 г. до настоящего времени. Основной предмет рассмотрения – модальность и структура учебного издания; основной аспект его изучения вытекает из тезиса: структура и модальность учебного издания во многом определяются не только его видом (жанром), но и целевой аудиторией, к которой оно обращено (филологи, юристы, эксперты, широкая целевая аудитория).

Содержание вузовского курса «Юрислингвистика»: социальные аспекты

История взаимодействия языка и права началась задолго до возникновения термина «юрислингвистика». Некоторые ученые связывают появление различных видов деятельности на пересечении этих феноменов со временем принятия первых законов и заключением первых правовых документов [Брусенская, Куликова 2017: 125; Зархина 2008: 7], взгляд других еще более ретроспективен и устремлен к событию возникновения письменности (Месопотамия, 3-е тысячелетие до н. э.) [Моисеенко 2017: 99]. Первыми задокументированными актами, имеющими юридическую значимость, были клятвы, тексты присяги, записи сделок, завещаний и распоряжений, а также целые своды законов (Законы Хаммурапи, XVIII в. до н. э.; Законы Ману, между II в. до н. э. и II в. н. э.) [Зархина 2008: 7]. И все же, несмотря на то, что «связь языка и права замечена давно, радикальные выводы, объясняющие сущность, значение права, судебное доказательство, истину с точки зрения лингвистики, из этого положения не делались» [Брусенская, Куликова 2017: 125].

Считаем абсолютно оправданным суждение о не последней роли филологии в становлении осознанного подхода к увязке языка и права сначала в практической деятельности (толкование древних и религиозных памятников письменности, включая тексты законов – практическая потребность, обусловившая появление филологии [Голев

2007: 8]), а затем и в науке. Толкование – не единственный вектор деятельности в рассматриваемой сфере. Обратное действие – законотворчество (антиномия производство – восприятие) – немисливо без единства этих категорий. Еще юристами Древнего Рима было сформулировано положение: «право может и должно быть определенным». В нем считаются требования точности, полноты и понятности закона [Гришенкова 2005: 20; Зорина 2017: 3].

Сегодня обеспечение соответствия этим критериям – ключевая задача юридической техники.

С точки зрения семиотики можно утверждать, что всякая сфера человеческой деятельности, познания, культуры связана с языком, поскольку он является первичной знаковой системой. «В языке аккумулируется опыт освоения окружающего мира» [Барабаш 2014: 14], право же «связано с языком по происхождению, объективируется через язык, познается через него» [Барабаш 2014: 15]. Тезис о единстве происхождения и механизмов языка и права подтверждается философскими изысканиями. В частности, Г. В. Томсон, интерпретируя логику как науку, изучающую способы выражения мыслей в языке, приходит к выводу, что юридическая логика «помогает ... лингвистам ... точнее понять лингвистику юридического текста» [Томсон 2017: 381].

По нашему убеждению, в онтологическом основании языко-правовой сферы как предмета юрислингвистики лежит механизм нормообразования в языке, в котором заложены (в той или иной степени) потенции и начальные элементы собственно юридической нормативности [Голев 1999: 14]. Такой же позиции придерживается Т. С. Шокиров при обосновании необходимости юрислингвистического толкования [Шокиров 2013: 90]. Это позволяет утверждать, что истинная первородная причина возникновения проблем на стыке языка и права естественна: особая сфера человеческих отношений требует особого обслуживающего ее языка, в процессе функционирования которого стихийно проявляются сложно разрешимые онтологические противоречия.

Говоря о роли языка в погружении в юридический контекст, принято определять его как: а) «средство законодательной деятельности» (оформление правовых предписаний); б) средство «правоприменительной деятельности» (составление различных юридических документов: судебных решений, договоров, протоколов и т. п.; нормирование устной речи акторов судебного процесса); в) «объект толкования в правоприменительной и правореализационной деятельности»; г) объект «правового регулирования» («например, при рассмотрении текстов как предмета авторского права») [Барабаш 2014: 16, 17]. На этом основании различают две юрислингвистических «отрасли»: лингвоюристику, основанную на анализе «проблем, связанных с вовлечением естественного языка в сферу юридического функционирования, где он напрямую соприкасается с законом» [Брусенская 2011], и юрислингвистику, т. е. языковые аспекты права, в частности языковое оформление «законов, существующих в обществе и в ментальности человека в языковом воплощении» [Брусенская 2011].

Лингвоюристика – поле деятельности юристов – предполагает работу в сфере языкового законодательства. «В Европе одним из первых актов в языковой области было постановление Турского собора 813 года о чтении проповедей на народных языках вместо латыни. До XIX века в различных странах принимались законы в пользу мажоритарного языка, и только со второй половины XIX века начинают издаваться законы, ограждающие миноритарные языки» [Брусенская 2011]. В современном языковом праве России первостепенное значение имеют Конституция, в которой закреплён статус русского языка как государственного (при гарантии сохранения национальных языков) [Осипов 1999: 65], и Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» [Брусенская 2011].

Активизация лингвоправовой деятельности приходится на XX в. Примечательно, что происходящие в разных странах процессы имели схожие предпосылки. В США и Великобритании «импульсом для развития юридической лингвистики ... стали проблемы, возникающие в ходе допроса свидетелей», в Америке в зону пересечения двух сфер попали также «судебные разбирательства по поводу торговых марок» [Будаев 2019: 123, 124]. В центре внимания американских и английских юристов и лингвистов находятся язык и стиль юридических документов, преломленные через призму понимания «неспециалистов» в области права [Гришенкова 2005: 21]. Своеобразную историю имеет австралийская юрислингвистика, которая сформировалась «в 1980-х гг. как прикладное направление социолингвистики, призванное способствовать соблюдению прав подозреваемых» [Будаев 2019: 124]. Особую роль здесь сыграли вопросы понимания судебного процесса аборигенами, диалекты английского которых местами весьма значительно отличались от языка «белых полицейских» [Будаев 2019: 124].

Говорить о возникновении юрислингвистических практик в России можно лишь применительно к последнему десятилетию XX столетия. Причины на то носят в первую очередь политический характер: формирование правового государства, либерализация общества, расширение сферы участия рядовых граждан в юридической и экономико-правовой деятельности, рост политической активности граждан, усиление роли СМИ, отмена цензуры, свобода слова и мысли – казалось бы, положительные перемены, однако они способствовали «увеличению коллизионных ситуаций, связанных с использованием языка» [Зорина 2017: 8; Брусенская 2011].

Деятельность на стыке языка и права не ограничивается указанными аспектами. Вслед за исследователями мы признаем ее наполнение весьма разнородным. «Юрислингвистика, являющаяся межотраслевой наукой, находит свое применение на протяжении всех стадий правового регулирования: от этапа правотворчества до процесса его реализации, однако наибольшее применение имеет все-таки в правотворческом и правоприменительном процессе» [Зорина 2017: 12]. Перечислим ключевые направления деятельности, требующей как лингвистических, так и юридических знаний, выделяемые разными авторами:

- 1) планирование и ведение языковой политики, решение вопросов оценки языковой ситуации (в том числе защита конституционного права на пользование родным языком) [Брусенская, Куликова 2017: 126; Руженцева 2017];
- 2) формирование юридической терминосистемы; кодификация юридического языка [Брусенская 2011; Руженцева

2017];

3) социолингвистический анализ правовых коммуникаций; разработка методик борьбы с помехами в коммуникации между юристами и не юристами [Гришенкова 2005: 22; Руженцева 2017; Глинская 2012: 218; Gibbons 2003: 12];

4) лингвистическая конфликтология [Брусенская 2011; Руженцева 2017];

5) лингвоюридическая экспертиза [Гришенкова 2005: 20; Брусенская 2011; Руженцева 2017; Глинская 2012: 218; Gibbons 2003: 12; Ворошилова 2013];

6) контроль над речевым манипулированием и суггестивной функцией языка, включая контроль рекламы [Брусенская 2011; Ворошилова 2013];

7) квалификация «языковых преступлений» (клевета, подстрекательство, угроза и др.); криминалистические исследования [Брусенская, Куликова 2017: 126; Гришенкова 2005: 20];

8) юридическое документирование, толкование законов, языковое ведение судопроизводства [Гришенкова 2005: 20; Зорина 2017: 12; Глинская 2012: 218; Gibbons 2003: 12];

9) устный и письменный юридический перевод [Гришенкова 2005: 20; Руженцева 2017; Глинская 2012: 218; Gibbons 2003: 12];

10) анализ креолизованного текста [Ворошилова 2013];

11) решение вопросов уголовного и гражданского процесса, связанных с установлением истины [Ивентьев 2018: 288];

12) юридическая лексикография [Руженцева 2017].

Как видим, среди видов юрислингвистической деятельности особое место занимает судебная лингвистическая экспертиза спорных текстов. По выражению Ю. А. Гришенковой, «российская юрислингвистика в настоящее время сконцентрирована на проблеме лингвистической экспертизы» [Гришенкова 2005: 21]. Подобное мнение о круге интересов современной юрислингвистики выражает и А. Калиев [Калиев 2011: 213]. Это подтверждается разработанностью методики проведения экспертизы, регулярностью запросов на ее проведение, организацией экспертных сообществ (Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) – г. Москва; Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов (СибАЛЭкс) – г. Кемерово; Ассоциация лингвистов-экспертов и преподавателей (АЛЭП «Лексис») – г. Барнаул) [Курьянович 2014: 271, 272] и т. д.

Задачи судебных лингвистических экспертиз весьма разнообразны. Проводятся они по разным делам: 1) защита чести и достоинства граждан (оскорбление, клевета, распространение порочащих сведений и т. д.); 2) интерпретация текстов закона, спорных документов; 3) разжигание межнациональной и религиозной розни; 4) квалификация речевых действий как манипулирования сознанием (реклама, политическая агитация); 5) оценка речевых произведений с точки зрения плагиата и защиты авторских прав; 6) экспертиза межъязыкового перевода и др. [Моисеенко 2016: 103, 104].

Резюмируя, отметим, что за многовековую историю в юридической сфере накоплено огромное количество текстов абсолютно разного характера: от зафиксированных высказываний – предметов судебных разбирательств до собственно нормативных актов. Весь этот массив образует юридический дискурс, который в XXI в. становится не просто полем практической деятельности, а еще и актуальным объектом научного осмысления лингвистов.

Содержание вузовского курса «Юрислингвистика»: научные аспекты

Науки не возникают сами по себе. Они появляются как ответ на запрос о выявлении закономерностей в том или ином явлении, прояснении его истоков, сущности, функций, взаимосвязей. На основании закономерностей вырабатываются правила, категории, типологии, классификации, в которые укладываются объекты данной сферы познания. Выпадение отдельных элементов из сложных установленных структур, их неподчинение вырабатывавшимся веками правилам становится импульсом для новых исследований, поиска объяснений таким явлениям. Ученым приходится смотреть дальше, пристальнее, менять угол зрения, иногда даже оглядываться назад в поисках ответа.

В предыдущем параграфе мы охарактеризовали практическую деятельность на стыке языка и права, перечислили основные ее виды. В определенный момент у практиков естественным образом возникла необходимость зафиксировать, обобщить и систематизировать накопленный опыт, разработать теорию и методики лингвоправовой деятельности. Накопление юрислингвистических знаний и развитие самой науки – это путь от стихийности к целенаправленности и консолидации. «О том, что правовая и языковая нормы нуждаются в квалифицированном осмыслении специалистов, первыми заговорили практики – юристы и журналисты» [Кузнецов, Бурдин, Солнцева 2006: 11].

Новая область знания нуждалась в именовании. Изначально она сложилась в зарубежной традиции и получила название судебной лингвистики (*forensic linguistics*). Происхождение термина связывают с именем британского писателя и лингвиста Я. Свартвика [Барабаш 2014: 15]. Кроме данного обозначения, в западноевропейской лингвистике функционируют термины *linguistica giuridica* (итал.), *legal linguistics* (англ.), *Rechtstlinguistik* (нем.), *linguistique juridique* (франц.) [Голетиани 2014: 241]. «В польской лингвистике этот раздел языкознания получил название *juryslingwistyka*» [Хижняк 2016: 55]. В России «самым основным и базисным термином» признано обозначение «юрислингвистика», введенное в 1999 г. [Зорина 2017: 9].

В США, Великобритании и некоторых странах Европы в 1960-1970-х гг. «появились исследования, посвященные изучению различных аспектов судебного дискурса (Р. Шай, М. Култхард, Х. Книффка), а также целый ряд научных работ, в которых язык стал рассматриваться как средство формирования общественного, в частности политического,

сознания, в том числе в таких негативных его проявлениях, как этноцентризм, расизм и т. д. (Ю. Хабермас, Г. Кресс и др.)» [Барабаш 2014: 15; Хижняк 2016: 55].

Особенным путем развивалась юрислингвистика в Германии: здесь «ученые изначально работали в тесном взаимодействии с органами правопорядка». Такой подход позволил немецкой школе, сформировавшейся позднее, чем в англосаксонских странах, избежать ошибок, с которыми столкнулись последние [Будаев 2019: 124]. Федеральным ведомством уголовной полиции Германии в 1988 г. была организована первая в истории юрислингвистики конференция. В Британии же конференция по юридической лингвистике впервые состоялась лишь спустя 4 года [Будаев 2019: 124]. Язык права представители немецкой юрислингвистической школы определяли как «самостоятельный, отдельный профессиональный язык» [Маслова, Лавицкий 2019: 569].

«Юридическая лингвистика России не стартовала с нулевой отметки» [Голетиани 2011: 24]. Основанием для становления новой науки, прежде всего, стала функциональная стилистика, где «в рамках исследований юридической разновидности официально-делового функционального стиля, уже было поставлено и решено много актуальных задач по изучению процессуального и законодательного текста» [Голетиани 2011: 24], «язык законодательства исследовался ... с точки зрения его особого функционального стиля, специально предназначенного для изложения и последующего применения правовых норм» [Калиев 2011: 213; Голетиани 2011: 24]. Интерес к изучению языка права проявляли А. С. Пиголкин, А. А. Ушаков, Л. П. Галанза, В. М. Савицкий и др. Но, как уже отмечалось ранее, активизация юрислингвистики в нашей стране произошла лишь после распада СССР, в период становления демократии и рынка. До этого «особенности языка права рассматривались преимущественно в рамках юридической техники» [Барабаш 2014: 15]. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в Москве вышли в свет первые теоретические работы – книги «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации» (1997) и «Цена слова» (2001), посвященные методике судебно-лингвистических экспертиз [Зорина 2017: 9]. В 2007 г. на базе Кемеровского государственного университета прошла первая международная конференция по вопросам юридической лингвистики. Опыт конференции показал: интерес к развитию юрислингвистики в РФ имеется, и он очень велик (к участию подавались заявки со всех регионов страны) [Голев 2007: 7; Зорина 2017: 9].

На сегодняшний день можно говорить о существовании следующих приуниверситетских научных центров юрислингвистики в России:

- Нижегородская правовая академия (А. С. Александров);
- Пермская стилистическая школа (Л. Г. Кыркунова);
- Сибирская школа юрислингвистики (Н. Д. Голев);
- Московская школа лингвокриминалистики (Л. В. Златоустова, Е. И. Галяшина) [Голетиани 2011: 244-246].

Современное «состояние юрислингвистики как науки находится на этапе активных научных исследований языка права во всем мире» [Зорина 2017: 65; Хижняк 2016: 55; Чукулаева 2013: 214, 215]. Иллюстрацией тому является постоянный рост числа исследований в различных сферах юрислингвистической проблематики (табл. 1). [Голев 2007: 9, 10; Голетиани 2011: 241, 242; Хижняк 2016: 55-58].

Направления юрислингвистики в России и за рубежом (исходя из предмета исследования)

Таблица 1

Н. Д. Голев	Л. Голетиани	С. П. Хижняк
судебная лингвистическая экспертиза (<i>методология лингвистической экспертизы по диффамационным делам, делам об экстремизме и разжигании межнациональной розни, лингвистическая экспертиза текста закона на коррупциогенность</i>)		
конфликты межъязыкового перевода (юридический перевод, <i>язык меньшинств</i> , отсутствие эквивалентов, различия правовых систем, квалификация переводчиков)		
конституционное право на имя	история юридического/законодательного языка (исследование ранних юридических текстов)	
толкование текстов закона, спорных документов	законодательная техника, юридическое документоведение и письмо (нормы написания документов, которые будут понятны нелингвистам)	
<i>лингвокриминалистика</i> (идентификация личности по языковым признакам, идентификация документов)	юридический дискурс	
<i>официальный статус языка, вопросы лингвистической политики в мультиэтнических государствах</i>	отличия юридического языка от других страт литературного языка	
экология языка (речевое хулиганство: брань, нецензурные выражения)	юридические тезаурусы (терминология)	юридический жаргон (профессиональная лексика и жаргон преступников)

речевое манипулирование (реклама, предвыборные технологии, «околомедицинские» практики)	<i>использование вербального знака в защите прав интеллектуальной и индустриальной собственности</i>	простота юридического языка (легкость и эффективность восприятия текстов законов и документов)
защита авторских прав	судебное речеведение	юридическая лексикография
защита чести и достоинства (клевета, распространение порочащих сведений, оскорбление)	–	юридическая лингвистика и межкультурная коммуникация (обусловленность языка культурой и конкретной правовой системой)

Курсивом в таблице 1 выделены предметы юрислингвистики, объединенные Л. Голетиани в группу прикладных аспектов лингвоюридического знания в суде.

Определение объекта юридической лингвистики в глобальном смысле ведет к ее разделению на юрислингвистику и лингвоюристику. В первом случае объектом является отношение языка к закону (юридический аспект языка), во втором – закона к языку (языковые аспекты права) [Голев 1999: 12]. На этом основании мы можем представить взаимосвязь наук в виде цепочки, в которой противоположные полюса занимают лингвистика и юриспруденция: Лингвистика – Юрислингвистика – Лингвоюристика – Юриспруденция.

В отличие от исходных исследований юридического языка как особого стилового пласта с точки зрения лексики, синтаксиса и стилистики, в современных научных работах тот же самый объект изучается как интегративный социальный феномен (в соответствии с тенденциями экспансионизма и экспланаторности) [Моисеенко 2017: 102; Гришенкова 2005: 23; Маслова, Лавицкий 2019: 570]. Теперь материалом исследования становится не только текст нормативно-правового акта, но и вообще «любой текст, рассматриваемый в правовом контексте» – от государственного документа до зафиксированного конфликтного высказывания [Будаев 2019: 122; Дединкин 2021: 225].

На наш взгляд, одной из самых актуальных проблем юрислингвистической науки все еще остается проблема понятности текста закона. Рядовому носителю языка, члену правоотношений зачастую неясна воля законодателя, выраженная в правовом акте. Как известно, незнание (а равно – непонимание) закона не освобождает от ответственности. Поэтому «неюристы», как правило, занимают слабую позицию. Разрешению данной коллизии может способствовать создание «высоких лингвистических стандартов в сфере языка законодательства с целью создания понятного текста в законе для лиц, не имеющих юридического образования» [Калиев 2011: 214]. «Антиномию двух предназначений юридических текстов: для профессионалов, владеющих особым типом мышления (юридическим) и особым языком (юридическим), и для рядовых законопослушных граждан» призвана разрешить юридическая техника [Голев 2007: 12, 13].

Завершая описание юрислингвистики как науки, отметим отсутствие единого мнения ученых о ее статусе. Это поле определяется и как «раздел прикладной лингвистики» [Будаев 2019: 122], и как «отдельная отрасль знаний» [Голетиани 2011: 241], и как «лингвистическая дисциплина» [Пыж 2010: 102] и т. д. Мы же, соглашаясь с Л. А. Брусенской, признаем, что юридическую лингвистику пока сложно называть фундаментальной наукой [Брусенская, Куликова 2017: 126], но полноправно можно считать самостоятельной: она имеет свой объект, цели, задачи и методологию [Дединкин 2021: 224]. Ее сущность составляет ряд взаимосвязанных разделов, состоящих в системных отношениях между собой и обслуживающих специфическую коммуникативную сферу – юридический дискурс [Федулова 2015: 56].

Таким образом, «на основе теоретических выводов, получаемых в рамках этой лингвистической дисциплины, возможна разработка практических рекомендаций по совершенствованию и дальнейшему развитию юридического языка и в целом повышению эффективности вербальной коммуникации на данном участке цивилизационного и культурного пространства» [Пыж 2010: 102]. Благодаря достижениям юрислингвистики как науки сегодня стала возможной подготовка молодых кадров для дальнейшей работы в этой сфере. Тем самым запускается трехкомпонентный цикл: *профессиональная подготовка – практическая деятельность – научное осмысление*.

Содержание вузовского курса «Юрислингвистика»: методические и организационно-дидактические аспекты

Очередной вехой развития юрислингвистики как науки стало ее внедрение в сферу образования. Э. В. Будаев называет три ключевые даты, ознаменовавшие вхождение юридической лингвистики в учебный дискурс: 1999 г. – включение курса юрислингвистики в магистерскую программу Кардиффского университета; 2008 г. – открытие Центра юридической лингвистики в Астонском университете; 2000-е гг. – выход первых учебных изданий по дисциплине [Будаев 2019: 125].

В России в силу объективных причин эти процессы происходили с небольшим хронологическим отставанием. Уже в 2003 г. заявлялось: «социальный заказ на специалистов в области юридической лингвистики в современном обществе достаточно велик» [Голев 2003: 10]. Ранее мы обосновали значимость введения юрислингвистической специализации несколькими причинами. Во-первых, к тому моменту уже имелся спрос на специалистов,

обладающих профессиональными знаниями в лингвистике и юриспруденции одновременно. Во-вторых, сохранили свою актуальность вопросы повышения уровня лингвистических знаний студентов учебных учреждений, которые прямо или косвенно связаны с подготовкой специалистов-правоведов. В-третьих, нарастало число конфликтных ситуаций, возникающих в силу противоречивого характера самого языка и его функционирования, вместе с признанием огромной роли языка как орудия убеждения и способа воздействия на общество в целом и на отдельную личность в частности. Причиной прикладного характера стало увеличение роли служебной документации, включенной в юридические сферы (протоколы, служебные постановления, тексты договоров, контрактов и т. п.), что предполагало высокую культуру их составления, понимания и исполнения. Наконец, крепло убеждение, что работники СМИ и работники правоохранительных органов должны иметь представление о языковой и правовой специфике собственной деятельности [Голев 2003: 7-10].

Думается, спустя 18 лет эти вопросы стали иметь более острый характер, а сам круг причин подготовки юрислингвистов значительно расширился.

Собственно, эти причины во многом определили внедрение юрислингвистики в различных ее формах в систему высшего образования. Ученые признают, что для бакалавриата и магистратуры необходимо ставить разные задачи юрислингвистической подготовки. Мы находим это положение весьма логичным и полностью разделяем его. В условиях присоединения России к Болонской системе важно было осознать специфику квалификации магистра и бакалавра. Бакалавриат предполагает погружение студента в образовательный процесс с широким спектром изучаемых дисциплин в рамках избранного направления подготовки. По нашему глубокому убеждению, обучение на данной ступени должно быть классическим (относительно рассматриваемого предмета мы имеем в виду подготовку лингвистов (филологов) и правоведов (юристов) «в чистом виде»). Потому и присутствие юрислингвистики здесь представляется дозированным: в формате отдельной дисциплины, спецкурса, дополнительного предмета по выбору.

Область знаний, получаемых в магистратуре, значительно уже, но здесь принципиальное значение имеют их глубина и применимость на практике. Именно магистерские направления подготовки представляется целесообразным рассматривать как площадки адаптации новых научных отраслей. Соответственно, и юрислингвистику здесь мы можем представить не просто как учебный курс или дисциплину, а как целый профиль подготовки, включающий ряд частных предметных областей.

Более того, видится оправданным разделять не только юрислингвистику для бакалавриата и для магистратуры, но и юрислингвистику для выпускников филологического и юридического бакалавриата. Совершенно очевидно, что стартовый капитал знаний, а значит, и образовательные запросы у таких магистрантов-первокурсников будут разными. Специализация по юридической лингвистике уже существует во многих вузах. Л. А. Брусенская предлагает и еще более узкие специализации в качестве профилей подготовки магистров: «по экологической лингвистике, исследующей именно те вопросы, которые потенциально являются предметом судебного разбирательства» (инвективная лексика, неправомерное использование иноязычия, манипуляция, экстремизм); по судебной экспертизе (ср. подготовка экспертов-криминалистов) [Брусенская, Куликова 2017: 129]. Для юристов, «которые уже состоялись в профессии», автор предлагает программу повышения квалификации «Русский язык для судебных работников» [Брусенская, Куликова 2017: 129].

В. М. Баранов также выражает мнение о необходимости узкой профильной подготовки специалистов. Он обосновывает проблему отсутствия специалистов-нормрайтеров: «в России нет особого слоя людей, которых специально подготовили для правотворческой работы и которые имеют соответствующего образца диплом. Считается, что любой может участвовать в правотворчестве ... с большей или меньшей активностью»; системного обучения не ведется, и диплома соответствующего образца не существует [Баранов 2017: 18, 19]. В. М. Баранов заявляет об острой потребности в разработке профессионального стандарта нормрайтера и подготовке соответствующего образовательного стандарта [Баранов 2017: 20, 22]. «При определении содержания и структуры компетенции нормрайтера важно провести четкое "размежевание" с полномочиями и обязанностями близких, смежных специалистов» [Баранов 2017: 21]. Подготовка таких кадров потребует специального организационно-методического обеспечения, открытия в университете специальных кафедр «стратегии, тактики и техники правотворчества, экспертизы в правотворчестве, современного муниципального правотворчества» и др. [Баранов 2017: 23].

Остановимся все же на аспектах подготовки филологов и юристов в рамках интегративного учебного направления. Филологов привлекают к реальной правоприменительной практике для «получения лингвистических заключений по текстам различной тематики и функционально-стилистической принадлежности» [Брусенская, Куликова 2017: 128]. Поскольку для квалификации языковых правонарушений недостаточно владения только лингвистическими методиками, Л. А. Брусенская настаивает на необходимости формирования у филологов стиля мышления юристов [Брусенская, Куликова 2017: 127]. Такие ожидания от обучающихся определяют соответствующие требования к преподавателю: «в идеале преподавание прикладных дисциплин ... должно вестись лингвистами с юридической подготовкой или специалистами в области права со знанием филологии» [Крадожен-Мазурова 2016: 120]. Филологи востребованы и при разработке рекомендаций о том, как избежать правовых рисков (превентивные меры) [Брусенская, Куликова 2017: 128].

Основной целью юрислингвистического образования является подготовка «профессионального лингвиста, владеющего методологической базой современных междисциплинарных и собственно лингвистических исследований» [Курьянович 2014: 271]. Такой специалист должен быть способен на основе «знаний по теории текста, дискурсо- и жанроведению, функциональной лексикологии и стилистике оказать помощь в рассмотрении комплекса

вопросов, касающихся спорных случаев словоупотребления в контексте той или иной коммуникативной ситуации» [Курьянович 2014: 271].

При обучении юристов акцент делается на стилистической стороне юридического языка как особой подсистемы языка литературного.

Специалисты должны осознавать юридические различия и особенности разных жанров, с которыми им предстоит столкнуться в профессиональной деятельности (язык и стиль допроса, судебных прений, судебный этикет и т. п.) [Брусенская, Куликова 2017: 129].

Рядом ученых отстаивается мнение, что в программы юридических вузов следует включать дисциплины филологического цикла (риторика, культура речи юриста, документная лингвистика, профессиональная речь, судебное красноречие и т. п.), поскольку «юрист – профессия с повышенной речевой ответственностью» [Брусенская, Куликова 2017: 129; Голев 2003: 5]. В. И. Пронягина объясняет это требованием к юристам не только уметь квалифицировать словоупотребления с позиции «правильно/неправильно», но и «рассматривать языковые факты с точки зрения права», комплексно оценивать нормативные тексты с позиций ясности (четкости, логичности, убедительности), точности (однозначности), чистоты (в стилистическом отношении), правильности (соответствия нормам литературного языка) [Пронягина 2013: 74].

Интегративный подход юрислингвистики «дает возможность будущим юристам на базе общеправовой подготовки получить уникальные навыки практической деятельности в судебной лингвистической экспертизе, юридической медиации, законотворчестве (разработка проектов законов) и законоприменении (толкование действующих правовых актов)» [Соловьева 2016: 62]. Е. М. Крадожен-Мазурова полагает, что «юрислингвистика, теория и практика назначения и производства лингвистических экспертиз – вершина языковой подготовки юриста-правоведа» [Крадожен-Мазурова 2016: 120].

При господствующем компетентностном подходе в образовании огромное значение имеет формирование у студентов лингвистической компетенции наряду с профильными знаниями, умениями и навыками. Так, с 2010 г. по направлению 03.09.00 Юриспруденция действует Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования, по которому «немалую часть требований, предъявляемых к будущему юристу, составляют именно языковые» [Герасимова, Здравовина 2014: 31].

Л. А. Москалева шире рассматривает круг лиц, заинтересованных в получении юрислингвистического образования, и пишет о формировании коммуникативной компетенции у специалистов ОВД [Москалева 2013: 83]. Их профессиональная деятельность предполагает ряд задач, требующих развитых языковых и речевых навыков: «разработка нормативных правовых актов; составление юридических документов; консультирование по вопросам права; осуществление правовой экспертизы нормативных правовых актов; ... поиск, получение, анализ и оценка информации, имеющей значение для реализации правовых норм в сфере национальной безопасности; осуществление правового воспитания» [Москалева 2013: 84].

Е. Р. Новикова сосредотачивается на обосновании проблем подготовки юристов-переводчиков. Специфика обучения таких студентов определена необходимостью изучения не только права зарубежного государства, но и его юридического языка для перевода соответствующих реалий [Новикова 2017: 20]. Отсутствие у переводчика специальных знаний (лингвистических или правовых) влечет возникновение т. н. переводческого брака, выраженного в упущении важной информации, подмене терминов и официально-деловой лексики общеупотребительными словами, замене ряда однородных членов одним обобщающим термином, буквальном и вольном переводе и т. д. [Новикова 2017: 21].

Ю. Р. Сергеева выносит на обсуждение вопрос об инструментах установления межпредметных связей между языком, правом и переводческой деятельностью на примере направления подготовки 40.02.01 «Право и организация социального обеспечения» ступени среднего профессионального образования. Предлагаемая исследователем и преподавателем методика – использование учебного двуязычного терминологического словаря-минимума, глоссария или тезауруса, способствующее развитию у студентов профессионально ориентированного английского языка [Сергеева 2018: 508, 509].

В 2012/2013 учебном году в Казанском юридическом институте был апробирован курс «Юридическая лингвистика» в формате факультативных занятий. Особое внимание было уделено подбору материала для практических заданий, который включал тексты (фрагменты художественных произведений, судебных речей, рекламных и агитационных текстов и др.); видеоматериалы (сюжеты из художественных фильмов, записей политических выступлений и дебатов, образцы успешной аргументации, речевого воздействия); «видеоматериалы, в которых представлены рекомендации и наблюдения психологов, тренеров по межличностной коммуникации и ораторскому искусству» [Москалева 2013: 86]. Можем отметить практическую ориентированность такого подхода, которая весьма логична с учетом сущности самой юрислингвистики, выросшей из практической деятельности. Работа студентов с эмпирическим материалом, кейсами формирует у них профессиональную насмотренность. Но, разумеется, теоретические аспекты не должны упускаться, т. к. выстраивание особого мышления невозможно без обращения к понятийному аппарату, восприятия уже установленных закономерностей и концепций.

В Томском государственном педагогическом университете юрислингвистика преподается как дисциплина по выбору для магистрантов. А в 2015 г. в вузе планировалось открыть магистерскую программу «Юридическая лингвистика в профессиональной деятельности» для подготовки широкого круга профессиональных кадров (от преподавателей до юристов) [Курьянович 2014: 274].

Сегодня российские вузы активно набирают студентов для подготовки на юрислингвистических направлениях. В основном юридическая лингвистика становится профилем подготовки магистров. В Интернете в свободном доступе размещаются описания образовательных программ на базе таких вузов, как Санкт-Петербургский государственный университет¹, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова², Южный федеральный университет³, Кемеровский государственный университет⁴ и др. Большая часть магистратур открывается на базе филологических институтов и факультетов и регулируется нормами Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по направлениям подготовки 45.04.01 Филология и 45.04.02 Лингвистика.

Дисциплины по юридической лингвистике преподаются во Владимирском государственном университете⁵, в Томском государственном педагогическом университете⁶ и др.

Как видим, на данный момент юрислингвистика, возникавшая в России как новая отрасль научного знания, развиваемая изначально в стенах Алтайского государственного университета, уже имеет устоявшийся статус и широкую географию распространения в образовательной среде.

Заключение

В содержательном плане в исследовании обоснованы следующие положения:

1. Юридическая лингвистика прошла путь от практической деятельности, зародившейся еще при толковании древних юридических текстов, до особой области науки. На рубеже XX-XXI вв. происходит определение ее статуса в системе российского высшего образования как учебной дисциплины и как профиля подготовки студентов квалификации Магистр.

2. Ко второму десятилетию XXI в. обнаружился дефицит учебных программ и изданий, обслуживающих превентивные учебные курсы по юридической лингвистике. Преподаватели вынуждены предлагать в качестве основной и дополнительной литературы монографии и научные статьи по отдельным отраслям юрислингвистики, а также юридические словари и энциклопедии – источники, не в полной мере соответствующие требованиям дискурса. Кроме того, такой подход способствует мозаичному восприятию дисциплины и юрислингвистики в целом.

3. Вузовское учебное издание не должно восприниматься как ядро, вокруг которого построена учебная программа дисциплины, или быть источником исключительно теоретических положений. Это вспомогательный инструмент, который в соответствии с принципом самоорганизации учебного процесса и стремлением к воспитанию самостоятельности студентов должен предлагать разные формы взаимодействия с учебным материалом и мотивировать на расширение знаний.

4. Инновационный учебник (учебное пособие) может сохранить за собой привычный печатный формат. При всех преимуществах электронных изданий и их широкой распространенности бумажные книги остаются наиболее приемлемыми средствами обеспечения учебного процесса в связи с удобством и эффективностью восприятия информации, автономностью и независимостью от технических средств, практически неограниченным временем безопасного с медицинской точки зрения взаимодействия и др. Более того, в печатное издание могут быть интегрированы средства взаимодействия с интернет-ресурсами.

В проведенном исследовании обоснована возможность применения категории модальности к структуре учебного издания для вуза. В аспекте методики преподавания она находит выход в способах воздействия на ведущий канал восприятия. В свете преломления через языковые механизмы она обращается к авторским интенциям: видению обязательности или необязательности тех или иных компонентов, направленности на вовлечение или невовлечение читателя в дистантный диалог. Взаимосвязь фактора адресата и модальности отдельных структурных компонентов или издания в целом неочевидна и требует верификации.

Перспективы работы видим в применении установленных на данном этапе положений при анализе вузовских программ и учебников по юрислингвистике. Выражаем надежду на то, что предложенные макеты структуры учебного издания, обслуживающего курсы по юридической лингвистике, найдут применение на практике и будут результативны.

¹ Юридическая лингвистика. 45.04.02 [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский государственный университет. Режим доступа: <https://spbu.ru/postupayushchim/programms/magistratura/yuridicheskaya-lingvistika> (дата обращения: 18.01.2021).

² Юридическая лингвистика. 45.04.01 [Электронный ресурс] // Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова. Режим доступа: <https://lunn.ru/programs/5388> (дата обращения: 18.01.2021).

³ Информация о магистерской программе «Юридическая лингвистика» [Электронный ресурс] // Южный федеральный университет. Режим доступа: [https://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=EDU/annot/D&params=\(p_specia_id=%3E3634\)](https://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=EDU/annot/D&params=(p_specia_id=%3E3634)) (дата обращения: 18.01.2021).

⁴ Направление 45.04.01 – Филология [Электронный ресурс] // Кемеровский государственный университет. Режим доступа: <https://kemsu.ru/abiturient/directions/magistracy/450401/> (дата обращения: 18.01.2021).

⁵ Рабочая программа дисциплины «Юридическая лингвистика» [Электронный ресурс] // Владимирский государственный университет. Режим доступа: http://op.vlsu.ru/fileadmin/Programmy/Magistratura/40.04.01/Teor_i_pr_prav_reg/R_prog/jul2.pdf (дата обращения: 18.01.2021).

⁶ Рабочая программа учебной дисциплины М.3.В.11. Юрислингвистика [Электронный ресурс] // Томский государственный педагогический университет. Режим доступа: https://www.tspu.edu.ru/images/history_news/Programmy%202014-2015/Magistratura/050100.68%20Современное%20языковое%20образование/M_2_V_11_Urislingvistika.pdf (дата обращения: 18.01.2021).

Литература

- Барабаш О. В.* Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы. Вестник Пензенского государственного университета. Пенза, 2014. № 2. С. 14-18.
- Баранов В. М.* Норморайтер как профессия. Вестник Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2017. № 6. С. 16-29.
- Брусенская Л. А.* Правовое регулирование языка: русский язык в сфере юридического функционирования. Философия права. Ростов-на-Дону, 2011. № 5. С. 15.
- Брусенская Л. А., Куликова Э. Г.* Перспективные направления лингвистической подготовки юристов: новые формы интеграции лингвистики и права. Юристъ-Правоведъ. Ростов-на-Дону, 2017. № 2. С. 125-130.
- Будаев Э. В.* Зарубежная юридическая лингвистика: генезис дисциплины. Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2019. № 1. С. 122-126.
- Ворошилова М. Б.* Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика. Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2013. № 1. С. 211-212.
- Герасимова Н. Р., Здоровина Н. В.* Юрислингвистика: перспективы внедрения в юридическое образование. Социально-политические науки. М., 2014. № 1. С. 30-32.
- Голев Н. Д.* Юридический аспект языка в лингвистическом освещении. Юрислингвистика. Барнаул, 1999. № 1. С. 12-59.
- Голев Н. Д.* Юрислингвистика: социально-образовательные аспекты. Юрислингвистика. Барнаул, 2003. № 4. С. 5-11.
- Голев Н. Д.* Самоопределение юридической лингвистики в России. Юрислингвистика. Барнаул, 2007. № 8. С. 7-13.
- Голетиани Л.* О развитии юридической лингвистики в России и Украине. Studi Slavistici VIII. Флоренция, 2011. С. 241-262.
- Глинская Н. П.* Язык и право: панорамный взгляд на современное состояние междисциплинарного взаимодействия (рец. на кн.: The Oxford Handbook of Language and Law. Edited by Peter M. Tiersma and Lawrence M. Solan. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 642 p.). Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2012. № 2. С. 218-220.
- Гришенкова Ю. А.* Актуальные вопросы современной юрислингвистики. Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2005. № 1. С. 20-23.
- Дединкин А. Л.* Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрислингвистика как синкретическая наука. Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2021. Т. 23. № 1. С. 220-228.
- Зархина С. Э.* Античные истоки философской юрислингвистики. Юрислингвистика. Барнаул, 2008. № 9. С. 6-9.
- Зорина Т. С.* Основные аспекты юрислингвистики. Язык и стиль нормативно-правовых актов. Требования, предъявляемые к написанию законов: магистерская диссертация: 40.04.01 / Татьяна Сергеевна Зорина. Барнаул, 2017.
- Ивентьев С. И.* Юрислингвистика: юридическая истина. Гуманитарные чтения «Свободная стихия»: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (Севастополь, 13-15 сентября 2018 г.) Севастополь, 2018. С. 288-295.
- Калиев А.* О пути становления юрислингвистики как науки. Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. Новосибирск, 2011. № 8. С. 212-215.
- Крадожен-Мазурова Е. М.* Юрислингвистика – перспективное направление подготовки современных юридических кадров дальневосточного региона. Теоретические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза: сб. мат-лов Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием. (Хабаровск, 30 октября 2015 г.) Хабаровск, 2016. С. 119-122.
- Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа). Актуальные проблемы современной лингвистики, сост. Л. Н. Чурилина. 10-е изд., стер. М., 2017. С. 46-59.
- Кузнецов А. М., Бурдин Л. С., Солнцева Н. В.* Юрислингвистика (язык и право). М., 2006.
- Курьянович А. В.* Юридическая лингвистика: теоретические аспекты, практика экспертизы, опыт преподавания. Образование через всю жизнь. Проблемы образования взрослых в Западно-Сибирском регионе: мат-лы межрегиональной науч.-практ. конф. (Омск, 6-7 ноября 2014 г.) Омск, 2014. С. 270-276.
- Маслова В. А., Лавицкий А. А.* Философские вопросы семантики, поднимаемые Л. А. Новиковым, – ключ к формированию терминологического аппарата юрислингвистики (категория умышленности). Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. М., 2019. Т. 10. № 3. С. 567-580.
- Моисеенко Л. В.* Таксономия лингвистических исследований в области юридического дискурса. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. М., 2017. № 6 С. 99-105.
- Москалева Л. А.* Аспекты преподавания юридической лингвистики в вузах МВД. Вестник Казанского института МВД России. Казань, 2013. № 1. С. 82-86.
- Новикова Е. Р.* Особенности обучения юрислингвистике при подготовке юристов-переводчиков. Державинский форум. Тамбов, 2017. Т. 1. № 4. С. 20-26.
- Осипов Б. И.* Языковые проблемы права и правовые проблемы языка. Юрислингвистика. Барнаул, 1999. № 1. С. 58-69.

- Позднякова Е. М. Парадигмы научного знания в лингвистике и современное лингвистическое образование. Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. трудов, отв. ред. Е. С. Кубрякова, Л. Г. Лузина. М., 2008. С. 4-14.
- Пронягина В. И. Проблемы формирования лингвистической компетенции студентов-юристов. Вестник Уфимского юридического института МВД России. Уфа, 2013. № 1. С. 73-78.
- Пыж А. М. Язык и право в свете юрислингвистики. Юрислингвистика. Барнаул, 2010. № 10. С. 101-106.
- Руженцева Н. Б. Взаимодействие языка, права и политики: методология и методы отечественной юрислингвистики. Будаев Э. В., Ворошилова М. Б., Руженцева Н. Б. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы. Екатеринбург, 2017. Гл. II. С. 62-124.
- Сергеева Ю. Р. Правовая лингвистика как новое междисциплинарное направление в среднем профессиональном образовании. Личность. Общество. Образование. Непрерывное образование как фактор развития личности в современном обществе: сб. ст. XXI Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 30 марта 2018 г.) СПб., 2018. С. 505-510.
- Соловьева О. Б. Юрислингвистика: расширение перспектив трудоустройства будущих юристов. Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Новосибирск, 2016. № 3. С. 58-63.
- Томсон Г. В. Природа юрислингвистики. Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2017. № 2. С. 380-382.
- Хижняк С. П. Юридическая лингвистика за рубежом. Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: мат-лы VI Всерос. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 15 ноября 2016 г.) Ростов-на-Дону, 2016. Вып. 6. С. 55-59.
- Федулова М. Н. Юридический дискурс как социокультурный и языковой феномен: уровни научной интерпретации. Филологические науки в МГИМО. М., 2015. № 4. С. 47-59.
- Чуколаева Е. И. К вопросу о лингвоюриспруденции и юрислингвистике. Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. Пермь, 2013. Т. 4. С. 211-214.
- Шокиров Т. С. Национальная юрислингвистика и ее задачи. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. М., 2013. № 9. С. 90-91.
- Saussure F. de. Cours de linguistique generale, publie par Ch. Bally, A. Sechehaye, A. Riedlinger. Paris, 1971.
- Gibbons J. Forensic linguistics: an introduction to language in the justice system. Oxford, 2003.

References

- Barabash, O. V. Legal linguistics: origins, problems, prospects. Bulletin of the Penza State University. Penza, 2014, no. 2, pp. 14-18. (In Russian)
- Baranov, V. M. Normwriter as a profession. Bulletin of the Saratov State Law Academy. Saratov, 2017. No. 6. P. 16-29. (In Russian)
- Brusenskaya, L. A. Legal regulation of the language: Russian language in the field of legal functioning. Philosophy of law. Rostov-on-Don, 2011. No. 5. P. 15. (In Russian)
- Brusenskaya, L. A., Kulikova, E. G. Perspective directions of linguistic training of lawyers: new forms of integration of linguistics and law. Lawyer-Jurist. Rostov-on-Don, 2017. No. 2. P. 125-130. (In Russian)
- Budaev, E. V. Foreign legal linguistics: the genesis of the discipline. Political linguistics. Yekaterinburg, 2019. No. 1. P. 122-126. (In Russian)
- Voroshilova, M. B. Legal linguistics: forensic linguistic expertise, linguistic conflictology, legal and linguistic hermeneutics. Political linguistics. Ekaterinburg, 2013. No. 1. S. 211-212. (In Russian)
- Gerasimova, N. R., Zdorovinina, N. V. Legal linguistics: prospects for implementation in legal education. Socio-political sciences. Moscow, 2014. No. 1. S. 30-32. (In Russian)
- Golev, N. D. Legal aspect of language in linguistic coverage. Jurislinguistics. Barnaul, 1999. No. 1. S. 12-59. (In Russian)
- Golev, N. D. Jurislinguistics: social and educational aspects. Jurislinguistics. Barnaul, 2003. No. 4. S. 5-11. (In Russian)
- Golev, N. D. Self-determination of legal linguistics in Russia. Jurislinguistics. Barnaul, 2007. No. 8. S. 7-13. (In Russian)
- Goletiani, L. On the development of legal linguistics in Russia and Ukraine. Studi Slavistici VIII. Florence, 2011. pp. 241-262. (In Russian)
- Glinskaya, N. P. Language and Law: A Panoramic View of the Current State of Interdisciplinary Cooperation (reviewed in The Oxford Handbook of Language and Law. Edited by Peter M. Tiersma and Lawrence M. Solan. – Oxford: Oxford University Press, 2012. - 642 p.). Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. Voronezh, 2012. No. 2, pp. 218-220. (In Russian)
- Grishenkova, Yu. A. Topical issues of modern jurislinguistics. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. Yaroslavl, 2005. No. 1. S. 20-23. (In Russian)
- Dedinkin, A. L. Legal discourse as a multidimensional integrative phenomenon and jurislinguistics as a syncretic science. Bulletin of the Kemerovo State University. Kemerovo, 2021, vol. 23, no. 1, pp. 220-228. (In Russian)
- Zarkhina, S. E. Antique origins of philosophical jurislinguistics. Jurislinguistics. Barnaul, 2008. No. 9. S. 6-9. (In Russian)
- Zorina, T. S. Main aspects of jurislinguistics. Language and style of legal acts. Requirements for writing laws: master's thesis: 40.04.01 / Tatyana Sergeevna Zorina. Barnaul, 2017. (In Russian)
- Iventiev, S. I. Legal linguistics: legal truth. Humanitarian readings "Free Element": materials of the III Intern. scientific-practical. conf. (Sevastopol, September 13-15, 2018) Sevastopol, 2018, pp. 288-295. (In Russian)

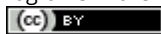

- Kaliev, A. On the way of formation of jurislinguistics as a science. Intellectual potential of the 21st century: stages of knowledge. Novosibirsk, 2011, no. 8, pp. 212-215. (In Russian)
- Kradozhen-Mazurova, E. M. Legal linguistics is a promising direction in the training of modern legal personnel in the Far East region. Theoretical and applied aspects of modern linguistic education in a non-linguistic university: Sat. mat-lov Vseros. scientific method. conf. with international participation. (Khabarovsk, October 30, 2015) Khabarovsk, 2016, pp. 119-122. (In Russian)
- Kubryakova, E. S. Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (experience of paradigm analysis). Actual problems of modern linguistics, comp. L. N. Churilin. 10th ed., ster. Moscow, 2017, pp. 46-59. (In Russian)
- Kuznetsov, A. M., Burdin, L. S., Solntseva, N. V. Jurislinguistics (language and law). Moscow, 2006. (In Russian)
- Kuryanovich, A. V. Legal Linguistics: Theoretical Aspects, Expertise Practice, Teaching Experience. Education throughout life. Problems of adult education in the West Siberian region: materials of the interregional scientific and practical. conf. (Omsk, November 6-7, 2014) Omsk, 2014, pp. 270-276. (In Russian)
- Maslova, V. A., Lavitsky, A. A. Philosophical issues of semantics raised by L. A. Novikov are the key to the formation of the terminological apparatus of jurislinguistics (the category of intentionality). Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. Moscow, 2019. V. 10. No. 3. S. 567-580. (In Russian)
- Moiseenko, L. V. Taxonomy of linguistic research in the field of legal discourse. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences. Moscow, 2017. No. 6 S. 99-105. (In Russian)
- Moskaleva, L. A. Aspects of teaching legal linguistics in the universities of the Ministry of Internal Affairs. Bulletin of the Kazan Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Kazan, 2013. No. 1. P. 82-86. (In Russian)
- Novikova, E. R. Features of teaching jurislinguistics in the preparation of lawyers-translators. Derzhavin forum. Tambov, 2017. Vol. 1. No. 4. P. 20-26. (In Russian)
- Osipov, B. I. Language problems of law and legal problems of language. Jurislinguistics. Barnaul, 1999. No. 1. S. 58-69. (In Russian)
- Pozdnyakova, E. M. Paradigms of scientific knowledge in linguistics and modern linguistic education. Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics: Sat. scientific works, resp. ed. E. S. Kubryakova, L. G. Luzina. Moscow, 2008, pp. 4-14. (In Russian)
- Pronyagina, V. I. Problems of forming the linguistic competence of law students. Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Ufa, 2013. No. 1. P. 73-78. (In Russian)
- Pyzh, A. M. Language and law in the light of jurislinguistics. Jurislinguistics. Barnaul, 2010, No. 10, pp. 101-106. (In Russian)
- Ruzhentseva, N. B. Interaction of language, law and politics: methodology and methods of national jurislinguistics. Budaev E. V., Voroshilova M. B., Ruzhentseva N. B. The evolution of linguistic expertise: methods and techniques. Yekaterinburg, 2017. Ch. II. pp. 62-124. (In Russian)
- Sergeeva, Yu. R. Legal linguistics as a new interdisciplinary direction in secondary vocational education. Personality. Society. Education. Continuing education as a factor in the development of personality in modern society: Sat. Art. XXI International. scientific-practical. conf. (St. Petersburg, March 30, 2018) St. Petersburg, 2018, pp. 505-510. (In Russian)
- Solovieva, O. B. Legal linguistics: expanding the prospects for employment of future lawyers. Bulletin of the Siberian State University of Communications. Novosibirsk, 2016, no. 3, pp. 58-63. (In Russian)
- Thomson, G. V. The nature of jurislinguistics. The world of science, culture, education. Gorno-Altaysk, 2017. No. 2, pp. 380-382. (In Russian)
- Khizhnyak, S. P. Legal linguistics abroad. Language and Law: Actual Problems of Interaction: Materials of VI Vseros. scientific-practical. conf. (Rostov-on-Don, November 15, 2016) Rostov-on-Don, 2016. Issue. 6. P. 55-59. (In Russian)
- Fedulova, M. N. Legal discourse as a sociocultural and linguistic phenomenon: levels of scientific interpretation. Philological sciences at MGIMO. Moscow, 2015. No. 4. S. 47-59. (In Russian)
- Chikulaeva, E. I. To the question of linguistic jurisprudence and jurislinguistics. Formation of the humanitarian environment in the university: innovative educational technologies. Competence approach. Perm, 2013, vol. 4, pp. 211-214. (In Russian)
- Shokirov, T. S. National jurislinguistics and its tasks. International Journal of Applied and Basic Research. Moscow, 2013. No. 9. P. 90-91. (In Russian)
- Saussure, F. de. Cours de linguistique generale, publie par Ch. Bally, A. Sechehaye, A. Riedlinger. Paris, 1971.
- Gibbons, J. Forensic linguistics: an introduction to language in the justice system. Oxford, 2003.

Citation:

Голев Н. Д., Лоншакова К. А. Юрислингвистика как вузовская учебная дисциплина (на материале учебников и магистерских программ в вузах Российской Федерации): аспектуализированный обзор // Юрислингвистика. – 2023. – 29. – С. 86-97.
 Golev N.D., Lonshakova K.A. (2023) Legal Linguistics as a University Academic Course (Case Study of University Textbooks and Master's Programs in the Russian Federation): Aspect Approach. Legal Linguistics, 29, 86-97.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

Лингвистические средства выражения оценки судебной системы США в романе Дж. Гришэма «Вне правил»

Е. А. Дегтярева

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская, 9, 125993, Москва, Россия. E-mail: katerina742003@mail.ru*

В лингвистике активно обсуждаются вопросы содержания понятия «оценка» как языковой категории. Целью данного исследования является выявление и анализ языковых средств выражения оценки в романе Джона Гришэма «Вне правил». Для проведения анализа использовались следующие методы исследования: метод сплошной выборки, контекстологический анализ отобранных средств выражения оценки, статистическая обработка данных. В данной работе рассматриваются лексические и синтаксические средства выражения и функционирования оценки. В основном это оценка со знаком «минус». Приводятся примеры использования таких лексических средств выражения оценки, как пейоративы, мелиоративы, фразеологизмы, модальные слова. Исследуются стилистические приемы, способствующие оценочным характеристикам: метафора, сравнение, ирония, аллюзия. В статье рассматриваются также синтаксические средства, используемые автором романа для выражения оценки: риторические вопросы, восклицательные предложения, параллелизм, повтор. В результате исследования можно сделать вывод: в романе используются различные средства выражения негативной оценки, что отражает стремление автора к созданию отрицательного образа Фемиды в его стране.

Ключевые слова: оценка, стилистические приемы, лексические средства, синтаксические средства, модальность.

Linguistic Means of Expressing Evaluation in J. Grisham's Novel "Rogue Lawyer"

E. A. Degtyaryova

*Kutafin Moscow State Law University
Sadovaya-Kudrunskaya Str., 9, 125993, Moscow, Russia. E-mail: katerina742003@mail.ru*

Linguistics actively discusses the content of the notion of evaluation as a language category. The given article aims at analyzing linguistic means of expressing evaluation in John Grisham's novel "Rogue Lawyer". The analysis was carried out with the help of the following methods of research: continuous sampling method, textual analysis of the selected means of evaluation, statistical data processing. The article deals with lexical and syntactic means of evaluation. The evaluation in most cases has a "minus sign". The article contains examples of lexical means of evaluation, such as pejoratives, melioratives, idioms, modal words. It also deals with stylistic devices providing evaluation: metaphor, simile, irony, allusion. The paper analyses the syntactic means used by the author to express evaluation: rhetorical questions, exclamatory sentences, parallel constructions, repetition. The research shows that with the help of the linguistic means of evaluation the author manages to create the negative image of most representatives of the judicial system and demonstrate his attitude towards the system of justice in his country.

Key words: evaluation, stylistic devices, lexical means, syntactical means, modality.

В лингвистике активно обсуждаются вопросы содержания понятия «оценка» как языковой категории. Целью данного исследования является выявление и анализ языковых средств выражения оценки в романе Джона Гришэма «Вне правил». Для проведения анализа использовались следующие методы исследования: метод сплошной выборки, контекстологический анализ отобранных средств выражения оценки, статистическая обработка данных. В данной работе рассматриваются лексические и синтаксические средства выражения и функционирования оценки. В основном это оценка со знаком «минус». Приводятся примеры использования таких лексических средств выражения оценки, как пейоративы, мелиоративы, фразеологизмы, модальные слова. Исследуются стилистические приемы,

способствующие оценочным характеристикам: метафора, сравнение, ирония, аллюзия. В статье рассматриваются также синтаксические средства, используемые автором романа для выражения оценки: риторические вопросы, восклицательные предложения, параллелизм, повтор.

Языковая категория оценки является важным объектом изучения в лингвистике. Предметом данного исследования являются языковые средства выражения оценки, используемые американским писателем Джоном Гришэмом в романе «Вне правил» [Grisham 2015].

Материалом для исследования послужил роман указанного автора. Главным героем произведения является адвокат, занимающийся защитой подозреваемых в уголовных преступлениях лиц. Будучи профессиональным юристом, автор при описании судебного производства считает необходимым дать характеристику и оценку системе правосудия США и ее представителям.

В работе были использованы следующие методы исследования: метод сплошной выборки (было отобрано 230 примеров для анализа), контекстологический анализ отобранных средств выражения оценки, статистическая обработка данных.

Практическая значимость работы связана с возможностью использования данного материала в преподавании дисциплины «Английский язык в юриспруденции». Также необходимо отметить, что предмет исследования связан с учебной дисциплиной «Юридическая техника», одним из элементов которой является изучение языковых средств. Как отмечено в работе Т. В. Кашаниной, любая мысль (законодателя, толкователя или правоприменителя) имеет лингвистическую форму. Здесь происходит своего рода удваивание познания юридического мира: правовые явления облакаются в языковую оболочку. Какую бы деятельность ни выполнял юрист, он должен владеть искусством речи [Кашанина 2011: 37]. Одна из задач подготовки юристов – научить студентов аргументировать сказанное, давать оценку ситуации и действию.

Существует множество определений понятия оценки. Ю. А. Фомина считает, что важнейшим показателем оценки является наличие «плюса» или «минуса» в значении слова [Фомина 2007: 154].

Для выражения отношения к субъекту оценки используются различные языковые способы. Оценочные значения формируются на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях функционирования оценочных единиц. Наиболее представительным уровнем для оценочной функции выражения является лексический.

Оценочные лексемы содержат информацию о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого, выделенному относительно того или иного аспекта рассмотрения некоторого объекта [Телия 1986: 54].

Рассмотрим лексические единицы с оценочным значением функционального типа, т. е. те, оценочность которых обусловлена наличием оценочной семы в самом денотате. Так как оценка – это «... действие присвоения положительных или отрицательных свойств тому или иному объекту» [Маркелова 1995: 67], выделим две группы слов: пейоративы (лексические единицы, выражающие отрицательную оценку) и мелиоративы (лексические единицы, выражающие положительную оценку). В романе первая группа представлена существительными, прилагательными, причастиями и глаголами:

- He became a skilled *briber* of politicians and regulators.
- Their *bogus* and *corrupt* prosecution has just unraveled.
- ... to rub shoulders with such a *twisted* murderer could do real harm to a career.
- ... its fuel injectors had been *vandalized*.

Для описания общей картины судопроизводства и образов автор часто прибегает к использованию пейоративов. Среди них можно выделить пейоративы одушевленного рода: *thug*, *criminal*, *outlaw*, *scum*, *felon*, *liar*, *rogue*, *blockhead*, *dropout* и неодушевленного рода: *perjury*, *guilt*, *looting*, *Mafia*, *lie*, *wrongdoing*. В романе также встречается множество прилагательных, причастий и глаголов, выражающих отрицательную оценку: *low-life* (*source*), *backwater*, *phony*, *brutal*, *lame* (*response*), *nasty* (*reputation*), *bad*, *stupid*, *terrible*, *trigger-happy*, *improper*, *crushing*, *fake*, *to hoodwink*, *to cheat*, *to fabricate* (*evidence*). Следует отметить, для выражения негативной оценки автор чаще всего использует прилагательные (31), далее идут существительные (17) и глаголы (10). Нередко автор использует наречия, обладающие оценочностью: *mercilessly*, *badly*.

Нередко пейоративы, встречающиеся в романе, имеют в словарях пометы *informal*, *nonliterary*, *slang*, разговорный: *tomcat*, *druggie*, *goon*, *crook*, *crud*, *narc*, *slimeball*, *slammer*, *to trump up* (*a charge*), *to nail*, *to piggyback*. Слова данной категории придают высказыванию эмоционально-оценочную окраску.

Вторая группа, к которой относятся мелиоративы, в романе гораздо менее репрезентативна:

- *Marc Lowenstein is an acquaintance of mine and a **fine** lawyer.*
- *He sounds like a **hero**.*
- *He's simply an **honest** cop ... .*
- *With **flawless** timing, the FBI, IRS, SEC, and a trainload of other tough guys with badges arrived at the scene.*
- *They're **good** lawyers, tough negotiators and litigators ...*
- *Dewery did the **honorable** thing ... .*

Как отмечает И. В. Турецкова, тенденцию преобладания пейоративных лексем над мелиоративными можно объяснить тем, что общеотрицательная характеристика объекта и положения дел более разнообразна, чем

общеположительная, т. к. норма в принципе одна, отклонений от нормы может быть сколь угодно много. Кроме того, психологически человек склонен замечать в первую очередь отрицательные характеристики окружающих. Положительные качества воспринимаются как «нормальные», само собой разумеющиеся [Турецкова 2011: 8]. Однако применительно к данному роману это объяснение можно дополнить: преобладание пейоративных лексем над мелиоративными является здесь естественным, поскольку автор с помощью пейоративов выражает свое резко отрицательное отношение к действующей в его стране правоохранительной системе и ее представителям.

Исследуя средства выражения оценки, нельзя не затронуть понятие модальности. При анализе примеров мы будем ориентироваться на концепцию В. В. Виноградова, который считал модальность объективно-субъективной категорией и называл ее неотъемлемой частью предложения, его конструктивным признаком [Виноградов 1975: 55].

Автор романа использует весь спектр способов оформления так называемой субъективной модальности, то есть отношения говорящего к сообщаемому. «Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции» [Ляпон 2002: 303]. Одним из средств субъективной модальности являются фразеологизмы, большая часть которых обладает экспрессивно-окрашенным значением: *I'm being paid by the state to raise hell in a courtroom*. Описывая ситуацию, когда адвокаты не хотят быть назначенными, то есть работать без гонорара, автор использует фразеологизм *to run up the hill*, что означает «бежать без оглядки, сбежать». Давая характеристику честному полицейскому, автор говорит, что тот играет по правилам (действует по букве закона): *He ... plays by the books...* Для обозначения раздражения, потери самообладания используется идиома *to blow one's cool*.

Оценочное значение передается также с помощью междометий:

- **Oh really?** (для выражения удивления)
- **Wow.** (для выражения удивления или восхищения)
- *It's a big moment for law enforcement and, **hell**, they gotta make the most of it.* (для эмпазы)
- **Gee,** *I wonder what he'll say.* (*Gee* является эвфемизмом, происходит от *Jesus* и используется в данном контексте для выражения возмущения)

Важным средством передачи оценки являются модальные слова, которые помогают оценить высказывание и происходящее. К данной категории относятся слова, выражающие вероятность высказываемого: *perhaps, probably, evidently*, уверенность говорящего в предмете высказывания: *surely, of course, undoubtedly*. В отличие от совпадающих по форме наречий оценки и точки зрения с суффиксом *-ly*, которые дают объективную оценку действия и относятся к одному члену предложения, модальные слова относятся ко всему предложению и передают субъективную оценку высказывания. Примеры использования модальных слов в романе довольно многочисленны:

- **Evidently**, *when there is a crime in Milo slightly more serious than littering the police rush to the Pit and make accusations.*
- **Maybe** *you'll need another paralegal by then.*
- *The cops, **of course**, do not remember seeing Gardy at the Pit.*
- **Surely** *he **must've** been guilty of something ...*

Последний пример является иллюстрацией использования модальных глаголов, которые также имеют оценочное значение. В своих высказываниях говорящий оценивает действие как возможное, вероятное, запрещенное и т. д.:

- *No effort at heightened drama **is to be** missed.*
- *... justice **must be** done.*

В романе используются и другие грамматические средства так называемой объективной модальности, в частности, сослагательное наклонение. Объективная модальность является обязательным признаком любого высказывания. Она выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности и ирреальности. Такая модальность получает свое выражение на уровне синтаксического членения предложения и выражается такими грамматическими и лексическими средствами, как формы наклонений, модальные слова и частицы, интонация. Например, форма глагола в сослагательном наклонении отражает, как говорящий расценивает действие по отношению к действительности:

- *If I had a pile of money, I could spend the rest of my life doing this.*
- *If I bought a plane ticket today for Miami, the cops would know about it.*
- *... she wishes she were dead.*

Одним из средств языковой оценки, которые использует автор, является метафора: *The Internet burned with the story*. Л. М. Сергеева считает, что особую роль в интерпретации оценочных смыслов играет образная метафора. Образ в этих случаях служит своеобразным аналогом основания (критерия) оценки [Сергеева 2003: 3].

Для выражения оценки или точки зрения автор романа нередко использует сравнение. Как отмечает О. Г. Амирова, сравнение способствует созданию оценочной характеристики героев посредством сопоставления их чувств, мыслей, эмоций, внешних данных, особенностей поведения и различных явлений действительности [Амирова 2017: 53].

- *Fat Susie ... looks **like** she wants to shoot me.*
- *... and tension hits **like** a brick.*
- *He will be treated **like** royalty ...*
- *Huver's witnesses ... are cloaked with legitimacy **as if** they've been sanctified by the authorities.*

Для создания оценочной характеристики автор также использует такие стилистические приемы, как прецедентные

имена:

- All he ever wanted was to be a gangster, an old-style *Capone*-like character ... .

и аллюзии:

- *The defense table seems almost deserted when compared to the army across the aisle. I live for this David versus Goliath.*

В этом случае используется аллюзия к поединку Голиафа и Давида, описанному в Ветхом Завете Библии. Поединок известен как образ победы малого над большим. Давид смог победить великана.

- ... *Kaufman decides to excuse Mrs. Roston and replace her with Ms. Mazy, one of our blue-ribbon alternates.* В данном примере имеет место аллюзия на Орден Голубой подвязки, один из высших орденов Англии. Указанная лексическая единица в данном контексте означает *отобранный из числа лиц, обладающих необходимой квалификацией для того, чтобы быть присяжными в суде; заслуживающий доверия; беспристрастный* и используется автором с оттенком иронии.

Ирония – еще один стилистический прием, используемый автором для выражения своего негативного отношения к действиям и персонажам романа:

... these **wise and courageous** legislators passed another law ... .

В романе используются различные риторические фигуры – языковые средства на синтаксическом уровне: параллелизм (одинаковое или сходное синтаксическое строение соседних предложений), риторические вопросы, восклицательные предложения.

Обращение к параллелизму способствует выражению эмоционального отношения автора к высказыванию:

- **More of the same**, Gardy, I'm afraid. Just **more of the same**.

- **Brilliant. Just brilliant.**

- ...Max **knows it**. Everybody **knows it**.

- Now **back** in the old days and not too long ago, **back** when police work was done by cops who knew their beat and knew how to handle criminals, **back** when the police knew they were police and not Navy SEALs, **back** then, ladies and gentlemen, an arrest warrant would be served by a couple of officers who would drive over to Mr. Renfro's home, at a decent hour, ring his doorbell, step inside his house, and tell him he was under arrest.

Одной из наиболее часто используемых в романе стилистических фигур является риторический вопрос, с помощью которого автор придает высказыванию эмоциональную окраску и выражает личное отношение. Риторический вопрос в романе, как правило, имеет негативный посыл и выражает сарказм:

- How could this happen to them?

- *What can they do to me that they haven't already done?*

- *How's that for a vigorous defender?*

- *How's that for honest and unbiased reporting?*

Оценочное значение выражается также с помощью восклицательных предложений:

- *We are the entertainment!*

- *Boy, oh boy ...* . (в данном случае идиома используется для выражения удивления и является эвфемизмом для Oh My God!)

- *They have the wrong man!*

Нередко восклицательные предложения с оценочным смыслом вводятся с помощью местоимения what:

- *What a surprise.*

- *What a nasty one.*

- *What a moron.*

Оценка в романе проявляется также на уровне текста: автор прибегает к своеобразным высказываниям – оценочным рассуждениям с целью речевого воздействия на читателя:

- *As a society, we adhere to the belief in a fair trial for a person accused of a serious crime, but some of us struggle when it comes to the business of providing a competent lawyer to guarantee said fair trial.*

- *The road to justice is filled with barriers and land mines, most of them created by men and women who claim to be seeking justice.*

В результате исследования можно сделать вывод: в романе используются различные лексико-грамматические и синтаксические средства выражения негативной оценки судебной системы США, ее представителей, что отражает стремление автора к созданию отрицательного образа Фемиды в его стране.

Литература

Амирова О. Г. Сравнение как средство создания художественного образа (на материале английского языка) / Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. - 2017. - №5 (71) в 3-х ч.: ч. 2. - С. 53-56

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975.

Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. М., 2011.

Ляпон М. В. Модальность / Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 303-304

- Маркелова Т. В. Семантика и прагматика средств в выражении оценки в русском языке / Филологические науки. М., 1995. - № 3. - С. 67-79
- Сергеева Л. А. Проблемы оценочной семантики. М., 2003.
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- Турецкова И. В. Языковые средства манифестации пейоратива в словаре и тексте. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Самара, 2011.
- Фомина Ю. А. Аспекты изучения языковой оценки / Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Выпуск 16. - 2007. - №20 (98). - С. 149-156.
- Grisham J. Rogue Lawyer. - Knopf Doubleday Publishing Group, 2015.

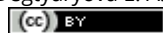
References

- Amirova, O. G. (2017). Comparison as a means of creating an artistic image. Philological science. Issues of theory and practice. Tambov: Diploma, 5 (71) in 3 parts: part 2, 53-56 (in Russian).
- Vinogradov, V. V. (1975). On the category of modality and modal words in Russian. Selected works: Studies on Russian grammar. Moscow (in Russian).
- Kashanina, T. V. (2011). Legal technique. Moscow (in Russian).
- Lyapon, M. V. (2002). Modality. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow, 303-304 (in Russian).
- Markelova, T. V. (1995). Semantics and pragmatics of means in the expression of assessment in Russian. Philological sciences, Moscow, 3, 67-79 (in Russian).
- Sergeeva, L. A. (2003). Problems of evaluative semantics. Moscow (in Russian).
- Telia, V. N. (1986). Connotative aspect of the semantics of nominative units. Moscow (in Russian).
- Turetskova, I. V. (2011). Language means of manifestation of pejorative in the dictionary and text. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Volga State Social and Humanitarian Academy. Samara (in Russian).
- Fomina, Yu. A. (2007). Aspects of studying language assessment. Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history, 20 (98), 149-156 (in Russian).
- Grisham, J. (2015). Rogue Lawyer, Knopf Doubleday Publishing Group (in English).

Citation:

- Дегтярева Е. А. Лингвистические средства выражения оценки судебной системы США в романе Дж. Гришэма «Вне правил» // Юрислингвистика. – 2023. – 29. – С. 98-102.
- Degtyarova E. A. (2023) Linguistic Means of Expressing Evaluation in J. Grisham's Novel "Rogue Lawyer". Legal Linguistics, 29, 98-102.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

Подписано в печать 27.09.2023 г.

Дата публикации издания 01.10.2023 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2023